

СИБИРЬ

6 • 2023

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПРЕЗИДЕНТСКОГО ФОНДА
КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

АДМИНИСТРАЦИЯ
ГОРНОДОНСКОГО РАЙОНА

ИРКУТСКАЯ
СИБИРЬ

Мир Русской духовности и культуры

3-13 Сентября

- ТВОРЧЕСКИЕ ВСТРЕЧИ
С ПИСАТЕЛЯМИ
- ПРЕМЬЕРЫ СПЕКТАКЛЕЙ
- КРЕСТНЫЙ ХОД
- КОНЦЕРТНЫЕ ПРОГРАММЫ
- КРУГЛЫЕ СТОЛЫ И
МАСТЕР-КЛАССЫ
- ИНТЕРАКТИВНЫЕ И
ОНЛАЙН-МЕРОПРИЯТИЯ
- ВЫСТАВКИ

Сияние России

ДНИ РУССКОЙ ДУХОВНОСТИ И КУЛЬТУРЫ
НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

справки по телефону: (3952) 43-42-70, Иркутский Дом литераторов, ул. Степана Разина, д 40.

ВЫСТАВКА «ВАЛЕНТИН СЕРОВ
ИЗ СОБРАНИЯ РУССКОГО МУЗЕЯ» (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

8 сентября – 12 ноября 2023 г.

Галерея сибирского искусства (ул. Карла Маркса, 23)

Портрет Александра III с рапортом в руке, 1900 г.

СИБИРЬ

401/6 6.2023

Литературно-художественный
журнал писателей Восточной Сибири
Учредитель — Иркутское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»
Журнал выходит при финансовой помощи
Министерства культуры Иркутской области
Основан в 1930 году. Выходит 6 раз в год

Содержание

Поэзия

Евгений Харитонов. «Нет сомнений — закончится эта война...»	3
Андрей Сизых. «Русский человек непобедим...»	56
Рада Черноусова. «И песнею зовётся тишина...»	74
Николай Вяткин. «Услышать шёпот моей печали...»	94
Надежда Чернышёва. «Со светом воскрешенья жить...»	126
Владимир Губин. «Бикфордова нить горизонта...»	142

Проза

Анатолий Байборodin. Дрова. Повествование в рассказах	6
Валерий Дмитриевский. Кандидат в призраки. Рассказ	63
Михаил Корнев. Живый в помощи. Рассказ-быль	137

Очерки и публицистика

Валентина Иванова. Услышать голос азбуки. Памяти Н.П. Саблиной и Л.В. Савельевой	78
Валерий Скрипко. Жить по-своему... (Выбор героя в сибирской прозе)	82
Эдуард Анашкин. Земной компас небесных стихов	88

Литературные хроники

Владимир Ходий. Литературная хроника Прибайкалья 1992–2011 годы. Часть 2	99
--	----

Виват юбиляр!

Валентина Сидоренко. Неугасимая свеча.
Размышления к юбилею Михаила Корнева 131

Жития народных

Дмитрий Киселёв. Забытый отряд 150

Быль и юница

Василий Козлов. О непридуманных историях и характере Николая Терещенко 158

Николай Терещенко. Непридуманные рассказы 170

Вернисаж

Ольга Юрчук. «Великий молчальник» 205

Книжная полка 209

Поздравления 212

Главный редактор **Ю.И. БАРАНОВ**
Заведующий отделом поэзии **В.П. СКИФ**
Заведующий отделом прозы, ответственный секретарь **С.В. ЗУБАКОВА**

СОВЕТ ЖУРНАЛА

Г.В. Аксаментов, А.А. Антипин, Ю.И. Баранов, В.В. Козлов,
М.Т. Орлов, О.Н. Полунина, А.М. Семенов, В.Н. Хайрюзов.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, кроме особо оговоренных случаев. Редакция оставляет за собой право принятые к печати рукописи редактировать и корректировать. Произведения более пяти авторских листов к рассмотрению не принимаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Оформление обложки Г.Г. Гордиевских. Комп. верстка А.Л. Гордиевских. Корректор Н.О. Шильникова.

**Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Иркутской области.
Свидетельство о регистрации СМИ от 13.12.2012 г. ПИ № ТУ38-00600**

Адрес редакции: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Адрес учредителя: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40.

Телефон редакции: 8-914-92-75-720. Электронный адрес редакции: shurnal_sibir_irkutsk@mail.ru

Подписано в печать 10.11.2023 г. Дата выхода в свет: 30.11.2023 г. Формат 70х108/16.

Усл.-печ. л. 20. Тираж 1000. Цена свободная.

Издательство: ИП Лаптев А.К. Адрес издателя: 664047, ул. Трудовая, 55-51. Тел. 8 (3952) 23-38-45.

Отпечатано в типографии: ООО «Цифровик»

Адрес типографии: 664047, г. Иркутск, ул. А. Невского, 99/2

ПОЭЗИЯ

ЕВГЕНИЙ ХАРИТОНОВ

«Нет сомнений — закончится эта война...»

Обретение веры

Стою себе под крышей храма.
Ладонь мою сжимает мама,
Как будто с кем-то ловит связь,
Рукой свободно крестясь.

Поёт протяжно с тихой грустью
Какой-то старец вековой.
А я рассматриваю люстру,
Висящую над головой.

В окне — небесная дорога
И месяц яркий и большой.
В тот день впервые вера в Бога
С моею встретилась душой.

ХАРИТОНОВ Евгений Николаевич родился в г. Белгороде. Член Союза Белгородских литераторов. Автор двух поэтических сборников: «Абрикосовая осень» (2022 г.) и «Мотыльки» (2023 г.). Лауреат литературной премии «В поисках правды и справедливости» партии Справедливая Россия — За Правду, г. Москва, 2022 г. Публиковался в периодических изданиях России и стран СНГ: «Литературная газета», «Подъем», «Берега», «Звезда Востока», «День и ночь», «Александръ», «Пересвет», «Нижний Новгород», «Приокские зори», «Невский Альманах», «Воин России», «Краснодар литературный», «Крым», «Северо-Муйские огни». Живёт в г. Белгороде.

Грехи

Вот если б все грехи на свете
Измерить каплей дождевой,
Потоп бы хлынул по планете,
Накрыв нас, грешных, с головой.
Дожди бы шли без остановки,
Пожалуй, целые века.
И только Божии коровки
Смогли б спастись наверняка.

Мужик из России

От войны, как от хмеля,
Ликовала Европа...
Богатырь, в самом деле,
Он восстал из окопа.

Не бежал и не гнулся
В направлении дота,
Где не раз огрызнулся
Голый ствол пулемёта.

Наблюдали осины,
Наблюдало полроты,
Как мужик из России
Шёл на звук пулемёта.

Сжав в ручищах гранаты,
С широченной спиною,
Молодой, неженатый,
Обручѐнный с войною.

Думал ли о спасенье? —
Как и все здесь, пожалуй.
Поражѐнной мишенью
Грудь его задрожала.

Он упал на колени,
Не добравшись до дота.
Но пошла в наступленье
Та, неполная рота.

В огнестрельную драку,
Окропляя мундиры,
Шли солдаты в атаку
За своим командиром.

Будут помнить осины
И бойцы из пехоты,
Как мужик из России
Вёл в атаку полроты.

* * *

Нет сомнений, закончится эта война
И споёт под окошком гармоника...
Но вдове не забыть, как однажды она
Обнимала, рыдая, покойника.

Хорошо, если встретит солдата семья,
Если смогут дождаться родители.
Если, всё-таки, дочери и сыновья
Вновь обнимут отцов-победителей.

Но ведь будут и те, у кого на пути
Не окажутся семьи с жилищами.

Те, кому за Победу злой рок отплатил
На родимой земле пепелищами!

Ну, а сколько ещё неразорванных мин
Выжидают удобного случая,
Чтобы нам в одночасье позволить самим
Жизнь свою посчитать невезучею.

Что ж, однажды закончится эта война
И планета, как прежде, закружится,
Но не скоро оправится наша страна
От её захлестнувшего ужаса.

Бессонница

Темно, как будто в ночь зарыты Небес созвездия с луной. Который час глаза закрыты, Но сон не властен надо мной.	А разум Бога умоляет, Чтоб Он скорей явил рассвет. И лишь когда коснётся века Тепло рождённого луча, Встаёт моя душа-калека С кровати, тело волоча.
Душа о чём-то размышляет, Скулит, бедняга, мочи нет.	

Русский солдат

Столпом величия России И был, и есть простой солдат! В его руках не только сила, А ключ от всех наземных врат!	И он в бою не ищет славы, А правду носит за плечом! Он — щит и меч моей державы, За что на славу обречён!
---	--

Европейкам

Пьёт горячий кофе парижанка, Немка едет с книгою в метро. А в России, в Новой Таволжанке, Женщина с ранением в бедро.	И плевать на то, что нас калечат Танки многих европейских стран. Дам совет тем дамочкам — вяжите Кофты, шапки, варежки, пальто. И когда в подвалы побежите, Не кричите: «Русские, за что?»
Им-то что? Война от них далече. Вновь зайдут под вечер в ресторан.	

На закате

Земные странствия не вечны. Когда-нибудь на склоне дня Туда, где путь проходит Млечный, Душа попросится моя.	Не будет горьких покаяний, От слёз не вымокнут глаза... И, сбросив наземь одеянье, Душа вспорхнёт под небеса
Присядем с нею на дорожку В тени аллеи у ольхи. Под шум листвы, как под гармошку, Прочту в последний раз стихи.	В простор покоя и молчанья, Мой слог, как лампу, погасив, Махнув крылами на прощанье Великой матушке-Руси.

АНАТОЛИЙ БАЙБОРОДИН

Дрова

ПОВЕСТВОВАНИЕ В РАССКАЗАХ

БАЙБОРОДИН Анатолий Григорьевич. Прозаик, публицист. Родился 24 марта 1950 года в забайкальском селе Сосново-Озёрск, где и окончил среднюю школу. По окончании Иркутского государственного университета (филологический факультет) работал журналистом в сельских и областных газетах Восточной Сибири. Преподавал стилистику русского языка для студентов-журналистов ИГУ; Член Союза писателей России с 1985 г. Работал исполнительным редактором альманаха «Иркутский Кремль»; с 2017–2021 гг. — главный редактор журнала «Сибирь», член редколлегии журнала «Сибирские огни» (Новосибирск). Автор книг: Диво: народные байки, побаски, сказы (2001), Косопят — Борода до пят: лесные сны (2010), Не родит сокола сова (2011), Озёрное чудо (2013), Небесная тропа: сибирские сказы (2014), Деревенский бунт (2017), Не родит сокола сова (2018), Русский месяцеслов: православный календарь и жития святых. Народные обычаи, обряды, поверия, приметы. Календарь хозяина (2020), Слово о роде и народе (2021), Накануне великих деяний. Святитель Иннокентий Московский: детство, отрочество, юность (2023). Является лауреатом Всероссийских литературных премий: «Литературная Россия» (1979), «Традиция» (1995), «Отчий дом» имени братьев Киреевских» (1999), премии имени Василия Шукшина (1999). Большой литературной премии России (2007), премии «Литературной газеты» «Золотой Дельвиг» (2015), премии имени Петра Ершова (2017), Всероссийской национальной премии имени Валентина Распутина (2018); областных — имени святителя Иннокентия Иркутского (1997), Губернатора Иркутской области (2002, 2011, 2012, 2014). Лауреат «Российского писателя» за 2020 г. в номинации «Публицистика» за статьи памяти Василия Шукшина «Сокровище. Слово и Дело». В 2021 г. награжден орденом «Звезда Достоевского» за достижения в области духовно-нравственной культуры и благотворительность. Живет в Иркутске.

Любить —
это значит:
в глубь двора
вбежать
и до ночи грачьею,
блестя топором,
рубить дрова,
силой
своей
играючи.

Владимир Маяковский

Пролог

...Небесная синева к полудню смеркла, укрылось веком синее око, и над вершиной горы Арафат печально плыли тучи, набухшие снегом. А у изножья горы мерцал жалкий костерок, и рядом ...зябнущие птицы... понуро грелись Адам и Ева, изгнанные из рая. Стужа одолевала, дрожь волнами пробегала по голым телам, и дров бы подбросить в костерок, но среди камней — лишь редкий, чахлый кустарник да ветер гулевой. Повалил густой влажный снег, и огонь, жалобно шипя, погас...

Дрожа от холода, Иван проснулся в дачной избушке; и, кутаясь в одеяло, вспомнил, что с вечера худо протопил печь ...дрова жалко скупердяю... да и забыл, не закрыл выюшку — остатнее тепло улетело в трубу. Мать бы ворчала: опять небо протопил...

Глянул в окошко: мамочки родны, в саду белым-бело; хотя вечер ещё молодо зеленели травы и кусты жимолости, смородины, крыжовника, а ныне, подобно старушкам, зябко укутались в белые шали. «Да, похоже, не случайно снилось, что прародители Адам и Ева мёрзнут, — смекнул Иван, клацая зубами от стужи. — Но вряд ли в знойной долине Арафата снегопады. Хотя чем леший не шутит...»

«Ну, вставай, Архип, петух охрип!» — приказал себе Иван; трусцой пробежал по ледяному полу до печки, над которой сушились штаны и рубаха, быстро оделся и, накинув телогрейку, притащил беремя дров. И скоро от запалённой бересты пламя метнулось по сухим поленьям, весело выиграло, и когда огонь в печке радостно запел, Ваня похвалил добрые дрова, берёзовые, лиственничные, добытые прошлой зимой в хребте, что выгибался к небу за околицей.

Дрова... Узрелось с высоты орлиного полёта царство русское: звонкий утренний мороз, посреди синеватых снегов чернеет деревенька, народ торопливо волочит дрова в жилища, топят печи, и дым над крышами задорно вьётся на ветру либо висит хвостом в безветрии.

Дрова дерзко и властно вошли в жизнь Ивана Краснобаева лет с шести, когда отец лесничил, и семья жила в вершине забайкальской реки Уды, у изножья затяжного хребта. Ранней весной снежный наст оседал, и отец с матерью пилили дрова на грядущую зиму, либо чистили лесные деляны, откуда сельские мужики на лесовозах вывезли строевой лес, а вершинник бросили леснику. Ваня подсоблял родителям собирать сучья в копны, а потом, когда отец поджигал их, зачаровано глядел, как пламя, словно огненные кони, скачет по сухому хворосту, яро возносясь в небеса.

Подросши, Ваня пилил с отцом лиственничные кряжи, с надсадой заваленные на козлы; но то дома, с отцом, а, бывало, и в школе гоняли на заготовку дров, коими отапливались две школы, — двухэтажка и одноэтажка для малышей.

Войдя в изрядные лета, Иван летовал, зимовал и в городе, и на лесных дачах, лестно прозванных заимками, где в хребтах заготавливал дрова, выискивая берёзы, лиственницы — сухостойные либо те, что на ладан дышат, готовые со дня на день пасть во мхи и багульники. Летую, зимую на лесных заимках — ради красного словца речено, хотя две дачи всё же — в лесу, и большая часть житья-бытья прошла на дачах.

Мог Иван и прикупить дров ...гроши водились... да и, случалось, брал на зиму, а на заимках не столь сухостой валил, сколь бродил ради доброго здоровья души и плоти, ради блаженной красоты зимнего леса. Но, хотя и не числился штатным лесорубом, а худо-бедно, за полвека в дровах толк познал, и, будучи смолоду ворчливым, мог и в преисподней проворчать: «Шибко, паря, дрова сырые, худо горят, шипят...».

Намедни листал Иван роскошный альбом Нестерова, и с умилением узрел цветные репродукции с картин, где преподобный Сергей Радонежский, вроде мужика деревенского, в паре с послушником пилит кряж, топором кантует будущий венец кельи, а может, храма, и носит дрова к монашеским кельям... Вот ведь, светоч земли русской, вровень святым апостолам, а тоже дрова пилил, подобно мужикам сермяжным; и обуяла Ивана гордость за дровосеков, в чей стан и прибил в таежном малолетстве.

В заготовку дров дивом дивным вплетались потешные и поучительные истории с характерами, судьбами; истории же те Иван стихийно ведал в дружеских и семейных застольях, растекаясь мыслью по древу, не печалась о стройности сказа.

Отец и дрова

Отзвенели грозные никольские, рождественские и крещенские морозы, стихли ворчливые афанасьевские, явился февраль, лютый, снежень, бокогрей, и мужики, перекрестившись Царю Небесному, поклонившись Царице Небесной, святым угодничкам, вгляделись в небеса, в синеющий за поскотиной лес: не пора ли дровосек зачинать?.. Судили-рядили: мол, боишься холоду, полюбишь тайгу смолоду, а лежебокам сулили: в тайгу не поедешь, на печи околеешь.

Но... переменчив февраль, недаром ветреных мужиков в деревне звали февральями: то оттеплит с капелями, то заметелит с буранами. На Сретенье Господне встретилась Зима с Весной, обнялись троекратно, и повеяла с лазурного неба оттепель, повисли с драневых крыш ледяные титьки, забренчали капли, но спохватилась зима и дохнула сретенскими морозами. Охота остаревшей зиме заморозить весну молодую, но сама, лиходейка, от хотения лишь потеет. А приспел и святой Власий: ночами звенят власьевские морозы, вершащие зимушку, но у Власия и бороды в масле, польёт Власий маслица на дороги, и повлажневший санный путь напомним о близкой весне, о дровосеке. Коли милостью Божией с небес слетала зима ласковая — вдовья, сиротская — да Власий лихо сшиб рог с зимы, то мужики, не выглядывая марта, трогались на дровосек, но чаще годили до Василия-дроворуба.

Ждали лесорубы март-зимобор, когда вешнее солнышко поцелует воскресную землю; но, опять же, и март куролесит ...ишь, ухарь-купец, удалой моло-

дец... верно же говорено: марток — надевай двое порток, ибо тепло обманчиво, словно грешная душа, могут и морозы ударить похлеще крещенских. Ну, словом, на Василия-дроворуба мужики — в тайге, дабы лес сечь, не жалея плеч, запастись дровами на грядущую зиму. И потеют дроворубы до Алексея Божьего, на деревенский лад славленого: Алексей-зажги снега, заиграй овражки.

Помнится, в начале марта-зимобора тайга оживала, и на солнечных проплешинах уже синели, желтели подснежники, в густолесье же белели сугробы; и о ту пору забайкальский лесник Пётр Краснобаев пилил дрова с богоданной, а рядом под мерное пение пилы-двуручки дремал сивый мерин, запряженный в сани. Свалив сухостойный листвяк, мужик с бабой кряжевали лесину, кряжи укладывали в сани, а подсоблял дровосекам шестилетний сын: таскал сучья в копну; и отец, ободря трудовой азарт малого, важно повелевал:

— Убирай, Ваня, чище — царь поедет. Поглядит, похвалит, да глядишь, и гостинец поднесёт. Пряник печатный...

Ох, мамочки родны, сам царь поедет через дабан¹, где лесничья изба!.. А вдруг пряничком угостит, а печатный пряничек — не шаньга творожная... Услышав про царя-батюшку да про печатный пряник, бегал Ваня мурашом по поляне, волочил сучья до кучи; запылился о замшелые валёжины, падал, вздымался, воображая, как на пятерике белых коней катит царь в золотой карете, с золотой короной на русых кудрях... О царе поминал отец не случайно: готовили дрова подле старомосковского тракта, по коему цесаревич Николай изволил ехать, следуя из Читы в Верхнеудинск. Но... давно уж дорогу спрямили, и брошенный царский тракт, поклонно величаемый старомосковским, заглох в сырой глуши березняка и осинника; истлели мосты, а топкие калтусы², словно прожорливые чудовища, заглотили бревенчатые гати.

Раскряжевав листвяк, уложив кряжи в сани, отец наломал сухих сучьев, запалил тихий костерок, потом смастерил таган — на берёзовые рогатки уложил жёрдочку с закопчённым котелком, и, вскипятив снег, запарил чай с брусничным листом. Мать на толстый пень постелила холщовое рядно, выложила каравай ржаного хлеба, яиц, вяленой сохатины и даже по кусочку колотого сахара. Отец порушил каравай крупными ломтями и напластал сохачьего мяса, потом приволок пару валёжин под седалища, и семейство село чаевать. Хотя изба под боком, но охота в тайге почаевать, растопив снежок в котелке.

С поздней осени, когда снежок застелил землю и тонкий наст укреп, до поздней весны, когда снег набух влагой и осел, Ваня, впрягаясь в лёгонькие нарты, возил из леса сухие сучья — отец берег дрова. Мать, глядячи на сына, запряжённого в нарты, с улыбкой поминала стих о том, как мужичок с ноготок вёл под уздцы лошадку, везущую хвороста воз. Прошлый год привезли на зимние каникулы Татьяну, Ванюшину сестру, что бегала в школу вторую зиму, и та, придвинув керосиновую лампу ближе к хрестоматии, шаря сонными глазами по строчкам, учила наизусть стих о махоньком дровосеке:

*Однажды, в студёную зимнюю пору,
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.*

*И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведёт под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!*

¹Дабан — хребет, гора, пологий горный перевал.

²Калтус — топь, болото, поросшее кустарником, березняком.

И так нудно и долго зубрила, что Ваня быстрее выучил и подсказывал, ежели сестра запинаясь.

Года через два семья уючевала в село, — ребятишек пора учить; и однажды Ваня подслушал с печи, как отец, звонко плеская в гранёные стаканы «сучок³», заливал байки мужикам:

— На кордоне-то, паря, браво жили, по косачам⁴ ходили: тьма была, сидят, как вороны, на деревьях, хоть за хвост их имай, оне сытые, лететь не могут. Кучно сидели... В осенину окно откроешь, и с окна стреляш, вот те и уха из петуха... А на солносяд окошко отворишь, удочку настропалишь, и — в речку, вот те и ленки на варю и жарю...

— В вершине Уды и охота ладная, — сказал мужик и добавил с лукавой улыбкой. — Помню, батя говаривал... Нас было три брата: Егор, Василий и Степан. Вот мы поехали на охоту, недалёко. Теперь едем, глядим — козы! Много их. Егор стрелил: «бух!» — сразу двух! Василий стрелил: «грох!» — сразу трех. Вот мы их набили...

Отец, улыбнувшись небылице, опять хвалил таёжный кордон:

— И с дровами, паря, сподручно: шаг шагнул — тайга, сухостою тьма; а на баню — листвяжки пни, гаркие, жаркие...

Мужик ...до отца лесничал на Удинском кордоне... согласно кивал головой, цокал языком:

— Да, Петро, на реке Уде дрова бравые — листвяк...

— Дак, Прокопий, у нас в Еравне кругом охальной листвяк, — отец уточнял: дескать, в Еравнинском районе, что на северо-востоке Забайкалья — сплошь листовничная тайга.

— А помню ...я ишо под стол пешком ходил ... отец помер, и мы с мамкой уючевали к дяде. От мамка чо намаялась с дровами-то, а, не приведи Бог. Вокруг деревни — сплошной сосняк. Не дрова — пыль. Мама вздыхала: «Не дай Бог мужика пьяницу и худые дрова...». А потом, паря, уючевали в другое село — красота: сразу за поскотиной — березняк...

Мать, гоношась у печки, подавая мужикам жареных карасей, улыбалась отцовым байкам, качала головой в диве и тоже поминала лесной кордон:

— Осенью кухта⁵ падат, дак тайга вся в золоте. Кулями таскали кухту листовняншну... На Покров выскоблишь пол косарём самокованным, промоешь на две-три воды, постелешь кухту, — браво, листовню пахнет, лесом... Благодать Божия...

Лёжа на печи, чуял Ваня: материн говор пахнет смолистым, таёжным духом, и сквозь слёзный туман видел лесничью избу... На Рождественский сочельник отец украшал избу чушачьим багульником, лапником из пихты, ели, можжевельника; лапник укрывал неокантованные, круглые венцы, и лесничья изба обращалась в глухоманную тайгу. А богомольная мать застилала пол клеверным сеном, вспоминая: Отроче Младо на сене родился в яслях, подле коз и коров; и таёжная изба уподоблялась сеновалу. А на Святую Троицу хороводились в избе кумушки-берёзки — не изба, а роща, и пол, устланный свежескошенной травой, — пойменный луг подле берёзовой гривы.

³Сучок — водка низкого качества, из древесного спирта, а мужики говорили: из дров.

⁴Косачи — тетерева.

⁵Кухта — листовничная хвоя.

Крытая сосновым драньём⁶, четырёхскатная, дородная изба таилась у отрогов Яблонова хребта, лицевыми окнами глядела на пойменный луг и речку Уду, а слева от усадьбы, огороженной бревенчатым заплотом, — широкий таёжный распадок, где мать с отцом пилили дрова.

Отец Вани, Пётр Краснобаев, хотя и слыл мастеровитым, азартно любил труд, а вольно ли, невольно сменил уйму деревенских ремёсел, — увольняли: подвержен зелёному змию и худой во хмелю; но выпало домочадцам доброе времечко, когда отец лесничал на кордоне и редко выпивал, — мать, боясь сглазить, не радовалась вслух, лишь плакала исподтишка и ночами молилась святому Вонифатию — от пьянства исцеляет.

* * *

Отец отлесничал и вернулся в село, где уже чаще заглядывал в рюмку, гадая: чо там, паря, налито; а потом с гулкого похмелья заживо сдыхал. Летом спасался от похмельной кручины и головной ломоты тем, что, насадив на черень кучерявую ерниковую метлу, мёл ограду, мёл за воротами, мёл вдоль палисадника, и мог бы вымести, вылизать всю улицу, всё бывшее волостное село, лишь бы заглушить и развеять похмельные страдания, когда уже лечиться тем, чем зашибся, нету мочи, — пропита моченька, седмицу гулял без просыху.

А зимой отец спасался дровами: взваливал на козлы листовничный кряж, выносил из амбара пилу с ладно разведёнными, острыми зубьями и на пару с Ваней, уже отроком, пилил дрова, нет-нет да и ветошью, смоченной в солярке, натирая дочерна засмолённую пилу. Из мелкого запила, потом глубокого реза брызгали на снег хмельно пахнущие, жёлтые и бурые опилки...

Ване тягостно пилить, а отец, случалось, заваливал на козлы каменный листвяк: парнишка нервничал, заполошно дёргал пилу, тянул, вроде, из последней моченьки, забывая отпустить, и отец то выберит, то утешит:

— Ты, паря, крепше за ручку держись, чтоб не вырвалась, — пила же сама пилит... Не дави, не дёргай с пылу да жару. Тихонько тяни и отпускай да не загибай, не загибай, пили ровненько... Ты же мужик...

Мужик, мужичок с ноготок приноравливался к отцовей тяге и, чтобы не затомиться, увеселиться, подтягивал голосистой пиле: «Вжик, вжик, я — мужик; вжик, вжик, я — мужик...»; и даже выводил куплеты чуднее: «Пили, ели свиристели», а пила подтягивала: «пили, ели свиристели...».

А вешним рассветом, поигрывая колуном, высматривая трещины в торцах, отец колол чурки, примороженные утренником, ещё не разбухшие на щедром мартовском солнце. Колол с хаканьем, с отрадой и усладой, и, наметав стог поленьев, городил поленницу, выводя игривую, красивую клетку, приняхиваясь к свежим полешкам, — спиртом пахнут, водкой «сучком».

Ныне Иван, матёрый мужик, видел сквозь хмельную, полувековую мглу: отец, несмотря на зимнюю стужу, в сырмятных ичихах, смазанных дёгтем, в чёрных галифе и сером свитере, отложив колун, присаживался на измочаленную листовничную чурку, похожую на бочонок, доставал кисет, и, насыпав моршанской махры в линиялую газетную осьмушку, закрутив в самокрутку, закуривал. По-хозяйски оглядывал растущую поленницу дров, и светлели отцовы глаза, досель тёмные, мутные; и Ваня, четвертую зиму постигающий азы, буки, веди, верил

⁶Драньё — доски не тплёные, а колотые из сосновых кряжей.

учительнице, что труд обратил обезьяну в человека; потом смеха ради воображал, как вертлявая мартышка пилит и колет дрова, постепенно обращаясь в человека.

Отец, если дрова кололись легко и ловко, добрел, и, случилось, на перекуре толковал сыну:

— В твои лета, паря, я уже в лес ездил по дрова... Помню, махнули в лес с братом ...ему о ту зиму одиннадцать было... свалили пару листвяков, распилили на кряжи. В сани завалили кряжей пять, перевязали и тронулись с Богом. И, помню, приморазивало, а коль мороз, дак сорок пудов на воз — снежный наст крепкий, дорога лёгкая, можно и побольше в сани нагрузить. ... И помню, растяпы, топор посеяли в дороге. Беда... Тятя не облаял, но велел: «Ну, паря, чаю хлебните с мороза, да и валите в лес, ищите топор. Коня не дам, конь устал, пешком дуйте. Без топора не возвращайтесь — топор кормит, поит, одевает, обувает и обороняет...»

Легко сказать, дуйте за топором, а у нас моченьки нету — вымотались в тайге, но тятя попере́к слова не скажи, вожжами отпотчует. Потопали, а уж сумерки, в степи боимся сбиться с пути, и хорошо с Прокопа⁷ на случай пурги натыкали вехи по обочинам — молоденькие ёлки. Топам, тятю корим, клянём: коня пожалел, а нас не жалко... Летами я такой же был, а братка двумя годами боле... — отец вновь напомнил, пытливо и назидательно вглядываясь в сына. — Но, теперичи, волочимся, а уж смеркатца, и ...есть же Боженька на свете... встречу — Гриня Байбородин, родней доводился, но так, вроде, седьма вода на киселе... Дядя Гриня тоже дрова везёт; полны сани, паря, нагрузил, а сам подле бредёт... Кобыла аж вся заиндевела, куржаком заросла...

«Куда, — говорит, — на ночь глядя лыжи наострили?»

Ну, мы и обсказали чо да как, а сами уж ревмя ревьём — парнишки же...

«От, паря, беда-бединушка... — вздохнул дядя Гриша, — худо ваше дело, робяты, хуже некуда. Впотьмах топор искать, что иголку в стогу. Может, от дороги в снег улетел, мало ли чо... Вы уж, паря, кругом глядите, глаза у вас острые... А тятка-то ваш ши-ибко сердитый, за топор три шкуры сдерёт... Но чо, топайте; может, глядишь, и месяц взойдет, дак светле будет...»

И уж тронулись мы с браткой, а дядя Гриня вслед:

«Постойте, — говорит, — ноне волки рыскают, дак вы хошь дрын подберите обороняться-то... — мы со страха аж заледенели, а дядя Гриня топор и достаёт из саней... — Не ваш ли, робяты?.. Чудом увидел: спешился отлить, гляжу, топор на дороге валяется...»

От, паря, мы ревом ревьём, а он шутики шутит... шутник, язви его в душу...

«Но, паря, тятка-то ваш ши-и-ибко сердитый: поче же ребятишек-то гнать в лес за топором?! Коня бы заседлал да верхом проехал, глянул...»

Да, сердитый был тятя... Да и поневоле будешь сердитый, коли нас, ребятешек, восемнадцать. Ежели эдаку ораву не держать в ежовых рукавицах, тогда кто в лес, кто по дрова... Другорядь и обмануть норовили, а ныне бы тятя в ноги пали... Не привадишься робить и беречь нажитое, помирушкой-побирушкой, бестолочью по миру пойдёшь...

Ваня почуял, последнее сказано ему и в укор, поскольку и от домашней работы отлынивал — с ребятами любил побегать, на конёчках покататься по ледяному озеру, и добро, отцом нажитое, сроду не берег — сколь Маркен, соседский дру-

⁷Прокопьев день отмечается 5 декабря (по старому стилю — 22 ноября). В православном календаре это дата почитания мученика Прокопия Кесарийского (Палестинского), чтеца.

жок, выманил рыбацких крючков, лески, щучьих блёсен, изготовленных отцом из столовых ложек.

Вспоминая, отец выкурил самокрутку до корня, когда говорят: кури дружок, я губы обжѐг, и, поплевав, загасил. Надел брезентовые верхонки, ухватил колун и отмашисто саданул по чурке; а мать, пробегая по ограде, вдруг замерла... Настрадавшись от недельной пьянки-гулянки, умиленно глядела на трезвого и домовитого мужика, но потом взгляд заволокло слезами, словно стылым, морозящим дождём, и мать безголосо заплакала. Горькая и сырая бабья доля: и в горе воеет, и в радости слезьми уливается... Хвалила мать богоданного, глядя как нарядная, золотистая поленница выросла по бревенчатый заплот, гадая о житье-бытье просто: слава Те, Господи, сена корове накосили — с молоком перезимуем; картошку в подпол ссыпали, бочонок капусты наквасили, лагушок рыбы насолили, дров напилили, муки, соли, сахара запасём, так и по миру не пойдём, с голоду не пропадём... даже если папаша загуляет. Загуля-а-ает... — смолоду обвык.

Когда Ваня, не пригибаясь, под столом пешком ходил, четыре брата довоенного приплота, отслужив службу ратную, отчалили из села; но три сестры да Ваня ещё росли в старенькой избе, а посему мужичья работа потихоньку-полегоньку с отцовых плеч кочевала на Ванины плечи. Воду с озера вози — летом бак на тачке, зимой на санках, а потом стайки чисти, корову ищи в поле, рыбу лови, дрова пили, коли, а ведь охота с дружками в прятки поиграть, в лапту и выжигало, в чижа и городки; охота, с горем пополам поделившись на белых и красных... все нагло лезли в красное воинство... укрываясь щитами из печных заслонок, биться на мечах и саблях, кои ребятня ловко мастерила из ржавых обручей, некогда крепивших капустные бочки; охота и в озере купаться, а по зиме на самодельных коньках кататься, прикручивая их кожаными лентами к подшитым катанкам.

Охота играть подростку, но мать ребячью охоту сурово окорачивала; и помнится, в очередную зиму распилили отец с Ваней листовенничные кряжи на чурки, а ночью у отца хворую спину прихватило, разогнуться не мог. Видно, надсадил поясницу, коряча толстые кряжи на козлы... Трёхлетним Ваня, бывало, топтал отцу спину, и отпускало, а нынче некому топтать; вот скрюченного и увезли отца в сельскую больницу, а потом и вовсе в город утартали. После сего мать и велела сыну:

— Хва по деревне шлындать, придуривать, коровьи шавяки пинать. Раз отец хворат, дак иди и коли дрова, а то чо же, неделю чурки посередь ограды торчат, как бельмо в глазу...

Школьная любовь и дрова

Отбегав пять зим в школу, деревенские ребяташки не столь учились, сколь трудились: копали картошку, моркошку, турнепс, убирали капусту, гребли скошенную траву в копны, рубили жерди для поскотиной городьбы, стригли овец, выгребали назём из овечьих кошар, да и любая сельская страда не обходилась без школьной подмоги. И то ребятам не в тягость, а в радость — смалу приважены к труду, да, бывало, передых, парни потешные байки травят, девки, сбиваясь на смех, радостно поют. Ну, да сельских девок хлебом не корми, дай посмеяться — простодушные; и слава Богу, ибо старики говаривали: где просто, там ангелов до ста.

Посреди весны, когда солнышко слизало снег на степных увалах, а в тенистой лесной чаще ещё белели сугробы, старшекласники пилили дрова на зиму, ибо прожорливыми печами спасались от стужи две школы: большая, рубленая из матёрого леса в два этажа, и малая, барачная, прозванная курятником. Василий Шукшин, бывший директор сельской школы, горько помяная школьные хлопоты, поведал и о дровах: «...Что такое директор школы? Дрова достань, напили, накопи, сложи, чтобы детишки не замёрзли зимой...»

В эдаких заботах жила и сельская школа, где учился Ваня Краснобаев... Помнится, в марте Серафима Ивановна, молоденькая литераторша, она же и классная, похожая на смуглую птицу, оповестницу весны, возгласила десятиклассникам:

— Уроки отменяются, едем в лес дрова пилить...

И парни, кои больше любили трудиться, чем учиться, ревели лихоматом «урра-а...», швыряли книги к потолку, а тётка-поломойка, задумчиво опершись на швабру, вздыхала, вроде жалея горемычную тайгу:

— Ну, держись, тайга, архаровцы нагрянут...

* * *

Серафима Ивановна, прозванная Симой, залетела в Сосново-Озёрск прямо с институтской парты, и свалился на её бедовую головушку наш девятый класс, где уже застарело укоренилась неприязнь к литературе. Первого сентября, когда над селом празднично синели небеса, когда берёзы в школьном саду загрузтели в предчувствии осенней мороси, а озеро утомлённо вздыхало, подле школы-двухэтажки выстроилась торжественная линейка. Для завтрашних выпускников голосил школьный хор, и звонко, садня душу слезой и тоской, вились над школьным двором отроческие голоса:

*...День настанет, простимся со школой,
выпускной окончится год.
И отсюда тропинкой весёлой
навсегда наше детство уйдёт...
Тропинка первая моя,
Веди от школьного порога,
Пройди все земли и моря
И стань счастливою дорогой!⁸*

Хотя и простенькие куплеты, проще некуда, но столь пронзительны музыка и пение, что у заскорузлых парней душа жалобно заныла; а уж слезливые десятиклассницы, вдруг осознав, что прощаются с детством, и больше не свидятся, хором заплакали... После речей первоклассник, бойко тряся медным ботальцем, позвонил, и школьники разбрелись по классам.

Серафима Ивановна явилась в чёрном, плавно облегающем, длинном платье, с узеньким пояском и белым кружевным воротничком, нежно оттеняющим смуглое лицо с ямочками на щеках; окинула класс смущённым, виноватым взглядом, и школьники, привыкшие к властным учителям, удивлённо затаились, а дерзкие пареньки откровенно любовались. Литераторша стыдливо покраснела, потом обиженно опустила глаза долу, поскольку засмеялась Кланька Смолянинова, до срока вызревшая, отчего коричневое школьное платье смотрелось на деве, словно седёлка на корове, а парадный белый фартук походил на запан, что повязывают

⁸Из популярной песни советского времени «Школьная тропинка».

бабы, домовничая, гоношась в кути и горнице. Кланька с головушки до пят оглядела Симу ревнивым бабьим взглядом, и, сварливо поджав губы, обозвала Дюймовочкой. Соседние девицы повеселели, вспомнив: Дюймовочкой в селе дразнили тётку ростом под потолок и поперёк себя толще, в калитку едва пролазила. Деревенские — поперечные: ежли мужик тощий, кожа да кости, зовут Толстым; ежли баба шибко страшная на обличку, Красоткой величают; ежли хозяйева скудные, едва сводят концы с концами, — Богачи.

Но с какого боку-припёку Кланька обозвала литераторшу Дюймовочкой, если Серафима Ивановна не толстая, не тонкая, по-девьи ладная?! Но, видно, из литературы лишь Дюймовочка вошла в Кланькину память; да и то осела лишь потому, что довелось однажды, выйдя к доске, поведать сказку на потешный лад... «Но-о-о, Дюймовочка, махоня, малохольная такая, вроде цыпушки, но захороводилась с болотным лягушом... с кем не бывает... потом с мышом, потом с жуком... Копалась, принца ждала... На юг махнула, там нашла... мужика с крыльями...»

Обозвала Кланька литераторшу Дюймовочкой и засмеялась, хотя нашей Шуре, глупой куре, палец покажи, ухочется... Но спустя годы Ваня вспоминал и дивился: иные девки, вроде пятёрочки, институты кончили, по городам рассеялись, а житуха... так-сяк, наперекосяк: либо в девках подолом трясли и суразят⁹ натрясли, либо смолоду — вдовы-бедовые, да и... цветы степные, пересаженные в глиняные горшки... увяли рано; а эта баба Бабариха, как позаочь, чтобы не схлопотать по шее, дразнил её Ваня, эта, подле которой однокашники казались заморышами, хотя и училась через пень-колоду, но в девках не засиделась; да, страдала по Кешке Климову, но после выпускного бала выкинула блажь из головы и вскоре вышла за домовитого деревенского парня, укочевала из районного села в деревеньку-малодворку, похожую на заимку, и зажила с мужиком по-божески, по-русски. Плодилось, трудились в поте лица, а потом, во Христа крестясь, во Христа облачаясь, молились; и хотя упирались от темна до темна, не покладая рук, не разгибая спины... скотины полон двор... зато и дуреть некогда, зато и зажили крепко и не оскудели даже на голодном и холодном перевале веков. Мужик, умудрившись завести грузовик, коему не страшны худые таёжные просёлки, попутно заготавливал и продавал дрова. Вот и барыши ладные....

Но то случилось после, а ныне...

Ныне же явилась в школу Серафима Ивановна — словно бедная школа обнову добыла, обмыла и красуется... Перед Симой сникли даже архаровцы, кои окопались на «камчатке»... так звались задние парты... и до Симы, при мужиковатой Пелагее Сысоевне, на литературе либо трепались, либо храпели, не страшась свирепой литераторши.

А Кеху Климова... Маркена, по-деревенски... сами учителя боялись, пуще полымя; хотя и роста... аршин с малахаем, но дерзкий и отважный, деревянно сбитый, вроде багровый листвяк, от коего топор отскакивает, по-собачьи огрызаясь и повизгивая. И недаром учителя боялись паренька: прошлую зиму удалец-оголец в сердцах схватил залитую чернилами лохматую хрестоматию и кинул в Пелагею Сысоевну, да впридачу обложил её мужичьим матом. Благо, в лицо не попал, уклонилась... И лишь за то, что литераторша, ворчливая, бранливая, всю Маркенову плешь переела, требуя, хоть убей, вызубрить отрывок из письма Татьяны Лариной к Евгению Онегину.

О мужичке можно — тема знакомая: Маркен сызмала подсоблял бате пилить

⁹Сураз — внебрачное чадо.

дрова для сельских контор и бани-казёнки; на худой конец, можно и про буре-вестника, что гордо реет над седым от пены морем, — тоже знакомо, коль вырос на озерыше и под чаячий плач удил рыбу; можно, и даже охотно, о вещем Олеге, что проучил неразумных хазар, — Маркен спал и видел себя шлемоносцем; можно о поле Куликовом, о Бородинской битве, но письмо Татьяны к Онегину учить Маркена и палкой не заставил бы, а тем паче вещать: «...То воля неба: я твоя; вся жизнь моя была залогом свиданья верного с тобой; я знаю, ты мне послан Богом, до гроба ты хранитель мой...»

— Может, мне старуху Изергиль¹⁰ изобразить?! — огрызнулся Маркен. — Могу бабу-Ягу, а письмо не буду, не заставите...

Но и литераторша не попускалась:

— Чтобы к завтрашнему уроку на зубок, чтобы от зубов отскакивало....

Письмом Татьяны Лариной словесница и удумала сломить Маркена, объездить уросливого жеребчика, обуздать, охмутать. Узду-то, может, и накинута; может, даже оседлала и в седло влезла, да халюный¹¹ жеребчик закусил удила, полетел свирепым ветром, да на лету и скинул седока.

Педсовет вырешил гнать Маркена из школы взашей поганой метлой, а литераторша челом била в милиции, дабы приструнили варнака¹², но мать все конторские пороги прошаркала, слезами улила и выплакала парня. На школьной линейке отчитали варнака, для острастки оставили на второй год; вот Маркен нынче и угодил в Иванов класс. По слухам, Маркенов отец, фронтовой орденоносец, поучил сына вожжами, вопрошая: «Хочешь, Кеха, неучем остаться?.. Хочешь, как я, всю жись в тайге мантулить?! Дрова пилить?!»

Ох, видно, теми вожжами и образумил батя Маркена: минует четверть века, багровой зарею взойдёт грядущее столетие, и перед Иннокентием Климовым, армейским генералом, хлебнувшим мятежного Кавказа, здешние власти постелят ковровую дорожку от поскотины до школы и будут гадать: какую улицу переименовать в честь Иннокентия?.. где воздвигнуть статую?.. и можно ли прижизненно?.. А для почина поменяют в Климовской избушке нижние венцы, сгнившие в труху, поправят забор и ворота с резными верями и двускатной крышей из соснового дранья. Но то будет после, а пока — школа.

Маркен всякое вольное время, прикрутив самодельные коньки на валенки, катался по ледяному озеру и, мечтая о коньках-норвегах, о заправдашной клюшке, кривым сучком гонял по льду конский шавяк, похожий на шайбу. Подросши, напялил боксёрские перчатки и, случалось, валил с ног даже зрелых парней; а посему по физкультуре ходил в пятёрочниках, да и по иным предметам выбился в ударники, но литературу люто невзлюбил, словно злую мачеху. И не полюбил даже при Серафиме Ивановне, хотя вдруг, изумив братву с «камчатки», взметнул руку и, выйдя к доске, прочёл «Бородино», ловко изобразив бывалого вояку:

— Да-а-а, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя... — Маркен с нарочитой горечью вздохнул. — Богатыри — не вы! — картинно указал на Ваню Краснобаева.

А ведь тот, хотя и телок смиренный, а двухпудовую гирю и кидал, и толкал, и

¹⁰Героиня из произведения М. Горького.

¹¹Халюный — горячий, своевольный.

¹²Варнак — разбойник по-сибирски.

жал; в тайге же нынче, когда готовили лес на тепляк¹³, сосновые кряжи ворочал наравне с мужиками.

Маркен завершил «Бородино», Кланька гулко и смачно била в ладони — давно уж втрескалась по уши, хотя от любви не сохла, а пуще добрела в боках.

Если уж Маркен, врождённый футболист, хоккеист, смирился с русской словесностью, то и прочие её терпели, но посмеивались, когда Ваня, заядлый книго-чей, вызубрив стих, оглашал, невольно любуясь Серафимой Ивановной:

*На заре ты её не буди,
на заре она сладко так спит;
утро дышит у ней на груди,
ярко пышет на ямках ланит...¹⁴*

Прости, Господи, взойдёт же блажь в беспутную душу, набухшую любострастной лирикой: читая, вольный малый вдруг вообразил: Серафима Ивановна сладко спит на сеновале, раскинув руки, словно крылья, разметав каштановую гриву по белой овчине, брошенной в изголовье, и сквозь щелястую крышу из усохшего соснового дранья — снопы утреннего света плавают по ланитам, а утро дышит на девей груди...

На сей строке парнишка невольно покраснел, вдруг вообразив литераторшу женой, забыв, что Серафиму Ивановну пасёт школьный трудовик по прозвищу Киянка — даст по башке деревянной киянкой ...молоток увесистый... и окочуришься в расцвете сил. Когда Ваня завершил стих, Маркен, ревниво слушавший, громко спросил:

— А ланиты, чо это?

Дружки его, Бог весть что и удумав, заржали, словно жеребцы застоялые, а Серафима Ивановна, виновато и смущённо опушая глаза кукольными ресницами, показала пальцем на щёку.

— М-м-м... — понимающе промычал Маркен, а Кланька Смолянинова, не вмещая стих в деревенское разумение, подивилась:

— Не буди... А кто корову будет доить?! — и поморщилась. — Ишь, ланиты...

А Ваня переживал: про перси бы не спросили — намедни же Серафима Ивановна читала:

*Я не желал с таким мученьем
Лобзать уста молодых Армид,
Иль розы пламенных ланит,
Иль перси, полные томленьем;
Нет, никогда порыв страстей
Так не терзал души моей!¹⁵*

Ваня, начитавшись до одури про перси, уста и ланиты, греша стишками, исподтишка, чтобы архаровцы не осмеяли, умиленно гадал: кого больше любит?... русскую словесность или учительницу литературы?.. А раньше Ваню ланиты мало волновали; любил стихи про степи и леса, про озёра и реки, про деревенские промыслы, ремесла, сезонные труды, про ту же заготовку дров; и даже при Серафиме Ивановне читал любимый стих сельских ребятишек — о дровосеке, что от горшка полвершка, а уж тятке подсобляет. Даже не читал, а потешно играл, и

¹³Тепляк — флигель.

¹⁴А.А. Фет. «На заре ты её не буди...»

¹⁵А.С. Пушкин. «Евгений Онегин», глава I, строфа XXXIII.

на глазах сверстников то сердобольный барин оживал, то умудрённый мужичок с ноготок...

*Однажды, в студёную зимнюю пору,
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз....
— Откуда дровишки?
— Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу.
(В лесу раздавался топор дровосека.)
(...)
— А кой тебе годик?— «Шестой миновал...»¹⁶*

Ишь, все куплеты выучил, а то, помнится, вышел шалопай к доске, начал «Однажды в студёную зимнюю пору я из лесу вышел...» — здесь чадо яростно поскрёб затылок, по локоть засунул палец в нос, обморочно закатил очи к потолку и, не узрев там подсказки, ловко завершил. — Я из лесу вышел и снова зашёл...

— Артист из погорелого театра, — ревнивый Маркен низко оценил искусное чтение, ибо нашла коса на камень, ночная кошка пробежала меж уличными дружками.

А Серафима Ивановна, дивясь странному для сельского паренька пристрастию к литературе, царице искусств, полюбила юного стихоплёта любовью учительской, книжной. Если литература была последним уроком, случалось, и после звонка горячо толковали о Пушкине и Гоголе, о Кольцове и Некрасове; и уже в классе шелестел слушок: мол, видели, как Иван с книжками под мышкой выходил из старого барака, где квартировала литераторша. Ванины дружки посмеивались:

— Смотри, Ваня, как бы трудовик не шибанул киянкой по башке.

Ревниво и пугливо поглядывая на ухажёра Серафимы Ивановны, русого и рослого учителя столярного труда, Ваня сжимался, когда тот показывал, как ловчее молотком-киянкой сбивать табуретку. Недаром трудовика позаочь и наградили кличкой Киянка.

Похоже, и Маркен, забыв Кланьку Смолянинову, потаённо сох по литераторше, что вдруг открылось, когда старшеклассников кинули на заготовку дров...

На утренней заре собрались дровосеки в школьной ограде, набились в кузов допотопного школьного грузовика Газ-51 и с гомоном, визгом, хохотом, с озорными песнями покатали по селу. Помнится Ивану, горланили ходовую, подходящую случаю, задорную песенку про лесорубов:

*Лесорубы,
Ничего нас не берет —
Ни пожары, ни морозы!
Поселился
Наш обветренный народ
Между ёлкой и берёзой!
Э-ге-гей!
Привыкли руки к топорам!
Только сердце
Непослушно докторам,
Если иволга поет по вечерам¹⁷.*

¹⁶Н. А. Некрасов, из поэмы «Крестьянские дети».

¹⁷Популярная песня 1960–1979-х годов «Лесорубы».

Девчата, как и ребята, в телогрейчишках, кирзачах, но иные в ярких вязаных шапках, в цветастых полушалках, и раздумянулись на ветру, любо-дорого поглядеть. Ваня же вглядывался в заднее окошко кабины, высматривая Серафиму Ивановну, но за стеклом мелькал лишь сиреневый шерстяной берет и, под цвет ему, пушистый шарф.

А тут Кланька Смолянинова, согласно дровосечной страде, отголосила деревенскую частушку:

*Девки любят лейтенантов,
Бабы любят шоферов.
Девки любят из-за формы,
Бабы любят из-за дров.*

Ветхий грузовичок, одышливо хрипя, сипя и кашляя, полз по ухабистой таёжной дороге и, запыхавшись, на школьной деляне заглох. Возле свежего костровища выгрузили из кузова пилы, колуны, холщовые котомки с домашней снедью. Огляделись... На солнечном склоне широкого распадка сиреневыми всполохами цвёл багульник, а в чащобе светился снег и голубели, белели подснежники. Среди пней поджидали дровосеков листовенничные кряжи, — мужики загодя свалили, сучья обрубили и собрали в вороха.

Школьный шофёр, угрюмый пожилой мужик, обречённый бригадирить, разбил ребят и девчат по парам, выдал пилы, колуны и верхонки, чтобы руки не мозолить, не занозить. Ваню взяла в напарники Серафима Ивановна; и парнишка колол чурки, а учительница на листовенничные лаги укладывала поленья в ровную поленницу, по краям с помощью Вани выводил клетки.

Прошлую весну ширикали кряжи пилой-двуручкой, а в тот памятный вешний день Маркен, которого отец-лесоруб смалу впряг в таёжную работушку, явился с батиной бензопилой «Дружбой». Ребята глядели на героя завистливо, девчата с восхищением; но, распилив на чурки пару кряжей, герой долго бился с заглохшей «Дружбой», а потом, смачно плюнув на пилу, ухватил колун. Сын матёрого лесоруба, Маркен, опять же на зависть ребят, ловко и красиво колол чурки, даже Серафима Ивановна любовалась, глядя, как парнишка, распустив чурку на плахи, ставил плаху на приземистый толстый чурбан, и лихо летели поленья из-под играющего колуна.

Девчата собирали поленья в стройные поленницы и звонко пели:

*На медведя я, друзья,
На медведя я, друзья,
Выйду без испуга,
Если с другом буду я,
Если с другом буду я,
А медведь — без друга!
Что мне снег, что мне зной,
Что мне дождик проливной,
Когда мои друзья со мной!*

Долго ли, коротко ли пыхтели работнички с пилами и колунами, но вот бригадир, прозванный бугром, крикнул:

— Перекур!..

Серафима Ивановна присела на поваленный кряж, а Ваня сбегал на край распадка и, вернувшись, принёс ей букетик белых и голубых подснежников. Учительница мило улыбнулась парнишке, и тот вовсе потерял голову; но... недолго музыка играла: когда бригадир завершил перекур, пришёл Маркен и, оттеснив Ваню от Серафимы Ивановны, велел:

— Иди, Ваня, пили с девчатами. Там парня не хватает...

— Ты и пойди. Пошто я-то должен?!

Маркен зло прищурился, грозно насупился.

— Иди по добру, по здорову, а то...

— А то чо?

— Чо, чо!.. Пару плюх, и отвалишь...

Над таёжным распадком сгустились мрачные тучи, вырвалась драка, и, уже не слушая уговоры и причитания учительницы, парнишки вкрадчивыми петухами запохаживали друг возле друга, накаляясь, поджидая удобный миг, чтобы засветить сопернику в глаз. И быть бы Ване нынче битому... хотя и косая сажень в плечах, а духом слабак, а Маркен драться мастак... но вдруг рядом взревел и заглох мотоцикл «Ирбит», и, когда пареньки обернулись, увидели: явился, не запыхавшись, белобрысый учитель столярного труда, прозванный Киянком. Широко улыбаясь, подошёл к Серафиме Ивановне, принародно обнял литераторшу, а уж потом из люльки мотоцикла достал пилу «Дружбу»...

Учителя работали споро; чему-то смеялись, исподтишка обнимались, а Маркен с Ваней безголосо плакали, прощаясь с былым очарованием. Эх, где вы ныне, жаркие очи, румяные ланиты, светлое чело, лебединая выя и взволнованные перси?.. Где былые страсти, палящие душу искусительным огнём?.. Всё смыла шальная полая вода...

Солнечным полуднем отдыхали у костра, и пареньки азартно разглядывали, щупали мотоцикл М-72, и Киянок толковал: на сих «Ирбитах» русские воевали с фашистами, в люльке сидел пулемётчик и косил фрицев, как траву литовкой. А лет через десять после Победы «Ирбит» стали продавать мирным людям, хотя в память о страшной войне на люльке красовалась короткая труба, куда стрелки вгоняли ножки пулемёта.

Маркен, красуясь перед девами, бритким топором ловко натесал с сухого листовничного пня толстую щепу, похожую на распластанных красных рыб, сложил шалашом, вглубь сунул бересту и запалил. Из двух берёзовых рогаток и осиновой поперечины смастерил таган, на который бугор подвесил закопчённое ведро с талым снегом. Коль листовничная щепка горела жарко, то вскоре вода тоненько засипела, пошла кругом, и бугор, сняв ведро с тагана, заварил, а потом забелил крепкий чай козьим молоком.

Рассевшись на сдвинутые кряжи, пили чай из казённых алюминиевых кружек, пили вприкуску с колотым сахаром, закусывали домашней снедью — пирожками и творожными шаньгами, и Серафима Ивановна вспомнила:

— Поскольку дрова играют великую роль в бытовой жизни русского народа, то о дровах писали русские писатели в прошлом и нынешнем веке. Даже поэт Маяковский воспел дрова. Да... Вот послушайте... Вначале в стихе «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви»:

*Любить —
 это значит:
 в глубь двора
 бежать
 и до ночи грачей,
 блестя топором,
 рубить дрова,
 силой
 своей
 играючи.*

Похоже, Ваня, Маркен и Киянок, толком не слушая «лестницу» пролетарского стихотворца ...ишь нагородил, каланча, верста коломенская... не вникая в смысл стиха, восхищённо глазели на учительницу; а у той глаза влажно светились, щеки рдели вешними цветами-жарками.

— ...Маяковский, хотя и революционно-пролетарский поэт, не менее Есенина славился любовной лирикой, и вот ещё стих, посвящённый возлюбленной, где, опять же, поминаются дрова:

*Я
 много дарил
 конфет да букетов,
 но больше
 всех
 дорогих даров
 я помню
 морковь драгоценную эту
 и пол-
 полена
 берёзовых дров.*

Позже Иван, студент филфака, вычитал у Есенина: «Ляжет бревно в литературе, и не обойти, не перешагнуть...»; а вычитав, вспомнил, что читая Маяковского, Серафима Ивановна сидела на бревне рядом с Киянком. А тот, будучи учителем столярного труда, словоохотливостью не отличался, но вдруг поведал неведомо где услышанную притчу о мудром дровосеке:

— Глядел я на Кешу Климова да на Ваню Краснобаева, вижу: состязаются соперники... — покосился на Серафиму Ивановну, и дева-краса заалела, опушила глаза густыми ресницами. — Глядя на ребят, вспомнил: читал в книжечки...

В пересказе Киянка притча звучала так... Состязались два лесоруба, кто за три часа повалит топором больше сосен, и когда судья свистнул, что есть мочи замахали топорами, вгрызаясь в сосновую плоть. Первый лесоруб через всякие полчаса замирал — вроде, отдыхал; а второй думал: «Самое время обгонять...» и пуще рубил топором. Пролетели три часа, судья просвистел отбой; и второй лесоруб был ошеломлён, когда судья известил, что первый за три часа срубил вдвое больше сосен. «Как ты смог меня обогнать?! — обиженно возопил первый, — ты же каждые полчаса отдыхал, а я рубил и рубил без передыху...» «Да, я останавливался, — ответил второй лесоруб, — но не отдохнуть, а подточить топор, а ты рубил и рубил тупым...»

Заполосной, быстротечной весной отшумела юность, разметающая соперников по белу свету; Иннокентий Климов тянул офицерскую ляжку, Иван Краснобаев, будучи газетчиком, шатался по сибирским деревням и сёлам. Потом из сель-

ского очеркиста возрос до очеркового литератора; и через четверть века после памятной заготовки дров вдруг случайно встретил Серафиму Ивановну в Иркутске — лечила нервы в здешней здравнице, иногда выбиралась в город, любуясь чудесами деревянного и каменного зодчества.

Иван выведал: Серафима Ивановна с учителем столярного труда вырастила сына и дочь, но рано овдовела, и ныне одиноко доживала век в стареньком, ветхом городишке. Былая краса Серафимы Ивановны по-осеннему построжала, словно уготовленная к грядущей зиме; и, вновь очарованный, Иван год жил перепиской, потом навестил учительницу в сонном городишке, но вдруг — короткое послание, где Серафима Ивановна оповестила: «Ваня, радость моя, дни мои сочтены; и через месяц, будешь в храме, поставь на канун свечку во упокой моей грешной души; да и в алтарь пошли зауспокойную записку. И я посильно молюсь о душе твоей...» Упокой, Господи, душу усопшей рабы Твоей Серафимы, прости ей вся согрешения, вольная и невольная, и даруй ей Царство Небесное...

Лесные заимки и дрова

У мужиков случаются увлечения: иной почтовые марки копит, иной проще — спичечные этикетки, иной за полевыми бабочками угорело носится... слава Богу, не за бабами... иной шарится по тайге с понягой¹⁸ на горбу, иной, словно горный козёл, скачет по скалам, иной тьму денег ухитил на чёрную зависть простолюдию и путешествует по миру на белой крейсерской яхте — в белых штанах, а зазноба в чем мать родила; иной, что нынче в диковину, забивает шкафы и полки книгами, иной увлекается футболом, иной спиртоболом, а Иван Краснобаев увлекался дровами, тридцать зим пилил дрова на лесных заимках да, к слову сказать, еще и сажал картошку.

Душно, скушно, гибельно сельской душе в бетонной пещере, а посему Иван, будучи доцентом университета, потом — мелким издателем, дня три в неделю служил, прочие дни — на дачах; а выйдя на пенсию, и вовсе не выводился из лесных заимок, забредая в город лишь от житейской нужи и крещенской стужи.

Но пока до пенсии, як медному котелку, служить да служить; и абы не стыть в дачной избе, абы размяться и по зимнему лесу прогуляться, Иван пилил дрова; да так дровяная страда втемяшилась в разум, что, бывало, катит на поезде, хлебает чай из гранёного стакана с резным подстаканником и глядит в окошко, где снежные поля и леса, где утонувшие в сугробах ветхие избёнки, — глядит и вроде любит, но, любуясь, вольно ли, невольно ли высматривает сушины, годные на дрова, не созревшие в коре.

За четверть века случались отрадные зимы, когда Иван даже в крещенскую стужу обитал на дачах, хвастливо величая их лесные заимки, ибо вначале обрёл избушку в таёжном байкальском распадке, потом — ближе к городу, на затяжном, пологом хребте. А коль перелесок под рукой, то поздней осенью, зимой и ранней весной заготавливал дрова.

Заселившись в тенистом распадке на отшибе байкальского села Култук, Иван обиженно вопрошал себя: «Что творится-то, а!.. в лесу живу, а без дров сижу. Жить у воды да не напиться...» Но усадьба покойного кузнеца-единоличника досталась с дощатым сараем, где, лаково взблёскивая, чернел каменный уголь. Хотя

¹⁸Поняга — самошитый таёжный рюкзак.

и не мил уголь ...пылища да угарный жар... но вынужден просеивать уголь сквозь панцирную сетку и топить плиту, хотя русскую печь не поганил углём, протапливал дровами; и, благо, угля хватило лишь на зиму, потом пришлось по старинке, свалив топором, таскать с хребта сухостойные берёзы и осины.

Поначалу навещал байкальскую заимку короткими набегами ...работёнки выше крыши... и однажды поздней весной прибежал переколоть дровишки ... сухие чурки уже давно и бесхозно дыбились горой посреди ограды, желтеющей одуванчиками... и уж взялся за колун, нагрянули гости, словно в песне: «Самолёт летит, колёса стёрлися, а мы не ждали вас, а вы припёрлися...»

После гостей Иван сам гостил в родном забайкальском селе, и уже посреди лета колол чурки, набухшие травяной сыростью, вязкие, заплесневелые. Ладно, листвяк, сосняк — терпеливый, а уж берёза под шкурой шибко преет в жару, быстро гниёт, и бывало, найдёшь в тайге брошенную берёзовую чурку, возьмёшь в руки, а из чурки, как из трубы, сыплется изжелта-белый, сухой прах. Словом, дрова вышли никудышные, но уж зато следующее лето поленья, берёзовые вперемешку с лиственничными, заготовленные по зиме, сложенные в стройную поленницу, тешили хозяйский глаз.

И, помнится, вырвался Иван на заимку в начале весны; вошёл в ограду и остолбенел: от поленницы, как от горемычного козла, остались рожки да ножки. Догадался ...да и санный след указал... дрова укочевали в усадьбу Хомяка, хотя какая, Господи прости, усадьба, коль Хомяк, пьющий на пару с Хомячихой, давно уж спалил дощатой заплот, сараюшки, стаюшки, и ныне избёнка нищенски чернела на семи ветрах. Теперь и на Ивановы дрова позарился: видно, голод да холод — не тётка, как замерзать, пошёл воровать. Парень, позаочь прозванный Хомяком, — косая сажень в плечах, борода до колена, а дров ни полена; и хорошо, Хомячиха, эдакая юркая махоня, на московском тракте от случая к случаю торговала копчёным байкальским омулем, а то бы и вовсе загнули.

Вспомнилось, по осени завернул Хомяк одолжить гроши на похмелье ... займи мне, а возьми на пне... и с лютой завистью смотрел увалень на поленницу, что золотилась на утренней заре; и хотелось Ивану усмехнуться: завидки берут, на чужу кучу глаза пучишь; но предчувствие затомило душу ...вороват Хомяк... да так оно и вышло, после чего Иван тяжело вздохнул и решил: «Пора, хомячки, попрощаться с вами, и с байкальской заимкой...»

Эх, дров ни лучины, а живут без кручины; как ни заглянешь, либо, обнявшись, дрыхнут средь бела дня, либо жрут палёную водку¹⁹, что у шинкарки обменяли на ворованное барахло — видно, очередную дачу обчистили. Хомяк фомкой дергал дверные пробой, Хомячиха сноровисто совала в заплечный сидор дачное барахло, не брезгуя и шторами из посеревшей, древней тюли. Но Бог шельму метит: не бывает вор богат, а бывает горбат; хотя и не вырос горб на спине Хомяка, но по пьянке обморозил пальцы, и жутко смотреть, как сжимал горемыка культами граненый стакан с палёным пойлом. Но, говаривал Хомяк, нет худа без добра — дали пенсию по инвалидности; правда, гроши, лишь для поддержки штанов, чтоб не упали, но и за то поклон собесу²⁰.

Иван, не помнящий зла, жалостливо размышлял: «Не я, Бог им судья, поселковым хомякам, у нас, богемных любодеев, грехи потяжелей... Да, вороваты, но

¹⁹Паленая водка (паленка, катанка, катька) — грошовый спиртовой суррогат, производимый из сырья низкого качества в подпольных цехах, продаваемый часто из-под полы шинкарями и шинкарками.

²⁰Собес — (соц. обеспечение) государственный орган социальной помощи населению.

ведь алкогольная зависимость — хворь, а с хворых какой спрос? В кармане вша на аркане, а душа горит геенским полымем, требует катанку. Поневоле бежишь по дачам; вымотришь, что худо лежит, отнесёшь шинкарке, а та, лихая бабища, вынесет пластиковый пузырь сладковатой отравы, погружающей душу в желанный бред...»

Иван редко вспоминал култукских Хомяков, а если и поминал в застольных беседах, то ради потехи; чаще же, словно в счастливом сне, виделся таёжный распадок с извилистым ручьём и усадьба, любимая до слёз, что лепилась к плешивой сопке, с вершины которой семейство Краснобаевых любовалось священным озером Байкал. В памяти оживали закаты и рассветы в кедрачах, брусничниках, черничниках, в грибных сосновых борах; слышались азартные беседы у ночного костра; оживали и вдохновенные ночи, когда, исписав пачку серой бумаги, сладостно утомленный выходил в ограду, и душа счастливо кружила над вершинами древних сосен и лиственей, возносясь к звёздной россыпи.

Помнится, студенты-журналисты писали зарисовки о вешних лесах и полях с использованием просторечной лексики и фразеологии, а Иван Петрович Краснобаев, университетский доцент, пялился в окошко, вспоминая вчерашний день. Вчера обитал на байкальской заимке, что таилась в распадке, под сенью двух таёжных хребтов; вчера волочил с угора сухостойную осину на дрова и конопатил мхом банный сруб, а ночью, кружа воображением в родимом селе, с тихим восторгом сочинял роман о сельском детстве и отрочестве.

До слез любил Иван байкальскую усадьбу; тосковал, словно по матери, забытой-заброшенной в лесной глуши, а, выпив хмельную чару, лил покаянные слёзы на столешню. В распадке росла малая дочь, выросла старшая, рядом жили добрые приятели — писатели и живописцы, в избушке меж крутых хребтов, случалось, вдохновенно читал и сочинял ночи напролёт; а днями азартно пахал на усадьбе. Поклон Лесной улочке, что народилась у говорливого ручья...

* * *

По осени, когда лиходеи дважды выломали двери в избу и вынесли жалкую утварь, когда вырыли картошку... а Краснобаевы в урожайное лето накапывал дюжину кулей... когда и поленицу дров уволокли, Иван горестно доспел: дача в нищем посёлке — искус безработному, хмельному люду, а посему решил кочевать в дачное садоводство, подальше от лихих селений. По дешёвке продал усадьбу и через год поселился в избушке, радуясь: полчаса ходьбы от полустанка, и окнами в пологий хребет, у изножья поросший березняком, сосняком и осинником, а повыше — листвяком, столь желанным печи в крещенскую стужу. И в радость дровосеку, что у полустанка имя лесное — Листвяничный, и у садоводства лесное — Берёзовое.

«Эх, в тайгу бы заимку, — вздыхал Иван в послании писателю Тарковскому, что четверть века штатно охотился в енисейской северной тайге. — Завидую снежной завистью: ты обитаешь в тайге, я под грохот поездов живу в пригородном березняке и сосняке. Охота пожить в зимовье, в краю непуганых рыб и бичей, когда рыбища клюет на голый крючок и рвёт жилку, когда в тайге черным-черно от черники и вишнёво от брусники, а рыжиков, сырых груздей хоть литовкой коси... Свистни, прибегу...»

Свистнул бы, да, поди, чует: не разбежится товарищ, коль шарит в кармане, хватит ли на трамвайный билет. Опять же, Иван зря приbedнялся в послании; сла-

ва Всевышнему, и его леса добры: могучие сосны и лиственни рядом со звонколистым, певучим березняком.

В прошлом году — затяжная поздняя осень, тёплая, посеум и сиротская, и вербе почудилось — весна: распушилась, яко на Вербное воскресенье. Ох, поспешила верба с пухом: на Казанскую Богородицу небо с утра прослезилось, а к потёмкам приморозило, ночью оттеплило и до рассвета — густой снегопад. Верно речено стариками: осеннее ненастье — семь погод на дворе: сеет, веет, крутит, мутит, ревёт, сверху льёт и снизу метёт. Потом весна явилась, тоже не чище; времена года хоровадились вокруг лесной избушки, томили душу сладкой истомой, потом жгли душу горечью одинокого, не облаканного житья-бытья.

Марья-зажги снега, заиграй овражки — с любовью, но по-свойски, словно деревенскую жёнку, сельские мужики и бабы величали преподобную Марию Египетскую; и в день её апрельский вдруг с отцветающих небес на вешние леса и поля слетелись все времена Года: Весна — игривая дева, украшенная звонколистым зелёным венцом, Лето — томная дева в цветастом сарафане, разметавшая по смуглым плечам белёсые косы, Осень — грустная дева, накинувшая багряную шаль, и Зима — суровая дева в синевато-белом покровце. Взавшись за руки, девы повели хоровод: с утра по-зимнему приморазивало, потом валил сырой осенний снег, а к полудню припекло весеннее солнышко, звенели ручьи и по-летнему зеленела, цвела мурава по сухим угорам.

* * *

Желанно вспомнилась давнишняя ранняя осень: двадцать второе октября — Яков-древопилец; на лесной заимке робкий, рыхлый снег; в заснеженной роще среди голых берез поперечная нравом, стойкая берёза в зелёной листве, и гадал Иван, глядя в окошко: хворь кумушку одолела или наоборот шибко здоровая и земля обильная в корнях?.. А потом иная загадка одолела: на Якова-древопильца, коли снег лежал крепко, мужики ладили санный путь в тайгу, расчинали дровосек — раннюю заготовку дров либо строевого леса; но с какого бока-припёка, с каких пирогов деревенские мужики обозвали апостола Иакова Алфеева древопильцем, ежели в житие святого и слова не молвлено про заготовку дров и леса?! Хотя, в деревенском месяцеслове эдакие чудеса сплошь и рядом: подгадал Иаков под дровяную страду, вот и — древопилец.

Словом, в день апостола Иакова Алфеева, брата святого евангелиста Матфея, на Ивановой заимке выпал снег... Вечер на солнотечных угорах, среди белёсой ветоши, куртинками зеленела поздняя мурава, а утром — белым-бело. Ближе к полудню подул тугой верховик, погнал за таежный хребет стаи серых туч; над разлапистыми соснами взыграла метель, — в порывах ветра с лап и вершин летел и омутно вихрился сухой снег. После полудня небо засинело, ярко отражаясь в просёлочных лужах, и по-вешнему запела капель. Но в лесу снег уже лёг зимовать, и коль привалил Яков-древопилец, то Иван, сунув топор за кушак, рванул в лес — сбить охотку, оглядеть угожье да, глядишь, прихватить малую сушину.

* * *

Нынче предзимье подкралось тихо, потаённо, яко седина у мужика: вчера вились кудри, словно буйная осока лохматилась на кочке, сегодня жалко висят

кудерьки вокруг потной зальсины. Предвидя дровосечный азарт, Иван торопил зиму, жил на заимке в ожидании снега, коему пора бы укрыть земелюшку, коли уж Покров пришел.

На Покров Божией Матери Иван молился в храме святого Харлампия и, сражаясь со смертными грехами, вымаливал у Царицы Небесной спасение: «Помяни мя во Твоих молитвах, Госпоже Дево Богородица, да не погибну за умножение грехов моих, покрой мя от всякого зла и лютых напастей; на Тя бо уповаю и Твоего Покрова праздник чествующе, Тя величаю».

После обедни выбрался на лесную заимку, открыл печную вьюшку, выгреб из поддувала пепел, а то уже подпирает дверку, сыплется на притопочный железный лист, и протопил печь жаркими листовничными поленьями, хотя, жалея бедные запасы дров, мог бы и попросить, как в ранешней деревне: батюшка Покров, натопи печку без дров. Натопи-ил бы... Вспомнил: однажды на Крещение... прости, Господи, грешника... упился красного вина и уснул на заимке — в сохатиных унтах и монгольской дублёнке, с долгим вишнёвым шарфом, что умудрился повязать стильным узлом. Да и будешь спать эдак стильно, ежели изба не протоплена и пар изо рта клубится. Хотя дрова с вечера занёс, а на топку сил не хватило.

Коль Покров, то и привиделось Ивану далёкое до слёз, когда деревенские сверстницы гадали: бел снег землю покрывает; не меня ль молоду замуж снаряжает?... Эх, Ивановы деревенские сверстницы, войдя в девьи лета, случалось, ворожили на женихов, а глядя на каганец, что светил из русской печи, пели:

*Каганец, каганец,
Ты скажи мне, молодец,
Когда жених ко мне придет,
Смоляных дров привезет.*

А уж на Покров просом просили: покрой батюшка-Покров землю снежком, а молодуху кокошником?... А то и чуднее умоляли: Покров Пресвятой Богородицы, покрой мою победную головушку жемчужным кокошником, золотым позатыльничком.

Укроется свадебным кокошником и позатыльничком сестрица-молодица, а укроется ли земля снегом?... И вот сел Иван чаевать, обморочно уставившись в окно; да вдруг почудилось: кусты жимолости, вишни и крыжовника затаились в предвкушении снега, но трава — зелёная, но цветут дерзкие синие цветы, и листья не пожелтели у одичавшей вишни. Тепло, на окошке стадами божьи коровки пасутся, словно на лесной заимке бабье лето, что давным-давно отошло. Впрочем, обрядолюбцы толковали, что иное бабье лето лишь на Покров завершается, и тогда земля укрывается белой бабьей шалью.

Глядя в зелёный сад, гадая про снег покровский, Иван тихо задремал, откинувшись в кресле; очнулся, открыл глаза: Боже мой!.. в саду белым-бело, и лес заснеженный, словно Иван уснул зелёным летом, а проснулся белой зимушкой. Убрело бабье лето, мужичья зима привалила; пора снег разгрести и торить тропу на лесной угор.

Утром вышел на крылечко, глянул: Господи, столь снега выпало, что угнутая малина спряталась в сугробе, и от кустов жимолости, вишни, крыжовника торчали лишь макушки. Ближе к полудню ветер-верховик разогнал снежные тучи, и под голубыми небесами снег, утаивший тоскливую серую землю и сивую ветошь, радостно искрился, сочно, певуче скрипел под валенками. До полудня, скинув телогрейку, Иван в охотку махал деревянной лопатой, торя тропинки, расчищая ограду для будущих кряжей и чурок.

Зима... В памяти поддужным колокольцем своевольно звенел стих:

*Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь...²¹*

«Плетётся рысью...» — смешно звучит, поправить бы Александру Сергеичу... — думал Иван, собираясь в хребет. Надо осмотреться, выбрать на повал берёзы и осины, в кронах которых жалко трепещут на ветру две-три чахлые ветки; эти лесины с гнилыми сердцевинами обречены на погибель и со дня на день рухнут. Лет пять назад горел и без того хворый здешний лес, и пожар подкрался к дачному поселю, но слава Богу, вышли дачники соборно да и погасили пламя. Но леса пострадало изрядно: обгорели комли матерых лесин, отныне похожих на гнилые зубы с черными дуплами. Подобные и брал Иван, даже если лесины росли на гребне затяжного хребта; а деревья с пышной кроной обходил — пусть очищают воздух от заводского чада и смрада.

А вот сосед напротив, летующий и зимующий на даче, пластал берёзы с краю леса и подряд, оставляя после себя поляны с высокими пнями, словно могильными крестами. Иван спилил пни под корень и с каждого пня добыл по две чурки дров. Сосед, судовой моторист в отставке, сухой, смуглый, с носом, что кривая турецкая сабля, злой до работы, зимой от темна до темна возил хлысты и кряжи через Иванову усадьбу с калиткой в лес; и когда в очередной раз тащил санки с доброй добычей, Иван добродушно посоветовал:

— Ты бы, сосед, повыше ходил да валил хворые... А то выпласташь, облысеет хребет...

— А мне плевать, на мой век хватит... Буржуи всю тайгу сибирскую в Китай упёрли, а чо уж говорить про корявые берёзки...

— Это, сосед, не оправдание...

Обиделся сосед, наторил тропу в хребет через другую усадьбу; а Ивану жалко редееющий лес, жалко и соседа — хворый же, коли злой, как пёс цепной.

«Ну, Бог ему судья...» — махнул рукой Иван и полез в угор. Побродил по лесу, зорко высматривая павшие деревья и сушины, надыбал сохнущую на корню осину и завершил поход в долгий хребет со скудной добычей: береста на растопку и ветки багула, что в тепле и зимой цветут сиреневым цветом.

А утром в чиненной внахлест, линиялой телогрейке, в старых катанках, сунув под кушак острый топор, крестьянский сын Иван Краснобаев впрягся вместо клячи в кондово сбитые сани с железными подрезями и, радуясь снегу, порысил в хребет. На гребне, помолясь, перекрестясь, плюнув на ладони, словно встарь, срубил топором у самого комля помеченную осину.

Даже зажив за семьдесят, Иван пахал не шель-шевель²², а чертомелил, словно молодой, и бегал как угорелый, но... сколь не хорохорился, годы брали в полон, укатали сивку крутые горки. Вот и ныне, свалил осину — ушомкался, одышливо опал на добытый осиновый хлыст и учуял, как загнанно стучит сердце, мечется в клетке убогое.

Оглядел лесную благодать: снег иссиня-белый, небо высокое, голубое, солнце печёт, сосны золотятся, и дыхание наладилось и сердце успокоилось, и в душе —

²¹А.С. Пушкин. «Евгений Онегин», глава 5, строфа II.

²²Шель-шевель — медленно, нерасторопно (обл.).

райский умилённый покой, и сладостная дрёма одолела, и дремотные мысли вяло роились под малахаем: «Рвану в столицу и — в Кремль в эдаком облачении — в телогрейке, в подшитых катанках: пусть видят, как живет писатель, выходец из народа: и в пир, и в мир, и в лес по дрова — все одёжа одна. Выходцев при серпе да молоте и в Кремле с хлебом-солью встречали, а ныне Кремль скажет: «Такой ты, Ваня, и писатель, коли в телогрейке... Чучело замшелое, и едешь в дачной электричке да в раздрызанной маршрутке, где народу битком, как сельдей в бочке; а путние писатели живут кум королю: из Парижа не вылазят, обитают в хоромах, катаются на легковушках...»

Здесь стоит молвить: Иван — в отрочестве водитель колхозной кобылы, даже в буйном воображении не мог узреть себя водителем легковушки, хотя приткие Ивановы приятели давно уже завели железных кобыл. Но Иван полвека утешался тем, что ходьба удлинит земное обитание, вечное же сидение за рулём укорачивает. А ходить довелось изрядно: полвека брал голубицу, черницу, брусницу, одолевая заходы в пять, семь и десять вёрст да в крутые хребты, возвращаясь с горбовиком, битком набитым ягодой. С трудом водрузив на спину горбовик либо пестерь... подобие рюкзака, но из тонкого алюминия... натужно спускаешься с хребта сквозь буреломы, то на карачках проползаешь под лесиной, нависшей над тропой, то перебираешься через толстые скользкие валёжины и, обливаясь жарким потом, кляня осатаневших паутов либо комаров, яростно зарекаешься: палкой теперь в хребёт не загонишь; да я лучше на базаре ягоды куплю, чем в тайге маяться. Но зароки, словно талый снег, испаряются под жарким солнышком, и перед глазами синим-сине от черницы, красным-красно от брусницы, а вспомнишь ночи у костра, азартные беседы до рассвета, и за макушкой лета, ближе к осени властно повлечёт в хребты.

Иван, чуждый спорту, нынче осознал, что уже сорок лет турист с вечной поныгой на горбу; осознал, когда с рюкзакищем тронулся на дачу и залез в маршрутку, где народу битком; всех распахал, отчего у юнцов и девушек в раздражённых глазах виделось: охренел дед, с огромным рюкзакищем в маршрутку влез. И чо деду дома не сидится?! Ладно бы лето, а то зима... Иван, часто и тяжело вздыхая, подумал: надо переходить на лёгкий прогулочный туризм по аллеям парка...

Полвека прожил Иван, пёхом забираясь в хребты да еженедельно топая по три версты на лесную заимку, поддергивая увесистый рюкзак на горбу, хмуро оглядывая скользкие мимо легковушки. Но сейчас, сидя на дородном пне, Иван не размышлял о ездоках и пешеходах; сейчас думы выплетались чуднее: «Ежели, скажем, в телогрейке в Кремле окажусь, Кремль, однако, поморщится: «По одёжке, Ваня, протягивай ножки»; хотя и на порог, поди, не пустят. А жаль, даже царь принимал крестьян в лаптях; да и Ленин, хотя и богохул, но принимал ходоков в нищенских рубищах. Кажется, пришельцы даже чаевали с Ильичом; но, как грешили на вождя монархисты, Ильич присматривал, чтобы ходоки не свистнули серебряные ложечки...»

Стряхнув дремотные думы, Иван воткнул в уши наушники, подключённые к телефону, и в душе ожила Благая весть: «Тако будут последние первы, и первии последни: мнози бо суть звани, мало же избранных...»

Абы глаголы Божии не затмились житейскими мыслишками, словно хлебные нивы плевелами, добавил звук в наушниках и, загрузив осиновый хлыст в сани, поволок добычу с хребта. Мимолётно подумал: «Ведь и Царь Небесный в земной юности плотничал и, поди, с отцом и братьями заготавливал дрова... Хотя какие дрова в Иудее, в Израиле?! Хворост...»

Утром, барахтаясь в сугробах, Иван брёл по взлобку выше в хребёт — дальше в лес, больше дров; а в изножье хребта продирался сквозь сосновое мелколесье, и с потревоженных лохматых лап сыпался снег, да ладно, что обратил дровосека в снеговика, но и за шиворот угодил, стылými ручьями скатываясь по жаркой спине.

Долго ли, коротко ли, забрался на хребтинку, облюбовал сухостойный листвяк; и, помолясь на восток, вдруг сразу завёл изработанную, капризную бензопилу, и цепь люто вгрызлась в древесную плоть. Иван пожалел, что дерзко и опасно замахнулся без пособника на эдакий могучий листвяк.

Но, слава Богу, прицельно ухнула лесина, к радости Ивана не зависла кроной на разлапистой сосне; а случилось, лесина, падая, зависала на соседних деревьях, и приходилось либо раскачивать, чтобы упала, либо рискованно пилить на весу, а то и бросать в надежде, что за лето свалят буйные ветра. Ныне же, благополучно свалив дородный листвяк, срубил сучки и собрал в копёшку — к будущей зиме просохнут, можно в снегах запалить костёр, сварить чай с брусничным листом. Убрав сучья, вновь завёл «Дружбу» и, слушая кликушеские завывания бензопилы, раскряжевал лесину. Запыхался, смахнул снежный малахай с матерого пня, присел, глядя на берёзовый и осиновый молодняк, утопающий в голубоватых суметах; окинул взглядом сосны от прокопчённых комлей до зелёных крон, замерших в небесной голубизне. В небеса уплывёт душа, и слезы отуманили взгляд...

Лес — воистину рождественская сказка: отроческие сосенки в снежных полувалках, от рослых сосен, лиственей и берёз синеватые предсумеречные тени, и тишь божественная и покой небесный. А глянул на лесной облысок — белым-бело; и невольно помянулся стих из псалма: «...омыеши мя, [Спасе], и паче снега убелюся...». Побелела борода и грива, а душа не убелилась, моршно в душе, смутно от похотей...

Засиделся, любуясь рождественским лесом, и подумал: «И на кой леший волочиться за тыщи вёрст, дабы узреть красоту, ежели везде Божья краса: и в седой заунывной степи, и в таёжной глухомани, и среди царственных скал, и в певучих, цветастых долинах рек и озёр. Да что далёко ходить?! погожим летним днем вышел на крыльцо и обомлел от горней красы: радужное, буйное разноцветье-разнотравье, а за тыном — сосны, от сосен тепло на душе, вокруг сосен — дёвьем хороводом плывут певучие березы; а ночью — звезды сияют над сосновыми верхушками, из хребта всплывает багровая дородная луна, и сад — призрачно-инистый, таинственный, отчуждённый, словно не тот, что веселил душу солнечным полуднем. Я люблюсь, встречая прекраснóдушных жён и мужей, но среди добрейших живут и святые, живут ради спасения грешных, ошеломляя рабов греха вольной красотой духа. Эдак и в земной красе...»

Толкуя о здешних причудливых красотах, полвека вопрошали Ивана: «А ты, Ваня, был на Ольхоне?» «Нет...» Глаза вопрошателя дико округлялись: «Ка-ак!.. Ты!.. не был!.. на Ольхоне!.. Обитаешь подле Байкала, и не посетил остров Ольхон!.. Ужас!..» Иван повинно опускал глаза долу и подыскивал оправдания: «Оно и впрямь, ужас, что не посетил Ольхон — говорят, красота неопи́сүема; но, дружище, недосуг, да и в кармане блоха на аркане...»

Но однажды надумал Иван рвануть на родные степные озера, где вырос, да земляки оповестили: высохли забайкальские озера, обратились в лягушачьи болота. Долго кручина томила душу, но горе забывчиво, рана заплывчата, и, одолев тоску, Иван вдруг вспомнил остров Ольхон. Забайкальской степью отичей и деди-

чей веяло, когда колесил по усть-ордынской степи, и автобусишко похоже трясло на дорожной гребёнке как в ознобе. А степь обратилась в лесостепь, отпахнулся Байкал, озёрная синь хлынула в счастливые глаза, и тряская, пыльная дорога забылась. Паром переплавил Ивана на остров Ольхон, и уверился мужик на закате лет: красота божественная, особо, если видишь скалы — древние динозавры, что испили байкальской воды, онемели и окаменели. Красоты тамошние Иван запечатлел на простеньких карточках; и дружище, алтайский стихотворец Сергей Чепров, узревши карточки в интернете, восторженно написал: «Да ты, брат, в раю живёшь...», на что Иван письменно и ответил: «По поводу рая, брат, загнул; живём во грехах, яко во шелках, живём не в рай, не в муку, на скору руку. И природы — райского Творения Божия — недостойны, но каемся...»

Лесную тишь огласил колокольный трезвон... эдак голосил мобильный телефон Ивана... звонила корректор, дама заматеревшая в литературном журнале «Родная Сибирь», где Иван пятый год — главный редактор; и коль корректор говорливая, дотошная, то совещание затянулось, и у редактора озябли ноги, утопающие в рыхлом снегу. «Чтой-то ноги стали зябнуть, не пора ли нам дерябнуть... хотя бы чая с малиной?...» — подумал Иван, глядя вдоль тропы, ведущей к теплому крову.

— А вы где, Иван Петрович? — интересовалась корректор.

— Где, где... Сижу на пне. Ноги замерзли... Вышел в лес по дровишки...

Всякий раз дивилась корректор, смолоду привыкшая, что главный редактор, яко на троне, восседает в кресле, а на массивном письменном столе — рукописи, журнальные гранки и рядом: карандашница, пепельница, бюст Пушкина на лавочке — всё из белого мрамора либо из чёрного чугуна.

Попрощавшись с корректором, Иван тронулся на заимку; и потом три дня вывозил лиственничные кряжи, гружённые на сани, что самостийно скользили с хребта по накатанной тропе, а дровосек, словно сказочный Емеля, сзади управлял вожжами; и порой сани так разгонялись, что приходилось бежать следом, натягивая вожжи, сдерживая скользящие сани.

Потом Иван напилил осины — прочищает печные ходы, колодцы и трубу; а вечером выдумал заделёе — вырезал из осиновой плашки деревянную доску для хлеба; а коль древодельное мастерство в руках не ночевало, вышло нечто забавное, под вид рыбы-камбалы.

* * *

Однажды солнечным полуднем, отдыхая на пне, Иван прикрыл глаза от слепящего снега, привычно задремал и... очнулся в столичном музее Пушкина, где удостоился премии Дельвига за книгу очерков, где... для Ивана несвечно... величали его Иван Петрович. А накануне вручения, вольготно откинувшись в барском кресле, мчался на скоростной электричке из Домодедово в Москву, оценивал взглядом чахлые осенние перелески, где среди серых снегов и густого чапыжника белели корявые берёзы да изредка желтели сосны, печально и зачарованно глядящие в слезливые небеса, набрякшие мороком.

И вдруг, породив улыбки попутчиков, Иван хлопнул себя по лбу: ведь не глядит же вхолостую, зевая и считая ворон, а цепким взглядом ищет сухостоины и чахлые деревья, что завтра засохнут... здоровый лес жалко брать — лёгкие планеты... и, выудив взглядом сухую лесину, запамятавав, что от Байкала до Москвы

шесть тысяч верст, прикидывает хвост к носу, как ловчеее сушину свалить, раскряжевать, а кряжи, впрягшись в сани, уволочь в дачную усадьбу.

Щедро обмыв премию, похмельный Иван из белокаменной махнул на поезде в песельную Вологду, где быстро исцелился; ехал по России, и в обрдевших сонниках, березняках и осинниках, плывущих за вагонным стеклом, опять же выглядывал сушины и свежие валёжины, а в сёлах и деревнях — поленницы дров, кои в досельную пору хваткие мужики городили и в оградах, и на задворках, за стайками, амбарами, а если улица широкая, то и за тынами и частоколами. Чудилось, ежели обильны, крепки и украсны поленницы, то и мужик благочестивый, безунывный, крепкий душой и плотью, и баба домовитая, на обличку бравая, и чада — отцу, матери добрые и скорые пособники. Но, увы, было да сплыло, быльем поросло...

Какие уж, Господи, поленницы дров, ежели на тоскливом изломе веков по земле русской деревеньки унылы, убоги, наги и сиры, словно побирушки-помирушки, укрывши голь лохмотьями, выбрели к железной дороге с протянутой рукой. Вроде пьяные, косые-кривые избушки-завалюшки со дня на день, охмелевши, отяжелевши, падут в подзаборный бурьян: окошки — мутные, по-старушечьи подслеповатые, а ино и бельмастые, с оторванными ставнями; крыши — без конька и охлупеня, изогнутые посреди, с ломанным шифером, латаные-перелатанные; огорожи с павшими пряслами, разорённые стайки и сеновалы, щербатые палисады, где чахнут кусты сирени, рябины и черёмухи. На замшелых, старчески стемневших избах, где предсмертно теплится жизнь, вместо резных коньков красуются телеантенны, заманивая в жильё любострастных демонов.

А вот в захламлённой ограде баба с охами, вздохами, кляня мужика-летуна, колет дрова, и колун в бабьих руках до слез чужероден; а по соседству старуха с долгими стенами, одышливо тюкает чурку корявым и ржавым топорешком; а вечерами при керосиновой лампе молится за сыновей и дочерей, рассеянных по белу свету.

Глядел Иван из вагонного окошка, тоска морочила душу, и дабы не впасть в грешное унынье... тут и хвори одолеют... покаянно шептал: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, спаси и сохрани народ мой...»

Помянулось Ивану давнишнее, ещё в рабоче-крестьянском царстве, памятное путешествие по родному Забайкалью... Степь — унылая песнь кочевника, похожая на вольный ветер, волнующий ковыль; а в линияющую ковыльную зелень, в чахлые овечьи травы косами вплетаются мерцающие цветы сон-травы, шалфея, горчица, чабреца. Потом — степные увалы, словно верблюжьи горбы в призрачном мерцании трав и цветов; а над степью парит орёл, а по солнечным увалам кочуют тени облаков и отары овец, словно брошенные с небес живые овчины.

Крытый сивым брезентом, дребезжащий «газик», вздымая пыльный хвост, скакал по грунтовой дороге, и путники сморённо, сонно глядели в степную даль, где не за что глазу уцепиться, увеселиться, — ни деревца, ни кустика, лишь изредка, словно рукотворный, вырастет придорожный курган с каменной россыпью на вершине и сиреневыми всполохами чабреца у изножья.

Разбудила, потешила Иванову душу отара овец, что блеющей рекой текла через тракт, надолго заслонив путь, а когда машина тихо тронулась, самые безпутые* овцы толпились перед бампером, потом, истошно вопя, побежали вперёд. Вот так же, бывало, семенили перед машиной ошалевшие коровы, не догадываясь, что по добру, по здорову свернуть бы на обочину, а быки, свирепо угнув шеи, пытались ещё и боднуть машину, обозлившись на выхлопной угар и моторный рёв.

*В авторской орфографии.

За отарой — бараний гурт: изба, похожая на юрту, низенькая овечья база да поседевшие от зноя прясла загонов. «И чем буряты топятся?.. — торопливо, пока гурт не ушел с глаз, высматривал Ваня поленницу дров, но, даже осинового полешка не узрев, решил. — Поди, хохир жгут — сухим назьмом печки топят... Или уж к зиме дровами запасутся...»

И вновь — томящий душу московский тракт, куда, словно в реку, впадают ручьи мягких просёлочных дорог. Да, испокон веку русские души и сладостно, и горько томят просёлки, уходящие в степную, полевою, лесную даль, а тем паче излучины дорог.

Иван — мужик лесостепной, но всё же уморила дремлющая степь; и благо, что машина мягко и безпыльно покатила по влажной пойме речушки, заросшей ивой, ольхой, черемушником и боярышником. А потом с голубовато-сизого хребта спустился к дороге сосняк да забелели у дороги матерые березы, по комлям опутанные сочно-зелёным папоротником. А вот, наконец, и село Романовка, эдак повеличенное в честь трёхсотлетия Царского Дома Романовых, в память о грядущем святом страстотерпце, цесаревиче Николае, что в 1891 году путешествовал в здешних степях и лесах.

Подкатили к берегу Витима, вышли из пропылённого «газика», ожидая паром; оглядели село, что разметалось избами по левому и правому берегу Витима. Горделивая радость разыгралась в душе, когда Иван узрев на высоком становом берегу, среди золотистых сосен добротные и хоромные избы, окружённые поленницами дров, словно крепостными стенами.

* * *

Вернулся Иван из белокаменной к Божью Сретенью (15 февраля), когда зима с летом встретились, и погода чудила: то сретенские морозы, то сретенские оттепели; а деревенские деда ещё и сказывали: «Зима весну встречат, заморозить красну хочет, да от хочи лиходейку саму в пот кидат...» Словом, зима, дав на Сретение потачку теплу, дохнула наземь морозами, вроде крещенских.

Махнув рукой на стужу, Иван рванул на заимку — зима на исходе, а дров кот заплакал, хотя в дровянике — две поленницы, посреди заснеженной ограды — штабель берёзовых и листвяжьих кряжей, укутанных снегом, но все чудилось: мало... В электричке краем уха услышал: две девчушки стрекочут по-сорочьи; и простенькая с виду кажет другой, форсистой, обнову — намедни купленный телефон; форсистая брезгливо морщит носик:

— Дрова... Для лохов китайцы в сарае сляпали...

«Ишь, дурёха, дровами телефон обозвала, а тьму веков люди дровам кланялись в ножки...», — Иван обиделся, уставился в окно, где грозно стучал колёсами долгий состав, груженный строевым лесом, — уплывала тайга в Поднебесную, текли денежки в карманы толстопузых буржуев, а дурачью — телефончики да ноутбуки, прозванные дровами. Косят остервеневшие лесорубы строевой сибирский лес, глядят задобренные лесники на грабёж сквозь пальцы, а простецов, что на лесных дачах норовят заготовить дров, так запугали, что те боятся трухлявую берёзу свалить. Валят исподтишка, но... боятся.

Но вот и заимка, в ограде снег по колено, в избе красота — минус двадцать пять, на кухонной столешнице стакан в медном подстаканнике с ложечкой, и мерцает чай — бери и пей, да вот беда, заледенело питье. Благо, прихватил термос,

где чай горячий, подслащённый и с лимоном; но чай уже не согревает стареющую кровь — мерзнут кончики пальцев на руках и ногах, отчего приходится выплясывать подгорного мужика с выходом из-за печи.

Приволок березовых поленьев, щепы и бересты на растопку, и скоро огонь озорно запел; а когда открыл дверцу, дабы подкинуть дров, зарницы поплыли по сумеречной кути. Жалко Ивану печь — страданица: замороженная, скушает по хозяйну, а тот прибежит, растопит, печка и не рада — после мороза хозяин ее так раскалит, что уж духовка, сваренная из толстого железа, трижды прогорала. Да и печной кирпич крошился, не вынося резких перепадов мороза и жары.

Ну, деваться некуда, Иван протопил печь и, впрягшись в сани, побрёл в хребет; за три дня вывез последние кряжи, и вешним днём, громоздя посильные на козлы, к вечеру распилит. Любуясь чурочьей горой, гадал, как расколоть: то ли самому колуном махать, то ли звать поэта и певца Пашу Шапошникова, играющего колуном, словно казачьей шашкой.

А вечером, даже не набросив телогрейку, в кожаных монгольских тапках выбежал в ограду по дрова и тут же поскользнулся, со всего маха ухнул грудью на чурки. Да так сильно зашиб ребра, что при всяком вздохе и выдохе боль пронизывала грудь; а посему, промаявшись бессонную ночь, на сером, мутном рассвете побрёл с хребта на электричку. В деревянной клинике на окраине города, где стонал и вопил раненный люд, просветили Иванову грудь и утешили: ребра целы, а боль схлынет; но семь дней мужик не мог толком дышать, не мог и курить... воистину, нет худа без добра... отчего и бросил гибельную привычку. А ведь долго и беспрокло сражался с табаком, потом, измученный пагубной страстью, даже молился в храме преподобному Амвросию Оптинскому: «Преподобне отче Амвросие, ты, имея дерзновение пред Господом, умоли Великодаровитого Владыку подать мне скорую помощь в борьбе с нечистой страстью. Господи! Молитвами угодника Твоего, Преподобного Амвросия, очисти мои уста, оцеломудри сердце и насыти его благоуханием Духа Твоего Святого, да отбежит от мене далече злая табачная страсть, туда, откуда пришла, во чрево адово».

Похоже, благодаря молитве святому Амвросию, Бог услышал Ивана, даровал спасение от пагубы; и после сего тот, счастливый, сулился заядлым курильщикам излечить от сей похоти, и добавлял, что на заимке всякую зиму вырастает гора чурок, и можно грохнуться грудью на чурки и... прощай табак. «Ежли чо, дак могу и подтолнуть...» — договаривал Иван по-деревенски.

Кроме спасения от табака, Иван в потешных застолях грозился исцелить и от ожирения — на заимке припасены снадобья: штык-лопата, лом, топор, пила-двуручка, сани, тачка и носилки.

Про исцеление от табачного срама Иван сочинил записку Владимиру Личутину, доброму приятелю и знаменитому писателю: «Владимир, жив-здоров ли я?... Мужик в деревне прихворал...кого вру, помирал... и Господь огнем из мужика грехи выжигал, но тот не знал, — катанок сибирский. И вот мужик от боли зубами скрежещет, а спросили: «Но чо, Кузьма, как здоровье?..» Виновато улыбнулся: «Да, грех, паря, жаловаться...» Тут к Богу и отошёл... А меня, табакура, эдак Господь от табака отваживал: сперва по-староверчески уговаривал: «Бросай, паря, табак... Кто курит табак, тот хуже собак. Кто курит табак и пьёт чай, спасенья не чай...» Однажды даже писатель Распутин с горьким вздохом подивился: «Так ты, Ваня, куришь?..» Видит Господь, беспроклы уговоры, и если отец земной взял бы вожжи да разок ожёг по хребтине, то Отец Небесный попустил, чтобы рухнул на чурки да и попрощался с табаком...»

Когда грудь отпустило, прибежал Иван на заимку и, радостно вдыхая морозный дух, поблагодарил чурки, расколочил да в крытом дровянике выложил поленницы с такими бравыми клетками, что и отец бы залюбовался. Похвалил бы и козлы, что со второго захода смастерил на старинный манер: осиновый кряж с конусообразными запилами, куда на растопырку загнал четыре березовых ноги.

Сразу же помянулось далёкое-далёкое: родимая ограда, наряженная поленницей дров, и отец, уложивший колун на старую чурку с облезшей корой, сел на козлы и пристально оглядывает сына, который уже четыре зимы отбегал в школу. Отец пытается высмотреть сыновью судьбу: добрая ли вызреет или по родительским грехам горемычная... «Видимо, в отца я пошёл, ежели увеселяю душу и таюсь от демонов на заготовке дров... — по писательской привычке эдак книжно подумал Иван. — А отец пошёл в деда, забайкальского гурана...»

В Забайкалье русские мужики и бабы, четыре века мешаясь с тамошними инородцами, обратились в гуранов²³: чернее головёшки, коренасты и, подобно таёжным козлам-гуранам, по-звериному чутки и выносливы, в тайге, как в батиной избе, и сноровисты, а в сражении безстрашны — худо бедно, Москву отстояли... Перед Байкалом же, по Лене и Ангаре, русские, веками роднясь с тунгусами, на обличку походили на гуранов, но звались чалдонами.

*Да, я чалдон. Медведь таёжный.
И понимаю толк в дровах.
Я рос на зелени подножной
И спал с поленом в головах...²⁴*

Эдакую песнь песней дровам пропел красноярский стихотворец Александр Щербаков; а Иван, хотя не чалдон и не причалил с Дона к диким енисейским берегам, хотя и малорослый гуран, в отличие от медвежалого Щербакова, но в жарких листовяжких дровах толк ведал. И до сипоты, до хрипоты спорил с Щербаковым, когда чалдон, прочитав Иванов сказ о дровах, вроде бы уличил сочинителя в благонамеренном вранье: «Насчет того, что топили печи листовенничными дровами, ты, брат, слегка приврал... Лиственница — дерево редкое, а посему дрова — обычно берёза, сосна и осина...»

С горем пополам забайкальский гуран доказал енисейскому чалдону, что село, в коем родился и вырос, окружала сплошная листовенничная тайга, где изредка белели берёзы, изредка желтели сосны да зеленели ёлки. Эх, чалдон, чалдонище, славно пели про вас девки:

*Золото мое колечко,
Хуже оловянного,
Надоели мне чалдоны
Хуже окаянного.*

А с поленом в головах спал дед Ивана по материнской ветви, и любимая тётка, перекрестясь во упокой души усопшего, поминала: «Тятя, как ему за сто переваляло, чудить стал. Сбегал в лес по грибы, а грибы давно уж отошли, дак на ночь полено под голову, а ноги на подушку: мол, дурная голова ногам покоя не дала. Так и спал: голова на полене, ноги на подушке...»

Но вернёмся на лесную заимку... С отрадой и умилением полюбовался беле-

²³По преданию, мужики-гураны, выходя на охоту, надевали на голову шапки с рогами косуль для того, чтобы животные принимали их за своих.

²⁴Из стихотворения А. Щербакова «Чалдон».

сыми и багровыми поленьями, подпирающими крышу дровяника, и, спасаясь от сретенских морозов, внёс в избу берема сухих дров; уложил на бересту и лучины, чиркнул спичкой и, замороженно глядя на игривый огонёк, ласково лижущий бересту и щепу, с горестным вздохом пожалел ямщика: не отыскавши дров для костра, замерзал горемыка в глухой, волчьей степи. Помянув ямщика, прочёл, вьюжно завывая, родимый стих:

*Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...*

*Вытьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Вытьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей...²⁵*

Выпить — не грех, ежели не упиваться, яко винопивцы ненажорные, ибо пьяному в стельку горе по колену и смертные грехи в радость, особо блуд; но отраднее повеселить сердце не кружкой, а молитвой и дровосечным промыслом; хотя, конечно, охота с горя выпить, да вот беда-бедушка — обманное веселье с питья хмельного: потеплеет заледенелое сердце, томно очаруется разум, и вроде утопил горе во хмелю, — скрутил лихо, увязал на его синюшную шею каменную бульгу да и кинул в омут; а после — блудное веселье и тяжкое забытьё. Но утром ...с гульбы обычно серым и ненастным... похмельная кручина, горше трезвой, так стиснет иссохшую, измаянную душу, что хоть глаза завяжи да в омут бежи. Ели, пили, веселились, а наутро прослезилась; либо как в песне переиначенной: а поутру они проснулись, кругом помятая братва...

В горе ...а лихо по грехам... лишь покаянная молитва ублажит и спасёт душу — «...сердце сокрушенно и смиренно Бог не унижит...» — а работа до пота, в радость и охоту укротит страсти, палящие душу. Какие страсти на вешней пахоте, на севе, жатве и покосе, на плотницкой страде, на дровосеке?! Разве что трудовые...

Прочтя вечерние молитвы, уместился Иван на лежбище под святыми образами, попрощался с зимой и азартной заготовкой дров, но и во сне причудливо виделись дрова, без коих и святому, и грешнику шагу не ступить, даже переправившись на утлой лодчонке через буйную реку жизни.

А перед сном ...и смех, и грех... вспомнил историю, что случилась в Ивановом селе... Вечно пьяненький, бичеватый мужичок Кузя, прозванный ночным врачом, дежурил в больничном морге; и однажды суровой зимой выскочил по нужде, заодно и дров прихватить да слегка печь подтопить, дабы покойники не оледенели; а тут пьяный дружок ввалился в морг и, коль хозяина не узрел, то и прилёг на пустую лавку, что угодила на пьяные глаза. Кузя вернулся с дровами, затопил печь, глянул в комнатёшку, где два мужика и баба ждали упокоения в сырой земле, и вдруг покойничек встал, а Кузя в обморок упал... Слава Богу, одыбал, но из морга перешёл в больничную кочегарку.

А сон же Ивану выпал мрачный... Снилось верёвочная лестница в голубые небеса, куда карабкался; но вдруг налетел чёрный ворон, затмив голубизну широкими крылами, ухватил Ивана в цепкие когти и, обершего от страха, понёс в

²⁵А.С. Пушкин. «Зимний вечер».

кромешную тьму. «За что?..» — вопрошал Иван неведомо кого, незримого в лихорадочном мраке, а неведомо кто, раскатисто смеясь, отвечал: «А за то, что в душе твоей и поныне лишь грешные помыслы...»

Очнулся Иван в зимней тайге, на широкой поляне, где полыхал костёр, а мужички, вроде леших с рогами, подбрасывали в огонь жаркие листовьяки дрова, и огненные языки зловеще лизали закопчённый котёл, откуда неслись душераздирающие стоны, дикие вопли и скрежет зубовой... ..

Среди ночи Иван проснулся в холодном поту ... сердце, словно пичуга в силках, испуганно и заполошно билось в груди... и пал грешник на колени перед образами, и, обливаясь слезами, возопил:

— Боже, милостив буди мне грешному!..

Долгие, слёзные молитвы утихомирили, а коли сон изломан, решил подтопить печь и пошел за дровами.

Русские думы и дрова²⁶

Запасая дрова на лесных заимках, Иван справлялся без пособников, ибо трудно позвать приятелей на дачу, если заподозрят, что манит не столь бражничать, сколь пособить. Теперь уж иных не зовёт — не пахари, с посошками бродят, жалобно шаркая подошвами и покаянно взирая в небеса. Но и в добром здравии тоже, бывало, не упростишь; однажды сулился старинный дружок, да всё безпрокляло; а повинил Иван, тот ловко отбрехался.

— Ждал тебя, Егорша, в четверг. Думал, подсобишь... Сулился же, божился... Пошто не приехал?

У Егорки на всё отговорки:

— Дак это, паря, тово, понос одолел...

— А в субботу обещал?..

— А в субботу, паря, тово, золотуха...

— Ясно, что дело тёмно: то понос, то золотуха...

Звал Иван и другого давнишнего дружка, тот задумчиво чесал затылок, скрёб дремучую бороду, потом, хитровато прижмурившись, виновато улыбнувшись, то ли спросил, то ли заверил:

— Припашешь же, Ваня?!

Утешил:

— Шибко-то, Фома, не припашу... Сороки, воровки, облепиху клюют, так облачился бы пострашней и в кустах постоял, руками помахал...

— Заместо чучела?..

— Чучела, не чучела, но работёнка же не бей лежачего — руками махать. Не пыльная... А с меня магарыч...

— Магарыч?

— Ну, поляна, угощение...

Смех смехом, а припахал бы... Бог не дал Ивану сынов, работающих зятьёв, и, что греха таить, не имея пособников, Иван, случалось, тайгой и баней заманивал друзей на дачу, — на старую, в байкальском селе Култук, и новую, у полустанка Листвяничного, что поблизости от реки Олхи. И до вечернего застолья либо утром ласково пытался гостей «припахать»: сильных, сноровистых — ветхую стайку ло-

²⁶В сей главе использован мой очерк «Упокой, Господи... Памяти русского литератора Александра Беляева».

мать, малахольных — ржавые гвозди выправлять, тихих семейных — ягоду брать: вишню, смородину, малину, облепиху; но чаще уводил гостей в лес, что в Култуке — сразу за частоколом, а в Берёзовом садоводстве — за сеткой «рабицей». И душе отрада, и подворью добро: надышались хвойным духом, полюбовались тайгой и лесными еланями в цветущих жарках или голубоватых снегах, а на обратном пути спустили к избушке сухостоины на дрова или осиновые жерди на заборные прясла. Дико Ивану, сельскому жителю, шататься в лесу без заделья; к сему приваживал и гостей, даже и приятелей-писателей. С мужика — сухостоина либо жердина, а коли с женой либо невестой — два хлыста; сунул башку в семейный хомут или пялишь хомут на выю, и за богоданную трудись, не ленись.

Благодарно поминая друзей, кои без насилия, по доброй воле подсобляли пилить и колоть дрова, Иван вспоминал и вечерние застолья с песнями и плясками, с жаркой словесной бранью, ибо кручина одолевала, лишь подумаешь о горькой судьбинушке родного люда. И в прошлые века баре да разночинцы, сойдясь в хлебосольном доме, судили-рядили о народной доле и воле, враждебно межусь на славянофилов и западников. Однажды промозглым невским ветром занесло Достоевского в некий петербургский салон, где дамы и господа, вкусив бургундского вина, с полудня и до позднего вечера спорили о смысле человеческого житья-бытья и о спасении души. В сумерках кухонный мужик принёс охапку дров, нащипал лучины для растопки, зажёл камин, и Достоевский, угрюмо сидевший в углу, вдруг воскликнул, указав на истопника: дескать, идите к сему мужику, внимайте мужику, лишь куфельный²⁷ мужик и ведаёт смысл жизни. Дамы и господа сконфузились, а чтущие западных мыслителей насмешливо скривились, словно отведали кислицы с куста; и в скоморошеском обличье пошла шататься по салонам идея «куфельного мужика», якобы возглашённая безумцем.

* * *

Ночью и утром валил снег, да столь щедро, что к полудню дачный сад утопал в белых сугробах; сиротливо топорщились верхки смородины, вишни, жимолости и крыжовника, а ветви малины, согнутые в дугу, и вовсе сгнули в снегу; лишь высились над снежными дюнами кусты облепихи, и ярко светились оранжево-алые ягоды — облепили ветки рыжие детки, и чудом не склевали облепиху лесные птицы. Снегопад, похоже, зарядил надолго, — тоскливая мгла заволокла дачное поселёе; помутнел и смерк белый свет. Но в снегопад дремлют крещенские морозы, теща стариков и старух, ветхую плоть которых вяло греет усталая кровь. Впрочем, к полудню разыгрался ветер, и колючий снег полетел над землёй; и метель взвыла, а в степи, поди, уж буран бушует.

Но лишь в непогожье ощутим ласковый уют в тепло натопленной избушке, где Иван Краснобаев да Ярослав Анисимов²⁸ хлебали чай, хвалили печь и жаркие дрова, судили-рядили о крестьянском роде и родном народе, костерили фармазюнов, что нынче, на исходе усталого века, воцарились на Руси, и, анчутки беспятые²⁹, обратили Кремль в Лысую гору, где, звеня рогами, стуча копытами, соромно пляшут и на американский лад матерно поют; а машет им, уподобляясь дирижёру, пьяный царिशко по лагерной кличке Пахан.

²⁷Куфельный — кухонный, служащий при кухне (устар.).

²⁸Прототип героя — журналист, публицист Александр Беляев.

²⁹Анчутка — распространённое название нечистой силы (бесов).

Растекаясь мыслью по древу, утопая в щедром глаголении, мужики забыли, что наладились в хребет по дрова, и славно чаевали подле ласковой печи, улажались чаем и казёнными шаньгами. Сквозь заснеженное окошко вопрошающе косились на поляну перед мелколесьем, где по-волчьи выла метель, летел косой снег, мела позёмка, вихрясь в порывах ветра. Сдурела метель — даже в усадьбе разыграла, словно за околицей ведьмы свадьбу справляли; но бодрились приятели: мети, метель, нам, мужикам, не боязно, мы в опрятной, тёплой избе ...печка пышет сухим жаром... мы пьём чай и в ус не дуем, нам даже отрадно любоваться метелью из тепла и напевать: «...вьюга смешала землю с небом...»³⁰

Но... сиди, не сиди, доброй погоды не высидишь, пора и дровец напилить, — за зиму иссякла поленница, улетела в обжорное печное чрево; да и не худо бы поразмяться, чтобы и среди городских удобств плоть помнила не поросшую травой-дурниной, былую отраду сельского труда. А что лютует ветер-снеговой, то не беда, — у природы нет худой погоды. Словом, приятели, перекрестясь, помолясь, положась на волю Божию, выпали из угревного жилья на ветер и снег, который пуще и гуще замесился ...не видно ни зги... и дровосеки лишь чудом угадывали тропу среди заснеженного березняка и осинника, среди дородных сосен, что с обманчивым теплом светились в сумеречной роще.

Есть горделивая услада: набычившись, подражая сибирским первопроходцам, настырно брести сквозь метель, подставляя лицо колючему снежному ветру, палящему нос и щеки, вышибающему обильные слезы. Впрочем, в лесу потише, ветер не сшибает с ног; а посему дровосеки взбодрились, повеселели. Долго ли, коротко ли, но, волоча двое саней, облепленных снегом, запыхавшись, выбрали на опушку, где Иван загодя пометил три березы, после низового пожара почерневшие с комля, сохнувшие на корню.

Коль бензопила-привереда отказалась пилить, пришлось, веселя души древним дровосечным ремеслом, валить и кряжевать берёзы пилой «дружба два», в народе весело прозванной «тяни-толкай». Накатав тропу, приятели спустили в усадьбу дюжину кряжей, и ...хотя Иван уговаривал заночевать... Ярослав рванул на позднюю электричку — в молодом рабочем городке Шелехово барышня ждала кавалера.

В юные лета, покинув байкальское село, Ярослав пахал в горячем чугунолитейном цехе; потом, заочно обучившись, осел в Шелеховской заводской газете и, увы, случалось, впадал в недельные запои, а посему, настрадавшись, жена бросила запойного мужика. После развода осталась в квартире с двумя сынами, что учились в старших классах, а Ярослав ютился в заводской общаге; но через семь лет вернулся в опустевшее семейное жильё, ибо в Чечне погиб младший сын, солдат срочной службы, старший же, выучившись на геолога, махнул на Крайний Север, а бывшая супруга, выйдя за вдовца, вселилась в его каменные хоромы. В те лета Ярослав, смолоду богомольный, во избавление от пьяного беса усердно молился и святому Иоанну Кронштадтскому, и святителю Вонифатию Милостивому, и преподобному Моисею Мурину, и пред иконой Божией Матери «Неупиваемая Чаша»; и одолел молитвенник беса, изверг из души.

Долго не виделись старинные приятели, и столкнулись на отшибе села Польшское, где на высоком байкальском берегу бело и величаво красуется церквями Свято-Преображенский мужской монастырь, где под сенью могучей крепостной стены — часовня в скорбную память о погибших русских послых, что при царе

³⁰Некогда популярная «Песня о любви» на стихи Л. Ошанина и музыку А. Островского.

Алексее Михайловиче пробирались с дарами к мунгальскому Цысану-хану. Царский посланник Ерофей Заболоцкий и его сын Кирилл, а также подьячий Чаплин, казаки Василий Безсонов, Терентий Соснин, Афанасий Сергеев, Яков Скороходов и промышленный мужик Сергей Михайлов переплавились на дощанике через Байкал, вышли на студёный осенний берег. До костей промёрзшие на лютном октябрьском ветру, послы нарубили дров ...благо, в кедровом бору изрядно сушняка... развели костёр, абы согреться, и тут из тайги вылетела стая бешеных собак — брацких³¹ людей, побила и ограбила русских, не успевших схватить сабли и ружья. С тех скорбных лет байкальский берег, освящённый праведной русской кровью, украшенный монастырскими куполами и крестами, в память о погибших послых величается Посольским, а над прахом коварно убиенных могильные кресты золотятся на байкальских зорях.

Иван седмицу послушничал во святой обители, читая и правя сочинение здешнего наместника, архимандрита Николая; и однажды, гуляя по обители, увидел возле горы сосновых чурок Ярослава; приятель колол дрова, играючи ладным колуном. Обнялись, расцеловались, и дальше уже кололи вдвоём, выстроив чудную поленницу дров в виде церкви с шатровым куполом. Из монастырских послушников Ярослав пытался с Божьей подмогой возрасти духом до монашеского пострига, до ангельского чина, но, увы, наместник не благословил, и приятель вернулся в мир, словно приземлился, покружив под небесами на ангельских крыльях. При боголюбивом отречении от дольного мира ради мира горнего Ярослав мог взойти во святые юроды, но, увы, любил мужик и дольный мир, который его не жаловал.

Жил бобыль бобылём, да вдруг на закате лет по уши влюбился, словно безусый юнец, что бредет мокрым полотенцем. Даже исподтишка стихи крапал ... литератор же... и, смущаясь, краснея от счастья, хвалился подругой, казал цветную карточку, утаённую в нагрудном кармане, греющую душу. Карточка жила в потёртом рыжем бумажнике и после бракосочетания и венчания в храме. Иван каялся: обидел Ярослава, с ироничной улыбкой читая с листа его любовную лирику, напоминающую ходовой стишок: «Ветка сирени упала на грудь, милая (Галя, Валя, Оля, Поля...) меня не забудь...»

Однажды приятель ночевал на заимке; а Иван, жалея дрова ...скупердяй же... на ночь худо протопил печь; изба после полуночи выстудилась, и утром хозяин покаялся в скупости, но Ярослав успокоил: приснилась возлюбленная, вот, обнимаячи, и согрелся. Из приятельских уст эдакое звучало чужеродно, ибо в отличие от богемных деятелей искусств, не токмо грешащих, но и восхваляющих, воспевающих блуд, величая похоть «любовью», Ярослав, по-христиански целомудренный, сроду не страдал любострастием. А посему и любовное чувство мужика вызрело отрочески светлым и завершилось Божиим венцом, коли паспорта увенчались печатями.

Не маяли мужика и прочие смертные грехи, вроде гордыни, зависти, алчности, да и винцом уже губы не пачкал, вопреки отчаянному выводу: мол, нет молодца, чтоб одолел винца. Гневался, правда, но, вроде, праведно — против супостатов.

³¹Браты, или брацкие люди (брацкие мунгалы) — обычное наименование бурят в исторических документах XVII–XVIII веков.

Потом Ярослав прибежал на закате марта, когда снег опал, и на солнопёках в голом сосновом бору обнажилась белёсая ветошь прошлогодней травы. Иван встретил приятеля на полустанке Листвяничный, и от перрона шли по шпалам короткого пути, запасного ли, брошенного ли, глубоко вросшего в землю, отчего рельсы едва угадывались. Во времена запойного и разбойного правителя сей путь, где не гремели поезда, обнищавший народ обозвал «ельцинским» — Ельцин же грозился: мол, ежели цены на хлеб, молоко и мясо повысятся, лягу на рельсы. А цены так подскочили, что нищее простолюдые ходило в лавку, словно в музей, где экспонаты нельзя трогать руками; и ждало простолюдые: должен же лечь на рельсы, коли сулился, или, как в присказке: во хмелю что хошь намелю, а проснусь — отопрусь. И лёг бы, с него, дурного и вечно хмельного, сталось бы, но... лишь на брошенные рельсы, где давно уже отшумели поезда.

Про сей ельцинский путь Иван и поведал Ярославу, и тот, горячий, обозвал правителя иудой, что за тридцать сребреников проданся америкосам и служил им, пьяным либо с похмелья восседая на русском троне. Речь Ярослава страдала откровенной митинговщиной; вот Иван и сманил приятеля на заимку, чтобы потолковать, — накануне черкал и кромсал его очерк, где, восславив черносотенство, во всех российских бедах митингово, запальчиво повинил еврейских большевиков, ухитивших власть в кровавой русской смуте. Ярослав хлёстко озаглавил сочинение: «Черносотенцы и бесы».

Иван готовил очерк в церковно-приходской альманах «Иркутское обозрение»... в народе: «Иркутское оборзение»... где служил исполнительным редактором, а главным — протоиерей Михаил Громов³². Ярослав, почитая за великую честь засветиться в православном альманахе, о ту пору уже хваленном в губернии и столице, терпеливо сносил Иванову правку, лишь зауживались чалдоничьи³³ глаза да желваки сурово набухали на костистых скулах. Обильно править, лихо сокращать пришлось, ибо очерк, начинённый гремучей смесью враждующих стилей, лишь чудом не взрывался: выдержки из святых отцов, богословов и русских мыслителей переплетались с митинговой речью рабочих маёвок.

Столь ярко и жарко светилась в его душе любовь к родному русскому народу, столь яростная клокотала ненависть к врагам, что речь Ярослава, утратив даже дольную мудрость, не говоря уж о горней, обращалась в базарную брань и добела раскалялась. Слушать подобное, что пить обжигающий чай, а посему Ивану хотелось остудить речь, хотя, опять же, Пушкин завещал: «глаголом жги сердца людей». Вперив ярое око в воображённых врагов русского люда, в их гнусные хари, увенчанные рожками, Ярослав бранным слогом поражал супостатов, яко святой Егорий Храбрый пронзил копием змия, пожирающего людей. Что уж говорить про Ярослава, коли сам Николай Чудотворец, яростно споря с собакой Арием, в пылу обличения и пламеневший ревностью ко Господу, зашил еретика, за что горячего епископа лишили святительского омофора и посадили в зарешёченное узилище³⁴. Даже и за то, что дал в ухо лжецу, святого угодника и возлюбили русские мужики вроде Ярослава, который в ранней молодости за рукоприкладство угодил на пару лет за решётку.

³²Прототип героя — протоиерей Евгений Старцев из Иркутска.

³³Чалдоны — как выше поминалось, помешанные с тунгусами, насельники берегов Енисея, Ангары и Лены, якобы причалившие с Дона во времена Ермака и сибирских казаков-первопроходцев.

³⁴По преданию, на I Вселенском Соборе святой Николай, боговдохновенный ревностью о Господе, не стерпев арианского богохульства, ударил еретика по щеке (заушил). Собор почел дерзким сие заушение, и Николая, лишив архиерейского сана, заключили в тюрьму.

По натуре крестьянин и Христов ратоборец, коренастый, ладно скроенный, крепко сшитый, кося сажень в плечах, Ярослав Онисимов чужеродно выглядел на филфаке, где испокон веку паслись девчата да малахольные, очкастые ребята. Хотя Иван, тоже выходец из филфака, вспоминал: случалось, залетали на факультет и эдакие бугаи, коим бы не книжки читать, а земелюшку пахать, не стихи учить, а быкам хвосты крутить.

Верно молвлено, на Руси не все караси — плавают и ерши... В обличительной ярости Ярослав не ведал чуру³⁵, и, черпая из мутных источников, ввёл в очерк сомнительные высказывания. Вот, скажем, из маловедомых книжек выкопал жуткие русскому уху, дерзкие думы Льва Троцкого о России, коя вязанка дров для Мировой Революции: «Мы должны превратить Россию в пустыню, населённую белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, какая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока... Если мы выиграем революцию, раздавим Россию, то на погребальных обломках её укрепим власть сионизма и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени... Путём террора, кровавых бань мы доведём русскую интеллигенцию до полного отупения, до идиотизма, до животного состояния... А пока наши юноши в кожаных куртках — сыновья часовых дел мастеров из Одессы и Орши, Гомеля и Винницы — умеют ненавидеть всё русское! С каким наслаждением они физически уничтожают русскую интеллигенцию — офицеров, академиков, писателей...»

По забывчивости трижды повторивший в повествовании, что Троцкий — Лейба Бронштейн, Ярослав ещё не ведал, что Иван удалил из его очерка высказывание Лейбы, не подтверждённое архивным источником. А коль не ведал, то приятели, замирая на шпалах ельцинского пути, пока ещё мирно, хотя и горячо, толковали о русской судьбе.

Ярослав в очерке «Черносотенцы и бесы» воинственно защищал народ, и все народные беды валил на неких хриstopродавцев, словно черносотенным флагом потрясая святым именем Иоанна Кронштадтского.

Святитель Иоанн, браня большевиков-хриstopродавцев, обличал и русский народ, и особо интеллигенцию, отпавшую от Бога, провидя, что кровавая смута по грехам русским и будет попущена Богом. Христов воитель сокрушался: «Не стало у интеллигенции любви к Родине, и она готова продать её инородцам, как Иуда предал Христа злым книжникам и фарисеям, уже не говорю о том, что не стало у неё веры в Церковь, возродившую нас для Бога и небесного Отечества; нравов христианских нет, всюду безнравственность; настал, в прямую противоположность Евангелию, культ природы, культ страстей плотских, полное неуправляемое распутство с пьянством; расхищение и воровство казённых и частных банков и почтовых учреждений и посылок; и враги России готовят разложение государства. Правды нигде не стало, и Отечество на краю гибели. Чего ожидать впереди, если будет продолжаться такое безверие, такая испорченность нравов, такое безначалие?!»

Но обличения и прозрения преподобного Иоанна Кронштадтского Ярослав пускал мимо ушей; дружище, даже если писал, скажем, о забытом-заброшенном сельском поэте, у коего не хватало денег на дрова, то в сей беде винил некую зловещую силу, хотя рядом с горемычным поэтом жили русские братья и сестры.

Иван вспомнил: протоиерей Михаил Громов, с коим водил дружбу, пытал мужика на исповеди: «Пьёшь?..» «Пью, батюшка, запиваюсь...» «Блудишь?..» «Ой,

³⁵Не знать (не ведать) чуру — не знать меры, не соблюдать правил (устар. сиб.).

батюшка, блужу...» «Сквернословишь?..» «Хуже, матерюсь, как пьяный сапожник...» «И кто виноват?.. Ты же и виноват...» «Нет, бабушка, я не виноват, бесы виноваты...»

Слово за слово, приятели крепко сцепились, ибо один задерживал, другой не спускал. Осадившись на «ельцинских рельсах», до хрипоты и сипоты спорили; орали друг другу, словно глухой глухому, размахивая руками; и если бы тихий мужичок либо тихая баба увидели, то, испуганно глядя, покрутили бы пальцем у виска: мол, чокнулись мужики; а шутники бы посетовали: что за шум, а драки нету?.. Могли бы наворожить, накаркать, и здесь не грех трижды плюнуть через левое плечо, где анчутка беспятый незримо торчит и ворчит, а потом переkreститься: слава Богу, до драки споры не дошли.

Спорили о революции и гражданской войне; Ярослав с пеной у рта, брызжа слюной, твердил и твердил: дескать, большевики-христопродавцы, после революции оседлав русский престол, с наёмными карателями истребляли русский народ, крушили православную веру вместе с храмами. Иван перечил: да, истребляли, крушили, но... русскими умами и русскими руками, ибо народ пал, обезбожился, вскинул руку на Бога и царя, Помазанника Божия. Не смогла бы завоевать многомиллионный русский народ жалкая свора большевиков.

Ярослав оторопел, обернулся к Ивану, вроде сжимая кулаки, и, что таить, приятель оробел: вот она гражданская война, сейчас кинется... под поезд бы не толкнул... смалу отчаянный, по юности наглому начальнику прилюдно в ухо дал, и за драку пару лет зону топтал.

— Слава, — доказывал Иван, — не вали с больной головы на здоровую. При чем здесь христопродавцы?! Русские сами за что боролись, на то и напоролись...

— Что-о!.. значит, русские сами себе устроили геноцид?! — яростно завопил Ярослав, и, может, в душе спросил: «А ты сам-то русский?..»

Но Иван тоже уродился горячим, а посему, одолев мимолётный испуг, утвердительно кивнул головой:

— Да, коль христопродавцы искусили безбожных, богохульных дворян, разночинцев и пролетариат...

— Ага, русские обезумели и устроили себе геноцид... — глядя прямо в Иванову душу, горько усмехнулся Ярослав.

— Нет, но ты почитай святого Иоанна Кронштадтского...

— Всё!.. — Ярослав жёстко оборвал приятеля. — И не надо мне публикации в вашем «Иркутском оборзении»... — шибко уж нервно переживая за родной народ, писатель в сердцах пожертвовал даже публикацией в альманахе, хотя уж полгода спал и видел свой очерк в альманахе. — И на твою дачу не пойду!..

Развернулся на полустанок Листвяничный, а у Ивана ум нараскоряку, как вернуть приятеля; но спохватился, вспомнил деревенское: кто много спорит, тот ничо не стоит, и пошёл на попятный; и не потому, что лишился пособника на заготовке дров, а потому, что со светлой завистью любил ясную русскую душу Ярослава.

— Может, Слава, ты и прав. Прости, брат...

Постепенно приятели остыли, потом помирились, и дружно потопали в гору. В избушке подтопили печь, и коль Ярослав свою бочку по молодости выпил, а ныне сивуху на дух не переносил, то приятели заварили густой чай с мятой, чабрецом и смородишным листом. Позже подбежал дачный сосед Коля³⁶, прозван-

³⁶Прототип героя — Владимир Крайнов.

ный Таёгой³⁷, и три дровосека, впрягшись в трое саней, полезли в хребет, где Иван по обычаю загодя приглядел хорошие сушины.

По-вешнему голубело небо, солнышко припекало, снег искрился, таял, яко воск от лица огня, пахло созревшими лоняшными³⁸ травами, оттаявшей хвоей; и в душах, даже и остарелых, усталых, играло мартовское солнышко, искрился снег, залиvisto пела весёлая птица веснянка.

Выбрали мужики листвяк, что уже скосился, готовый со дня на день рухнуть, завёл Иван бензопилу, и лишь цепь въелась в древо, как ухнула снежная кухта, и мужики оторопели, похожие на белые привидения, на снежных людей. Потом Иван кряжевал листвяк, а напарники обрубали сучки; и когда Ярослав, сучкоруб, ловко сёк топором листвяжки ветви, Иван любовался молодцеватой статью, словно и не закатный мужик подсоблял ему, а сельский паренёк в вешнем соку, в играющей силе.

И разве мог Иван вообразить, что вскоре, с оказией передав альманах, где явился на белый свет очерк Ярослава Онисимова «Черносотенцы и бесы», увидит сочинителя на смертном одре, сухого и жёлтого, в окружении родичей. Правда, Ярослав повинился:

— Уж прости, брат, нынче без меня дрова заготовливай...

— Не, паря, без тебя не обойдусь, поправляйся...

Приятель вяло улыбнулся... Навидался Иван смертей на веку, як на волоку: ушли родители, четыре единокровных брата и две сестры, безчисленные родичи, сослуживцы, приятели — писатели и художники; доводилось и сидеть в ногах у доживающих остатние, скорбные дни; сидеть на краешке постели, сутулясь, виновато и скорбно отводя взгляд от иссохших, восковых лиц; доводилось и слышать обречённые прощальные слова, не ведая, как и откликнуться.

Приятели говорили об альманахе, где на радость Ярослава вышла первая часть его очерка «Черносотенцы и бесы»; а, беседуя, не поминали пустоглазую с косою, что постаивала у изголовья друга; тот ещё надеялся выкарабкаться, хотя, с отрочества храбрый, воистину воин Христов, смерти, похоже, не боялся, в полную душу покаявшись в грехах.

Ярославу Онисимову на могилку водрузили скальный валун с эпитафией, загодя Ярославом сочинённой: «Под сим байкальским камнем покоится прах Ярослава Ивановича Онисимова, многогрешного раба Божия, что спасался любовью к родному русскому народу. Братья и сестры, молитесь Бога о спасении души раба Божия Ярослава».

Поминая приятеля, тихо умиравшего, Иван видел Серафиму Ивановну, запоздало возлюбленную, слышал гаснущий голос Надежды, очерк которой давно уже кис в портфеле «Иркутского обозрения»; и помнится, чудом вызвонил, бодро поздоровался, и, хотя слышал, тяжко больна, всё же весело спросил:

— Жива-здорова, Надя?..

В ответ услышал:

— Умираю я, Ваня...

Как не ведал Иван, чем утешить уходящего Ярослава, так же не ведал, что сказать Наде; но сдуру, впопыхах ляпнул:

— Не спеши, поправишься — сразу позвони...

И с той поры Иван негасимо слышал голос, далёкий-далёкий, словно уже с

³⁷Таёга — матёрый таёжник в прибайкальской тайге.

³⁸Лоняшник — прошлогодний.

небес: «Умираю я, Ваня...» А вскоре позвонил старенький сельский писатель, с коим в Култуке совместно запасались дровами:

— Ваня, я крепко залёт. В хосписе лежу, отсюда уже не выходят... Богу душу предаю... А думал поживу, взял машину дров на зиму...

Но в сем случае Иван обрёл дар речи и, словно приходской поп, властно советовал исповедаться, причаститься Святых Даров, собороваться и, пав на колени, покаянно молиться, стуча лбом в половицы. Ярослав и без Ивановых наказов исповедался, причастился, потом соборовался, — легче грешной душе взбираться по лестнице мытарств, когда налетят чернокрылые бесы, дабы унести душу в ад кромешный, где огонь неугасимый и червь неусыпный, где плач и скрежет зубовой. Но до сего Ангел Хранитель да иные белокрылые ангелы Божии обороняли покаянную душу раба Божия Ярослава, и, вероятно, оборонили, и упокоилась душа в райском блаженстве.

Друзья и дрова

С радостной любовью вспоминал Иван товарищей, вроде Ярослава Онисимова, что посещали лесную дачу, и зимними вечерами в братчинном пиру веселили его тоскующую душу русской песней, жаркой беседой; а до застолья, абы размяться, пособляли валить, кряжевать, спускать с хребта сухостой, колоть чурки на дрова.

Однажды зимой пригласил Иван на заимку доброго приятеля Пашу Шапошникову³⁹, музыканта, стихотворца, и Паша радостно спросил:

— С гитарой или саксофоном?

— С колуном, Паша... Дрова колоть... Шучу, брат... Приезжай с гитарой, саксофон уже слушали...

Беда от саксофона... Помнится, однажды в сумерках спустили с хребта последний кряж, Пётр Алексеевич Романов⁴⁰, кашевар, сварил омулёвую уху; и дровосеки, отведав красного вина, закусив, слушали Пашин саксофон. А коль горница тесна и низка, а саксофонист неистов, то слушатели оглохли и дивились: чудом изба выстояла, когда звуки, истошные и пронзительные, словно дикие вопли кедровки в ночной таёжной тиши, впились в брусовой сруб, выдавливали окошки.

— Нет, Паша, лучше гитару бери. Нынче на видео запишу, как ты играешь и поёшь... Пётр Алексеевич приедет, Таёга подбежит, сосед мой...

И в тот февральский день Иван и Пётр Алексеевич, отставной подполковник милиции, прилегли вздремнуть, ибо после сытного обеда по закону Архимеда полагается поспать, а Паша, скинув Иванову телогрейку, напевая и насвистывая, к вечеру переколол гору кручёных-верчёных, суковатых сосновых чурок.

Иван дивился, глядя, как моложавый мужик, вроде вечный юноша, погрузив на сани два, а то и три кряжа, толкал сани по накатанной тропе, и когда сани, скользя с крутого хребта, разгонялись, падал на кряжи, летел вниз, громогласно и восторженно вопя. Но вскоре сани сбивались с тропы, врезались в сугроб, Паша нырял в снег и, утирая мокрое лицо, пуще ликовал среди сугробов, что в оттепельные дни завораживали взор, слепяще искрились под небесной синевой.

³⁹Прототип героя — писатель, журналист, музыкант и певец Владимир Шавелкин.

⁴⁰Прототип героя — подполковник милиции Романов Иван Иванович.

Вот так же шутя, любя, играючи Паша колол чурки, и гора поленьев росла на глазах. А уж смеркалось, и блеклое небо укрылось густой синевой, и уж Иван просом просил:

— Бросай, Паша, колун. Завтра поутру доколешь. Пошли, Пётр Алексеич зовет на ужин. Баранина остынет...

Но Паша, упорный и азартный мужик, угомонился лишь тогда, когда расколол последнюю чурку.

Пётр Алексеевич сгоношил ужин — чугунный котел тушёной баранины с картошкой, и подбежал Иванов сосед Коля Таёга. Бакшеев Коля, крепкий мужик, изрядно сменил профессий на трудовом веку, и перед пенсией крутил баранку в пожарной части. Выйдя на заслуженный отдых, лет десять зиму и лето обитал на лесной заимке, поскольку с городской женой, увы, жили, словно кошка с собакой, и кто прав, кто виноват, лишь Богу ведомо. Таёга, хотя и корявенькую, но своеручно срубил избу с летней мансардой, потом и баньку из осинового леса, похожую на таёжную зимовьюху; и хотя годы ползли к восьмидесяти, шустро бегал по хребту на широких охоничьих лыжах, подбитых изюбриной шкурой. Летом Таёга добывал черемшу, жимолость, чернику, бруснику, а зимой пилил дрова и вечерами вырезал из осины таёжных зверей, причудливых зверушек и пичужек, леших и кикимор, домовушек и баннушек, ёкарных бабаев и ёшкиных котов.

А познакомился Иван с Колей забавно... По натуре Таёга — мужик братчинный, а посему, махнув рукой на запущенный сад и огород, вечно шатался по заимке, пособляя друзьям заготовить дров и застольничая. А когда Иван прикупил избушку, кою потом перестроил и достроил, Таёга тут же прибежал знакомиться. Поинтересовался:

— И откуда ты родом?

— Забайкальский я, паря... Из Бурятии...

Таёга повеселел:

— Да?.. И я, паря, из Бурятии. А ты из какого аймака?

— Из Еравны, село Сосново-Озёрск...

Таёга выпучил восторженные глаза, словно узрел чудо:

— Ого, за тыщу вёрст земляка встретил... Я же, паря, из соседнего села, из Романовки. Верховье Витима... Слышал?

— Кого слышал?! Сто раз гостил в Романовке у племяша... Красивое село, кругом тайга...

— Дак я, паря, с пелёнок из тайги не вылезал. Мы же, Ванюха, гураны — помесь русских с бурятами, эвенками. А те, паря, охотники фартовые...

— Романовка... Красивое село... Я-то вырос в степном селе, а Романовка таёжная... Помню, ехали на «газике», кругом степь, а к Витиму выбежали — тайга. В Романовке левый берег низкий, березнячок да осинничек, а правый становой берег высокий, и сплошной сосняк. А дома добротные, а возле домов сплошные поленицы дров...

— Да, паря, на Витиме тайга богатая, из окошка глухарей стрелял, а за околицей зверя брал. Помню, шестую зиму в школу бегал, и под весну пилили с отцом дрова и вдруг...

Витимский таёжник поведал случай, как попутно с дровами завалили сохатого⁴¹ и в будущем Иван услышал от Коли... Таёга же... дюжины охотничьих случа-

⁴¹Сохатый — лось, великан среди парнокопытных. Сохатым лося называли из-за громоздких рогов, напоминающих соху.

ев, как зверовал в северной тайге, особо на таёжной метеостанции, где посчастливилось верно служить и азартно жить с молодой женой.

И вот, когда Паша расколочил остатнюю чурку, а Пётр Алексеевич, кашевар, сварганил жаркое, да столь вкусное, за уши не оттащишь, когда подбежал Таёга, и затеялся дружеский пир с песнями до сипоты и плясками до упаду. Впрочем, Иван и Таёга не пели, ибо икун — не говорун, емануха — не певица — а плясали, лишь топя чоботами, а Пётр Алексеевич Романов старательно плясал; хотя бывший тверской тракторист, потом знатный сибирский сыщик, вышедший в отставку с погонами подполковника, страдал подагрой, и по сему поводу говаривал: фамилия царская, болезнь дворянская, рода крестьянская.

Итак, Паша наяривал на гитаре «Подгорную», а Пётр Алексеевич, полный тёзка Петра Великого, но в отличие от дылды царя, коренастый, круглый и шустрый, степенно плясал, но потом сморился, и, выпивая, закусывая, поведал тьму историй, как брал усть-илимских⁴² варнаков⁴³ голыми руками.

— Помню, в Едучанке ... посёлок усть-илимский... жил на поселении бывший экз. Для посёлка дрова заготовливал, а варнак варнаком, раз пять лагерные нары протирал. И помню, бахвалился, зараза: «Бывало, говорит, чёрная тоска накатит, пойдёшь, зарежешь кого-нибудь — и, вроде, легче...» Языком трепал, сука лагерная, а ведь зарезал, и убежал в тайгу, где я с операми и брал эчару...

Поведав про варнака, подполковник Пётр Алексеевич Романов, который нынче с ватажниками пилил сухостой в хребте, вдруг узрел родимое тверское село:

— Пять зим в школу отбегал, отца схоронили ... пришёл с фронта раненый, контуженный... и остался я у матери за мужика. А мне всего двенадцать лет... Помню, осенние каникулы, одноручку-пилу, топор за кушак и — по дрова. Глубоко в лес не полезешь — снег выше колена, пилил с краю, где берёзы суковатые, это в густом березняке — свечки. Да и мёрзлые березы, пила скачет, не вгрызается. Семь потов прольёшь, пока свалишь... К вечеру гляжу: вроде, на конные сани хватит, и таскаю кряжи в штабель, поближе к дороге. А уж на зимние каникулы запрягут колхозные мужики лошадёнку в сани, вот я в лес по дрова. И сам бы запряг, да мал ростом, хомут супонью не могу затянуть — надо же ногой в хомут упираться. Ну, а в лесу кряжи заваливаю в сани, затягиваю верёвкой и — в село. А боюсь, не дай Бог хомут рассупонится по дороге, мне же супонь-то не затянуть. И что делать?.. В деревню топать вёрст пять, мужика звать?.. Но, слава Богу, мужики туго затягивали супонь, и потихоньку довозил кряжи до избы. А весь перемерзнешь, оголодаешь... И на весенние каникулы с матерью пилили кряжи, потом тюкал топором суковатые чурки, а уж поленья складывал в дровяник. Вот так и проходили мои школьные каникулы...

Пётр Алексеевич, помянув сельское детство и дрова, сел на любимого конька и подробно поведал, как его отец в тверской деревушке не дурака валял, но — валенки в бане, загодя припасши овечью шерсть. Но и здесь дело не обошлось без дров...

— Отец заготовливал дрова для школы и клуба, а по вечерам валял валенки всей деревне, — коль Иван уже слышал долгую историю об отцовском ремесле, то Пётр Алексеевич заводил долгое повествование для Паши и Коли. — Он был каталем. Мастер был искусный, со всей округи приезжали за валенками. У нас

⁴²Усть-Илимский район — северный район Иркутской губернии.

⁴³Варнак — в старину, сибирский каторжанин, беглый каторжник, беглый заключённый, а позже — просто разбойник.

овцы были «романовской» породы. В Сибири овцы длинношёрстные, поэтому на заводах, где войлочное производство, использовали шерсть не тонкорунную, а груборунную. Овец обычно стригли по осени, вручную. Всю шерсть, которую состригли, нужно было разбить, чтобы легче прясть. У добротных хозяев водились специальные шерстобитные станки. Шерсть начинает скручиваться, слепливаться друг с другом и превращается в единое полотно. Потом скручивались два колпака, которые походили на огромные сапоги. Дальше мать берет два колпака, взбивает и отдаёт отцу. А он вечерами, после работы, катал валенки. Бывало, зимой придёт с работы, накормит, напоит овец, поужинает, баньку подтопит, и валяется в бане валенки...

Если Ивановых друзей-писателей до глубокой старости звали Вовка, Гошка, Трошка, то сын катая ещё ходил пешком под телегу, а уже величался Пётр Алексеевич. Бывало, ковыляет по деревне, одной рукой держится за материн подол, другой утирает мокрый нос, а мужики кланяются: «Будь здоров, Пётр Алексеич!.. Ишь, мужик уже; пора и в колхоз записывать, быкам хвосты крутить...»

А вечернее застолье, грозя перевалить за полночь, продолжалось; и, отыграв плясовую, Паша под тихий гитарный звон пел задушевные советские песни, ставшие русскими народными, а Пётр Алексеевич, Иван и Таёга, коль медведь уши оттоптал, лишь подтягивали. Для зачина и подогрева Паша лихо пропел северную охотничью:

*Я открою поддувало, что б оно заподдувало,
Чтобы в печке затрещало листовничное смольё.
Белый снег, и нету грязи, снегоход у коновязи,
Отвечайте, я на связи! Я приехал в зимовьё⁴⁴.*

Разогревшись, Паша вдруг голосисто вывел сибирскую старинушку, застольникам неведомую, и те слушали, дивились:

*Пойду, выйду на высокий
Я на берег Иртыша.
Ой ты, милая сторонка,
До чего ж ты хороша!
Эх, ельничек, да и березничек!
Кедровые, пихтовые
Сибирские леса!⁴⁵*

Пётр Алексеевич с Иваном вышли на сон грядущий подышать лесным духом и, коль уж хмельные, кратко помолились, взирая на восток, усыпанный жаркими звёздами, благодаря Бога, что накануне исповедались, причастились святых даров в Никольской церкви, посреди села Олха.

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Пречистой Матери, преподобных и богоносных отец наших, помилуй нас, — со вздохом перекрестился Иван перед крыльцом.

А среди высоких снежных суметов, под сияющей луной остался Паша, сколь певучий, столь и богомольный; раскрыл толстый молитвослов, где затертые корочки уже едва сдерживали взъерошенные страницы, и взмолился:

— Боже, милостив буди мне грешному...

⁴⁴Слова М. Тарковского.

⁴⁵Автор — омская песенница Аграфена Оленичева (1911–1960). Песня «Ельничек-березничек».

...Явился с небес Спиридон-солнворот, и медведь в берлоге заворчался с бока на бок, а солнышко по-вешнему ласково пригрело коровье брюхо; о ту пору пожаловали на заимку заветные друзья: Пётр Алексеевич Романов, протоиерей Михаил Громов, настоятель храма, и живописец Александр Тихамиров⁴⁶, славленный в Иркутске и Москве. Мужики решили подсобить Ивану, спустить с хребта хоть пару сухостоин на дрова.

Ранней осенью сманил Иван друзей по рыжики в Тункинскую долину, где, запальчиво уверял, грибов, что грязи; друзья поверили, запасливо прихватили здоровенные корзины да решили, ежели чо, дак и багажник набить грибами. Ходили, ходили, полдня бродили по лесу и даже гнилого рыжика не узрели. Нашли три подосиновика — похожи на древних старух, коротающих век на завалинке. «То ли рыжики не родились, то ли грибники выпластали?..» — гадал Иван, выходя из леса на песчаный проселок, где поджидала машина. Настороженно огляделся: думал, будут друзья с берёзовым дрыном гонять по тайге, но величаво сияла небесная синь, тайга светилась цветами радуги, и при эдакой осенней красе браниться — святотатство. Краса и спасла Ивана от дружеского осуждения; поклон таёжной красоте — дивному Творению Божию.

А позже на глазах друзей отец Михаил освятил загородный дом Петра Алексеевича Романова, рубленный из толстого бруса, с верхним и нижним жильём, изнутри обшитый полированной доской с пеньковой веревкой в пазах. Рядом с эдаким хоромным домом Иванова заимская изба выглядела банькой, но в Долине нищих ...так простолюдые дразнит коттеджные посёлки... среди каменных дворцов с глухими каменными заборами дом Петра Алексеевича походил на зимовьё, воинственно чуждое дворцам.

Ну, да всяк сверчок знай свой шесток... Иван на своем веку дважды или трижды мимолётом, мимоходом навещал буржуйские дворцы, дивясь чудовищной роскоши и мужиками да бабами, похожими на манекены, что красуются в витринах богатых лавок. Пластмассовые манекены ...вроде нежить и нерусь... говорили на пластмассовом наречии, глядели погашенными фарами на Ивана, голодранца, нищесброда.

На освящении Романовского жилища, как и на церковных службах, Иван, окутанный грехами, страшился глянуть на батюшку и, пряча глаза, под звон кадила однообразно шептал:

— Боже, милостив буди мне грешному...

Батюшка щедро кропил святой водой золотистые венцы, а заодно и друзей, обмерших со свечами, где трепетали нежные огоньки; при сём батюшка, в дикие девяностые окормлявший русских воинов на Кавказе, лихо приговаривал:

— Кропило пристрелянное, бьёт без промаха...

Потом — каждение, и звон кадила, величавый в храме, звучал тревожно в тесной горнице, где намедни пустословил, суесловил болтливый телевизор. Читая молитвы, батюшка вручал кадило Тихамирову, словно алтарнику, и живописец, рослый, вальяжный, с окладистой русой бородой, в кожаных штанах и красных сафьяновых сапожках, был столь впечатляющ с кадилом, что батюшка повеличал его монументом, а Иван в дружеском застолье, усаживаясь на диван, весело попросил:

⁴⁶Прототип героя — живописец Александр Москвитин.

— Статуя, подвинься, я присяду.

Ваня и Саня, дружные смолоду, дружно страдали пристрастием к огненному питию, но если Иван, отроду равнодушный к изысканным блюдам, чтит лишь горячую картошку в мундире, то Александр, гурман, ещё и чревоугодием грешил.

После освящения гнезда приятели, Богу помолясь, земно поклонясь, сели за круглый стол, и, выпив по чаре холодной водочки, закусив копчёным омульком, взялись за жареного сига. Иван по вдохновению разглагольствовал о русских избяных обычаях, о чудной и чудной Романовской печи, что не жрала столь дров, как Иванова, а избу грела усердно. И вдруг Иван осёкся, споткнулся на полуслове, узрев, что Тихамиров, дружище, опустошив свою чашку, выуживает рыбу из Ивановой. А в разгар застолья художник, откинувшись на спинку стула, вдруг задремал, огласив горницу богатырским храпом; и батюшка пихнул приятеля локтём:

— Саня, не храпи...

Подобное случилось однажды и в больнице, куда уpekли Петра Алексеича; не успел тот насладиться уколами, как нагрянули друзья: отец Михаил Громов, Иван Краснобаев и Александр Тихамиров. На лестничном пролёте между этажами сели на лавочку и поджидали хворого, а когда тот спустился в пролёт, Александру пришлось встать, чтобы хворый присел на лавочку, коя больше трех стройных не вмещала. На широченном низком подоконнике раскинули скатерть-самобранку, где среди изысканных закусок красовалась и четвертинка... в народе четушка... армянского коньяка в плоской фляжке. А за окном золотисто сияли октябрьские березы, рдели гроздья рябины среди багровой листвы. Любуясь, друзья, что греха таить, выпили, закусили и повели степенную беседу, блуждая в философских дебрях; и вдруг послышался храп, и батюшка привычно пихнул художника:

— Саня, не храпи...

А Иван восхищённо подивился:

— Знаю, лошади стоя спят, но чтобы художники... А чем ты, Саня, ночью занимался?

— Вот ты, Ваня, всякую чепуху молотишь да еще, поди, воображаешь, а я всю ночь работал...

— Ну, прости, брат, коли обидел...

О ту пору Иван с отцом Михаилом издавали православный альманах «Иркутский вестник»; батюшка духовно окормлял, а Иван составлял альманах; и однажды надумал украсить очередную книжку живописью Тихамирова, а коль тот, бродячий художник, покинув Сибирь, обитал в белокаменной, то Иван и позвонил в столицу:

— Саня, здорово! Как поживаешь, дружище?

Ответ Иван не разобрал и продолжил:

— Саня, ты должен месяц угощать меня в кабаке...

Из маловнятного бормотания Иван уразумел лишь угрозу: с вина сгоришь, как со стыда, а потом вопрос:

— И с какого бока-припёка я должен поить тебя, Ваня?

— А с такого бока-припёка, что в очередной номер альманаха ставим репродукции твоих картин. И мой очерк о твоей живописи...

Приятель вновь забормотал, словно глухарь на токовище, и смеха ради Иван спросил:

— Саня, ты когда к логопеду пойдёшь?.. Чо говоришь, ничо не пойму, у ты же слова в носу застревают...

Художник заговорил внятнее ...очевидно, прямо в телефон... и сообщил, что готовит живописную выставку в Москве...

— Ого, здорово! Поздравляю, дружище! А я чуть раньше в столицу прилечу и с неделю погощу. И, Бог даст, подбегу на выставку. Но ежли на открытие опоздаю, то хотя бы на банке...

— Какой банкет?! Чудом картины оформил...

Тихамиров опять ворчливо бубнил; из ворчания Иван с трудом смекнул, что художник на мели, хотя тот вечно сидел на мели, путешествуя по российскому белу свету, живописуя скалы Байкала, волны Охотского моря, камчатских рыбаков и оленеводов Чукотки.

— Ладно, обойдёмся... Я же говорил, что в альманахе с репродукциями поставим и мой очерк о твоей живописи. Думаю над заголовком... Решил такой заголовок поставить: «Гений Александр Тихамиров».

В трубке задумчивое сопение художника, потом вопрошающий голос:

— А может, нескромно? Или сойдёт?.. Ну, короче, ближе к ночи, сам решаю, я тебе доверяю.

— Ладно, тогда оставим заголовок: «Гений Александр Тихамиров»...

После разговора Иван, поминая заголовок про гения, хохотал до слёз; вот ведь хохмы ради ввернул «гения», а Саня согласился. Хотя, может, живописец и заслужил эдакое величание, о чем Иван Краснобаев и поведал в очерке:

«Александр Тихамиров — чадо исподвольного талантливого, но растерянного поколения, а в молодые лета — кумир творческой богемы; но, ведомый умыслом иль промыслом, распираемый живописной силой, потаённо и азартно трудолюбивый, неколебимо верящий в свою художническую звезду, не утопил талант в богемных шабашах, не сгинул в пучине модернизма, но, пройдя огни, воды и медные трубы, возродился к российскому имперскому искусству. А яростное блуждание в западном модерне, как ни странно, лишь обогатило и без того необозримо щедрую, порой и вселенски холодноватую, неотмирную, но и яростно земную тихамировскую живопись. Живопись Александра Тихамирова в иных произведениях — имперская евразийская симфония, где слились мелодии сибирских народов, в других полотнах — музыка нечеловеческая, музыка Вселенская.

Намедни увидел в храме иконописный триптих живописца «Иркутские святители», а в зале приходской воскресной школы — и живописные произведения из серии о гражданской войне; и не мне судить, сколь иконно духовны парсуны святителей иркутских, сколь верны характером атаман Семёнов и барон Унгерн, но ошеломила живописная мощь картин...»

* * *

Коль сочинитель сего повествования поведал о легендарном сыщике Петре Алексеевиче и славном живописце Тихамирове, то приспел час молвить словечушко и про достопочтенного отца Михаила Громова, чьи безчисленные деяния во славу Божию, во благо православных христиан посильны лишь перу матёрого романиста, а мне до романистов, что до небес. Напомню реченное выше: у сего батюшки, подобно прочим героям повествования, есть прототип, и сочинитель не озвучил земное имя пресвитера⁴⁷, дабы не уничтожить высокий образ Христова воителя.

⁴⁷Пресвитер — древнейшее каноническое, основанное на правилах апостолов, вселенских и поместных соборов, название второй степени священства в христианстве.

Иван Краснобаев и отец Михаил Громов — земляки, уроженцы забайкальских, русско-бурятских селений; а сдружил их Харлампиевский храм, что благодаря батюшке и тогдашнему губернатору возрождался из мерзости запустения. В черновых заметках для грядущей повести Иван поминал юные лета, когда, окончив сельскую школу, дерзнул поступать на исторический факультет Иркутского госуниверситета: «Поселили меня в Харлампиевском храме, который безбожники обратили в студенческую общагу, сбив кресты, своротив купола, из высоких икон сколотив двери; здесь и началась моя иркутская судьба; здесь ...слава Богу, ожил из руин двухвековой морской храм... здесь, дай Боже, после исповеди, соборования, причастия святых даров... отпоёт меня батюшка; здесь помолятся за мою блудную душу добрые прихожане, братья и сестры во Христе...»

Иван, сдавший три экзамена на отлично, с треском завалил сочинение, ибо в слове «ещё» мог изловчиться и совершить четыре ошибки; после сего кануло полвека, суетных, хмельных и грешных, и, уставший, опустошённый, Иван вновь очутился в морском храме, что ...поклон губернатору и отцу Михайлу... величавым ковчегом выплыл из руин и ныне белоснежно светится в небесной синеве. Здесь, будучи даже не добрым прихожанином, а захудалым захожанином, Иван и сдружился с отцом Михаилом.

За спиной батюшки, подобная ратной, служба в забайкальских приходах, душеспасительное окормление русских воинов в боях на Кавказе, возрождение храмов, а для путешествующих по железной дороге возведение Никольской церкви в старинном казачьем Верхнеудинске, ныне Улан-Удэ. А уж Харлампиевский храм власть земная и власть небесная удумала сносить, ибо старчески одряхлел, и сквозь трещину в стене тогдашний владыка вольно входил в нижний придел. Словом, решили сокрушить; мол, дешевле обойдётся новодельный, но некий славный пресвитер убедил владыку: памятник старинного русского зодчества посылно спасти и, благословясь, начал уборку храма, обращённого в свалку. А вскоре в согласии с повелением губернатора владыка благословил отца Михаила, и долгими, тяжкими трудами, заботами, хлопотами древний храм обрёл белоснежное величие. И ныне отец Михаил, настоятель сего дивного храма, с амвона творит боговдохновенные проповеди, похожие на покаянные исповеди; и ныне в певучем мерцании горящих свеч из ярого воска, в свете лампад ожили образа Царя Небесного, Царицы Небесной, преподобных и богоносных отец наших и всех святых.

Вот батюшка после обедни шествует по храму и ласково, с христорадной любовью благословляет мирян; а Иван, глядя на отца Михаила, слышит голос Вседержителя: «Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи...». У батюшки чресла препоясаны широким кожаным ремнём, яко у Предтечи, а походка борцовская, раскачистая, руки разведены, словно готовы для схватки, глаза горящи, — воистину, воин Христов, у коего небесный покровитель сам Архангел Михаил, атаман небесного воинства, в схватке оборовший сатану. И походка у батюшки медвежья не случайна — по молодости в классической русской борьбе изрядно соперников уложил на лопатки и, по слухам, вышел в мастера спорта, а потом освоил и русский рукопашный бой. Батюшка — смиренномудрый, но, ежели прилюдно охаешь Бога, упредит в сердцах: «Дам по рогам, олень!..», и ежели поганую пасть не закроешь, то и заушит, словно Чудотворец Николай еретика Ария на Вселенском Соборе в Никее.

Иван вспомнил: на Крещение Господне после праздничной обедни художник Тихамиров, подполковник Романов, батюшка и он прибежали на крещенскую иор-

дань, что православные мужи вырубili в заливе Иркутского моря. Надо трижды окупиться, смыть святочные грехи, но Иван оробел — мороз за тридцать; а батюшка поплавал в иордани, поплескался, яко селезнь, и вдохновенно кличет Ивана: мол, ты же, Иван Петрович, в блудных грехах, как в шелках, — ныряй, все грехи смоешь, ибо вода святая; а если окочуришься в иордани — душа прямым ходом в рай... «Спасибо, батюшка, за щедрость...» — улыбнулся Иван и, положась на милостивую волю Божию, разгребая ледяную шугу, погрузился в крещенское море.

* * *

Но вернёмся в день Спиридона-солнворота, когда нагрянули на Иванову заимку Пётр Алексеевич Романов, протоиерей Михаил Громов, живописец Александр Тихамиров. Коль мужики сулились, грозились спустить с хребта пару-тройку сухостоин на дрова, то Иван выдал батракам хваткие, мягкие верхонки, бриткий топор, моторную пилу, пару саней, и друзья тронулись в заснеженный лес.

У вершины хребта, фартовые, надыбали засыхающую лиственницу, кроной гаснущую в небе, и батюшка лихо, словно полжизни пахал на лесоповале, завалил лесину, да прицельно, дабы не зависла на соседней сосне.

В сучкорубах ходил Иван, ибо Петра Алексеевича послали кашеварить, а Тихамиров, живописец, снимал лесоповал на кинокамеру. Вот сучки срублены, лесина раскряжевана; Иван с батюшкой стали разворачивать толстый кряж комлем вниз, чтобы погрузить на сани и спустить с горы, но кряж даже не шелохнулся, поскольку надо толкать враз, а у дровосеков кто в лес, кто по дрова. Но с надсадой всё же закатали кряж на сани, и Тихамиров запечатлел кинокамерой дивную картину: батюшка в чёрном подряснике и серой куртке из шинельного сукна, в чёрной скуфье на голове, впрягшись в сани, волочит комлистый кряж. Иван похвалил батюшку:

— Про эдаких, как Вы, батюшка, мама моя, Царство Небесное, говаривала: добрый — под комель встаёт, не под вершину, когда мужики лесину на плечах ташат...

Прытко забегая вперёд, поведаем, чем нынешний дровосек обернулся для Ивана... Помнится, Рождество Христово в ночном храме, потом — святочная трапеза, а перед рассветом Иван вызвал извозчика и, ожидаючи, гулял по церковной ограде, выискивая в сияющем звездном рое Вифлеемскую звезду, что привела волхвов к пещере, где родился Христос. И сладостно зрелось, певуче слышалось: в полночь по всей Руси Великой величаво и радостно звонят колокола, и плещется рождественский звон над заснеженными лесами и полями, над полуночными сёлами и городами, и крещённые единым гласом ликующе воспевают божественную стихирю преподобного Романа Сладкопевца: «Дева днесь Пресущественнаго рождает, и земля вертеп Неприступному приносит; Ангелы с пастырьми славословят, волсви же со звездою путешествуют; нас бо ради родися Отроча младо, превечный Бог».

Иван замер пред малиново подсвеченным вертепом, вырубленным из снега, озирая пещеру для скота, где в яслях, набитых сеном, возлежал Отроче млада, и умилённо глядели на Чадо Матерь Божия, святой Иосиф-обручник и даже овечки с бурой коровушкой. Подумалось: «Ишь, и в постоялом дворе не нашлось угла святому семейству пришлось в пещере для овец и коров ночь коротать. Зябко, поди, семейству, а ежли бы дрова, да Иосифу развести бы малый костришко, всё бы теплее... Хотя какие дрова в Вифлееме Иудейском...»

Вскоре отозвался извозчик, и когда Иван шёл по церковной ограде, увидел матушку, богоданную отца Михаила, что, подобно батюшке, уродилась в забайкальской староверческой семье и жила в суровом благочестии. Матушка, стоящая на крыльце воскресной школы, обратилась к Ивану, даже и не прихожанину храма, а захожанину:

— Иван Петрович, если с батюшкой что случится, вы будете моих детей содержать. Как вы могли запрячь в сани батюшку, у которого был инфаркт?!

Иван смекнул: забавную картину — батюшка с надсадой волочит толстый кряж — отснятую Тихамировым на кинокамеру, увидело многочадливое семейство отца Михаила: матушка и пятеро ребятишек, из коих о ту пору лишь два старших брата бегали в школу.

— Матушка, простите, я же не знал, — испуганно оправдывался захожанин.

— Толстомясого гения не могли запрячь?!

Иван доспел: о Тихамирове речь, и хотел ответить матушке: где видано и слышано, чтобы гениальных живописцев запрягали в сани?! но воздержался от эдакого высказывания и вновь извинился.

После сего Иван, помнится, угощался в церковной трапезной и пригласил батюшку на заимку: мол, в баньке попаримся, потолкуем в застолье; а матушка, что подавала печёную рыбу и слышала, тут же, не глядя на Ивана, спросила батюшку:

— Что, у Краснобаева дрова кончились?..

С той поры Иван, бывало, говорит с батюшкой об альманахе, что совместно доводили до ума, и если рядом окажется матушка, тут же оповестит отца Михаила:

— Батюшко, а у меня дрова кончаются...

Матушка властно поведёт строгим оком, сурово подожмёт губы, но словом не удостоит.

Но то случилось потом, ныне же — дровосек, и батюшка спустил с хребта последний кряж. А уж солнце склонилось к закату, словно отяжелевшая глава к подушке, и батюшка велел: «Баста, пора в баньку...» Иван жарко, не жалея листвяжких и берёзовых дров, протопил баню, а возле крыльца пихлом и лопатой нагрёб снежную сопку; и если Петр Алексеевич с Иваном грелись на полке, легонько обхлёстываясь берёзовым и пихтовым веничком, да в снег сломя голову не кидались, то батюшка и Тихамиров парились до упада и, багровые, с казачьим гиканьем летели из предбанника в снежный сугроб, где долго купались, радостно вопя. А когда, напарившись, в предбаннике пили чай с чабрецом и шаманской травой саган-дали, Тихамиров вдруг отлучился из бани и коль долго не возвращался, Иван заперезживал... мало ли что, на дворе под сорок... и, накинув шубу, сунув ноги в катанки, пошёл искать живописца. Узрел диво дивное: постаивает Тихамиров среди снежных сугробов за баней, дебелий и белый в лунном свете, да, похохатывая, почёсывая обильное брюхо, треплется по телефону. Похоже, с милой сударушкой, коль мороз не в мороз...

По случаю филипповского поста Петр Алексеевич Романов сварил чугунный казан омuléвой царской ухи... Помолвились с чувством, толком, а то Иван, забывчивый, рассеянный, суетливый, ежели забудет прочитать Иисусову молитву перед ествой, то читает после и благословляет еду и питье, крестя брюхо. А с батюшкой не забудешь...

В предчувствии лютых морозов, на ночь глядя Иван подтопил печь; и в сухом избьяном тепле поначалу ладом текла застольная беседа, а затем под завывание ветра за оконным куржаком батюшка пел «черного ворона», да не ходового, а вроде былинной старины.

*... Чёрный ворон, друг ты мой залётный,
Где летал так далеко?
Где летал так далеко?
Ты принёс мне, а ты, чёрный ворон,
Руку белую с кольцом.
Руку белую с кольцом...
Вышла, вышла, а я на крылечко,
Пошатнулася слегка.
Пошатнулася слегка...
По колечку друга я узнала,
Чья у ворона рука.
Эт рука, рука мойво милова,
Знать, убит он на войне
Знать, убит он на войне...
Он убитый ляжить незарытый
В чуждальной стороне...⁴⁸*

Глаза застольников влажно мерцали в тихом свете настольной лампы, и даже Петр Алексеевич прослезился, хотя, будучи пожизненным сыщиком, нагяделся на смерти, и, бывало, уже смотрел без содрогания, без сосущего холода в паху, без волнения в душе.

А Иван слушал, чуял: мороз по сердцу пошел; и приблизился ему байкальский старожил, певший древние песни да столь могуче, что чудилось: сосны звенят, на священном Байкале волны вздымаются, прибрежные скалы трещат. И голосил сей певень забайкальского казачьего ворона: «Ты вещун, да птица-ворон, да чо кружишьси надо мной. Полетай вещун да ворон ты к себе лучче домой...» Певень потом сокрушался в беседе с Иваном: «Счас редко кто старинны мотивы поёт, всё больше дрыгалки-прыгалки, что в радиве, что в телевизоре... Да ишо и похабщина сплошь, а ранешни старики баяли: ”Оборони меня Бог от грозы и молнии, от плохого глаза и уроченья, от зверя дикого и языка поганого”».

* * *

Иван, глядя на батюшку, поминал давнишнее путешествие по Забайкалью, воплощенное в его беглых путевых записках: «...В бурятском стольном граде гостили у коммерсанта в дачных хоробах, и когда хозяин отлучился, его старенький батя, бывший советский начальник, собрав нас за круглым столом, стал знакомиться.

— Писатель Иван Краснобаев...

Бывший глянул на меня, мелкого, невзрачного мужика, как на круглого дурака, но я привык; мне родной зять говорил: «Ты, Ваня, не писатель, ты, Ваня, нарезчик — дуру нарезаешь...»

— Подполковник полиции Пётр Алексеевич Романов...

— Да... — Бывший даже приподнялся и с почтительным поклоном пожал руку знатному сыщику. — Ваша работа нынче особо нужна и важна — распоясался народ...

— Художник Александр Тихамиров...

— О, доброе дело... Нам бы вот, товарищ художник, беседку покрасить, да покрасивше бы...

⁴⁸Былинная песня донских казаков.

— Отец Михаил Громов, священник...

— Да-а-а, видно, нету никакой специальности, — вздохнул Бывший.

Из степной столицы укатили за сотни вёрст в село Тамир, — древлематёрое русское село, чудом выплывшее из восемнадцатого века... Улицы — сплошь дородные бревенчатые избы с рубленными фронтонами — явный признак старинного избыного зодчества. И, может, потому, что деревня вытянулась вдоль широкой, насквозь продуваемой долины, усадеб едва коснулась гниль. Да и, слава Богу, хозяева обихаживали дедовские избы, отчего те и не ветшали, не вращали в землю-матушку; и, в отличие от других сёл и деревень, немного высмотрел я в Тамире брошенных усадеб, как мало узрел и нынешнего убогого новостроя; из поколения в поколение жили и живут многие тамирцы в могучих хороминах, рубленых дедами и прадедами. И потешила мою деревенскую душу милая картина: над бревенчатыми заборами виделись высокие поленницы дров, хотя и вылинявших на долгом солнце.

Мы гостили у здешнего церковного старосты, в усадьбе которого поленницы переросли бревенчатый забор, и дровяник битком, а рядом корявые сосновые чурки с манящим колуном. Мы, гости, по очереди долбили суковатый чурбан, но пришел староста, усмехнулся, перевернул чурку и, поплевав на мозолистые ладони, взял колун, и вскоре чурка развалилась надвое, а потом и на поленья.

А вечером в разгар братской трапезы я, многогрешный рабчишка Божий, живо сгорающий в похотях, забыв о смирении, послушании, почитании священнического сана, вступил с батюшкой в перебранку, защищая крестьян, кои, увы, пока ещё бредут мимо сельских церквей: иные еще не одолели материализм, атеизм, что вбивали в их разум с отрочества, иные от лености души, иные от беспробудного пьянства. Справедливо укорял батюшка хмельных, лодырей и безбожных селян, а я оправдывал: бывший сельский житель, я жалел несчастных крестьян, которых испокон русского века ломали через колено — крепостное право, коллективизация и раскулачивание крепких хозяев, а когда крестьяне привыкли к совхозам и колхозам, обретя в них былую общину, когда расцвело село, власть жестоко порушила коллективные хозяйства, кинув крестьян на произвол безжалостной судьбы; и уйма крестьянских малосемейных дворов, отвыкших выживать единолично, погрузились в беспросветную нищету и пьяную тоску. Одыбает ли село, вернётся ли в храмы, Бог весть... Блаженны нищие духом, а посему живёт надежда: сельские души, если и пустые, то чистые, не исписанные демонскими письменами мудрости мира сего, как у грамотеев, когда уже нет вольного поля для Божиих глаголов...»

А трапеза на лесной заимке устало завершалась; изрядно говорено и не о суетных, утробных пустяках, но аж сразу о даровании православным благочестия, смирения и спасения, для чего и помянули стих дивного стихотворца Алексея Хомякова:

*Подвиг есть и в сраженье,
Подвиг есть и в борьбе;
Высший подвиг в терпенье,
Любви и мольбе⁴⁹.*

2014, 2015, 2022 годы

⁴⁹А. Хомяков. «Подвиг».

ПОЭЗИЯ

АНДРЕЙ СИЗЫХ

«Русский человек непобедим...»

* * *

Если пробудился ото сна очаг,
Значит, наступает утро и светает.
Умывайся первым в солнечных лучах!
Вдруг на всех не хватит — кто же его знает.
Солнечная ванна, полная теплом,
Выплеснула щедро яркое цунами

СИЗЫХ Андрей Николаевич родился 4 августа 1967 года в г. Бодайбо Иркутской области. Окончил исторический факультет Иркутского пединститута. В 1986-1988 гг. служил в Советской армии. Дополнительно получил высшее образование по специальностям «Международная экономика и таможенное дело» и «Управление предприятием», стажировался в Канаде и Японии. Лауреат премии журнала «Футурум Арт», финалист и дипломант «Первого открытого чемпионата Балтии по русской поэзии». В 2017 году, к 50-летию юбилею, награждён грамотой Губернатора Иркутской области за литературную и культурно-просветительскую деятельность. Автор книг стихов «Интонации» (2009), «Аскорбиновые Сумерки» (2011), «Икра летучей рыбы» (2015), «Габаритные огни» (2016), «Полёт камбалы» (2018 г.), публикаций: в журналах «Тетра Nova» (Лос-Анджелес), «Идель» (Казань), «Сибирские Огни» (Новосибирск), «Звезда», «Зинзивер» (С-Петербург), «Дети Ра», «Футур Арт» (Москва), альманахах «На перекрестке», «Иркутское время», «Зеленая лампа» (Иркутск), в альманахе «Белый ворон» (Екатеринбург–Нью-Йорк), «Воштанице» (г. Белград, Сербия). Стихи публиковались в «Литературной газете», «Литературных известиях». Член Союза российских писателей. Живёт в Иркутске.

И бежит ключами золотыми в дом,
Самыми последними утренними снами.
Свет смывает серость с окон и со стен,
Разгоняет холод из сентябрьских буден.
Пусть сегодня дует ветер перемен —
Тёплый южный ветер, а дождя не будет.
Дарит утро веру в чудо сентября —
Видно, Ангел летний загулял и запил.
С крыльев золоченых пуха и пера
Много налетает через окна на пол.
Вьётся синей дымкой дух над очагом —
Пахнет воздух кофе и листвой сухою.
Ангел запивает солнце коньяком
И тайком прижился в доме, под стрехою.

* * *

Осень осенит тебя дождём, Листопадом обожжёт дороги глину И накинёт плащ туманных дрём На больную, сгорбленную спину. А сама, в дырявом шушуне, Побредёт как странница простая,	Провожая в серой вышине Журавлей курлычущие стаи. Запах плесени и дикая тоска — Станет воздух твёрдым и тяжёлым. И уже зима как смерть близка, Мнится в снах деревьям полуголым.
--	---

* * *

Звёзды горят, словно в первые дни творенья.
Лето молится квасу и ест крошку.
Вечер ярок и ясен, и даже зреньё
К старикам возвращается понемножку.
Будет ночь над страной сегодня тёплой,
Но не душной, не липкой и не бессонной —
Все ночные демоны над Европой.
А над нами Ангел парит с иконой
Богородицы девы святой и присной,
Охраняет родную Отчизну нашу,
Чтобы Лето Господнее иконописно
Расцветало ярче, теплей и краше.

Мой серебряный век

Слышу топот тяжёлый и эхо далёких шагов.
Передышка, и он переходит на бег.
— Не спеши, старина! Я к торжественной встрече готов.
Я давно уже твой с головой, мой Серебряный век.

Всё, на контурной карте, под калькой вчерашних дорог,
Так давно обозначено мной не дрожащей рукой.
Всё, что мне предназначено Богом, я вынести смог
И надеюсь теперь на свободу и вечный покой.

* * *

Ладощка Господа — наш неуютный чёлн.
Плывём, как лист опавший, по течению.
А значит вниз, куда-то под уклон,
Где окончанье всякому мученью.
И речью-горечью пропитан воздух весь.
К чему Господь нам подарил злословье?
Молитва Богу и Благая весть —
Достаточны для счастья и здоровья.
А лишнего не надо говорить.
Молчи-молчи, предательское слово!
Пусть лучше рот прошьёт сурово нить,
Чем мир вокруг пустым тревожить снова.
Плыви себе в руке у Рыбака,
Копи, как золото-серебро, молчанье.
И может быть, души твоей река
Иметь не будет дна и окончанья.
И речь, как истина, однажды прозвучит,
Где ей положено заветное начало —
От Альфы до Омеги. И простит
Нас Тот, чьим голосом песнь Мира зазвучала.

* * *

Лета сонного проказы! Тополиные снега,
А из грязи вышли вязы и медовая ирга.
Что там небо мглою кроет? Туча, как гиппопотам,
То залает, то завоет, то пройдёт по головам
Клёнов и домов панельных, старый шифер растоптав —
С выходных на понедельник, слёзы лить уже устав.
Из притворов тучных, серых, жарким пламенем горя,
Прорастёт сквозь атмосферу солнца нового зря.
Вот и снова — лето-лето! Налетай, пока дают!
Мчится время года это в направлении на юг.
Дальше, с каждым новым ливнем, льётся время через край.
Быть счастливым и ленивым, ненадолго, выбирай.
Утоли свои печали — пей с ладошки сладкий зной.
Слушай громкое молчанье полдня в эру Кайнозой.

* * *

Русский дух. Остроги и Кремли.
Родина — изба на курьих ножках.
Пусть дрожат чужие короли,
Когда видят варваров в рогожках.
Сонм святых и сивых храбрецов,
Кто в лаптях, кто в зипуне на вате,
По примеру дедов и отцов
Даст отпор немецкой сытой рати.
И тогда, уж не взыщите с нас —
Будет вам небесный свод с овчинку!

Мы станцуем в Вене «Венский вальс»
Под старинную советскую пластинку.
И «Французским вальсом» под Париж —
Помянуть без злобы Бонапарта —
Прогуляется ордынский Тохтамыш,
Навестить быстро в тени Монмартра.
Раздувайте щёки, бровь кривя,
Брызгайте своей слюной отравной —
Русских любит Бог, благословя
Верою, как грамотой охранной.

* * *

Прощай, немытая Германия!
Иди, к войне себя готовь —
Прошла в России евро-мания,
Избыта краткая любовь.

Учись теперь терпеть лишения,
Поменьше есть, ходить пешком,
Обогревая помещения
Патриотическим душком.

Марш мертвецов

Когда падут и fleши все, и крепь,
Редуты, баррикады и заслоны,
Мы встанем вместе в ряд — в живые цепи,
Превозмогая боль и наши стоны.
Полуживые, раненные тяжко,
Пойдём в атаку штыковую смело,
Рванув рубашку — души нараспашку —
Душа, она стократ сильнее тела.

Когда падут все fleши, и все крепь,
Остроги, капониры, крепостцы,
И кровью враг зальёт в Донбассе степи,
Пусть из могил поднимутся отцы.
Пусть встанут деды с прадедами рядом,
Бессмертные солдаты Осовца
И Бреста пограничные отряды,
Под ураганной музыкой свинца.

Пускай врагу в ответ оркестр «Вагнер» —
Его бессмертные берсерки-скрипачи —
Сыграют оперу с названием «Русский варвар».
Чтоб вздрогнули иуды-палачи
И чтобы гибель сучьих орд Европы
Безумный страх всегда внушала им.
И чтобы помнили их подлые холопы,
Что русский человек непобедим.

Честь и крест

Взошла большая мокрая Луна,
Как из болота выскочивший леший.
Налей, официант, мне горького вина
И вермишель на уши мне не вешай.
Я пью сегодня третий день подряд
И этот дождь идёт за мной по следу.
Пусть про еду другие говорят —
Я поварам не доверяю в среду.
Тем более, когда такая рань.
Вчера, с бойцом, сбежавшим из санбата,
Мы пили в ресторане «Еревань»
Коньяк армянский. По ведру на брата
Наверно выпили, но точно не считал.
Лишь помню — крест «За мужество» героя
Сверкал, как честь, отлитая в металл,
Под крепкий мат окопный, ярче втрое.

Он был так юн, как я сто лет назад,
И полон страсти, совести, отваги.
В глазах его огнём горел азарт —
Разбить врага в Берлине или в Праге.
И наказать за беспредел и зло
Бандер кровавых, хитрозадых ляхов
И европейско-натовских козлов,
Принёсших русским столько бед и страхов.
Он пил на равных, словно бил врагов.
И верил я — за ним и Бог, и сила!
И вся непобедимая Россия,
Как прежде, вместе, встанет за него.
И я завидовал мальчишке в этот раз,
Хотя себя считал выдавшим виды.
А дождь за окнами играл собачий вальс
И лил мне в рюмку грустные флюиды.
Мы распрощались полвторого, в ночь.
Солдат уехал в госпиталь военный.
А я продолжил пить, и мне невмочь...
И грустный дождь идёт во всей вселенной.

Монетка

Неспокойная выдалась нынче весна —
То снега, то дожди, то песчаные бури.
И прокисло вино, и похлёбка пресна.
И вражды на Земле, и в мозгах много дури.

Полыхает война, враг безумством объят.
Псы-тевтоны, да ляхи потворствуют бесам.
Англичанка-змея разливает свой яд
За каким-то неведомым нам интересом.

Мы всё ждём или ищем спасенья себе,
Забывая о чести, о родине милой.
И тоскливо играет нам Бог на трубе
О бессмысленной жизни такой суетливой.

О бездарной и тленной, пропащей душе,
Не имеющей в прибыли главной монетки.
Той, что вам не достанется при дележе.
Той, что вам не оставили жадные предки.

Эту ценность хранят от завистливых глаз,
Выше прочих иных драгоценностей ценят.
И другим раздают просто так, не скупясь —
Тем, кто вас не предаст и вовек не изменит.

А Всевышний щемящий волнующий блюз
Продолжает дудеть глубоко и протяжно:
«Лишь с любовью бессмертна душа «a la gusse»,
Всё другое богатство не так уже важно.

Где любовь, там и родина — сердце моё.
Если нету любви, то и родины нету!
Заслони, сохрани и не выдай её —
Эту самую ценную в жизни монету».

Бродяжий вальс

Страна моя, я твой бродячий сын —
Гаврош бездомный, словно грош бесценный.
Ненужный никому, советский дворянин
С окраин диких видимой вселенной.
В таёжных снах на северном ветру
Я возмужал и вырос дикоросом.
И выжгло солнце кожу, как кору,
На безволосом профиле раскосом.
Давным-давно, предав своих родных,
Ушёл служить, учиться и скитаться.
Оставив землю речек золотых,
Всю жизнь искал, в какую степь податься —
Где легче дышится и любитя легко,
Где жизнь бурлит, и где до чёрта воли.
Но бил бездарно дробью «в молоко»

И пули не туда летели, что ли...
И, до сих пор не отыскав стезю,
Любя свою Отчизну до безумья,
Точу над атласом родной страны слезу,
Впадая во все тяжкие раздумья:
Иль с табором брести с востока на
Далёкий запад — до граничных засек?
Иль в тёплый Крым, где сладкого вина,
Как на гречишном поле летом пасек?
А может снова двинуть на Восток —
В Джунгарский край, в Маньчжурское Приморье.
Туда, где часть души берёт исток,
Где бьют ключи с моей тунгусской кровью.
Куда не повернёшь — такая ширь,
Такая радость и такая мука!
Москва в сусальном золоте, Сибирь,
Санкт-Петербург и волн Байкальских скука.
Так видно суждено душе моей,
Пошитой Богом из заплат лоскутных,
Чтоб от Курил до западных морей
Искать путей и ждать ветров попутных.
Сшивать своим корявым языком —
Стихом нестройным — звуки русской речи.
И, как мой дальний предок, казаком
Идти вперёд своей судьбе навстречу.

ВАЛЕРИЙ ДМИТРИЕВСКИЙ

Кандидат в призраки

РАССКАЗ

Алексей Петрович Черемискин подошёл к окну и озабоченно взглянул на небо. Синева на глазах исчезала за серыми тучами, которые быстро наплывали с севера. Ветер трепал листву тополей и клёнов, закручивал маленькие пыльные смерчи на тротуарах, развеивал длинные волосы девушек. «Будет дождь или нет?» — подумал Черемискин. И тотчас же в стекло ударили первые капли. Предусмотрительные пешеходы раскрыли зонты, прочие спешили укрыться в магазине напротив

ДМИТРИЕВСКИЙ Валерий Викторович — поэт, прозаик. Родился в 1952 г. в Нижнем Новгороде. В 1974 г. окончил геологоразведочный факультет Иркутского политехнического института. Служил в пограничных войсках командиром взвода. Работал геологом, главным геологом партии, начальником ревизионно-поискового отряда в геологических экспедициях Сибири на поисках и разведке золота и др. полезных ископаемых. Автор четырёх книг стихов: Вечерний этюд (2003), Воспоминание о настоящем (2006), Слепой дождь (2010), Пока в небе ласточка вьётся (2022), а также книг: Где ты забудешь о плохом (2017), Камень небес (2020), Упражнения по русскому — каламбуры, палиндромы и пр. (2018), Говорящие стены — исследование настенных надписей (2020), Настроение — краткие очерки и эссе на разные темы (2022). Также пишет пьесы, критические заметки о литературном творчестве. Редактор и один из основателей литературного альманаха «Ангарские ворота». Член Союза писателей России. Дипломант Международного поэтического конкурса «Золотая строфа-2010», лауреат премии издания «День литературы» (Москва) в номинации «Поэзия» (2018 г.), лауреат 1 степени открытого Московского областного литературного конкурса «Звёздное перо» им. Георгия Кольцова в номинации «Свободная лирика» (2023 г.). Живёт в Ангарске.

или под навесом трамвайной остановки. Автомобили один за другим включали «дворники». Асфальт почернел и забликовал отражениями фар, появились лужи. Далеко за домами сверкнула молния, но гром до города не долетел, растворившись где-то в пригородных лесах.

«Значит, сегодня не состоится», — с огорчением понял Алексей Петрович. Он сел за стол и с грустью посмотрел на стопку тонких книжек. Ну да, «самиздат», чего уж хорошего. Но иногда за день удавалось продать два-три экземпляра, и это он считал успехом. Дело было не в прибыли — какая там прибыль, если он просил за книжки в полтора раза меньше, чем они обошлись ему в типографии. Иначе, успел убедиться Черемискин, их вообще не будут покупать — большинство из тех, кто останавливался возле его складного столика на улице и брал книжки в руки, заглядывая в них и прочитывая несколько строк, отходили прочь, когда он называл даже эту цену. Это были такие же, как и он, пенсионеры, любившие, надо думать, в прежние, ещё не очень далёкие времена, когда книги стоили, в общем-то, копейки, копаться в книжных развалах, выискивая для себя не читиво, а именно чтение. Но теперь они, будучи, как говорится, стеснены в средствах, расходовали их очень осторожно. Те же немногие, кто что-то покупал, видимо, решительно предпочитали духовную пищу материальной или просто могли себе это позволить. Люди средних лет, наверняка более состоятельные, но уже не заставшие уличной книжной торговли, бросив взгляд в его сторону, проходили дальше. А уж молодые — те и вовсе со свистом пролетали мимо...

Выйдя на пенсию, Черемискин не мог придумать, чем занять свободное время, которого стало слишком много. Жена этим не заботилась, она всё лето пропадала на даче, а зимой то на фитнес через день ходила, то на неделю и больше уезжала к старшему сыну в соседний город приглядеть за внуками — всего три часа на электричке. Ему же дача была в тягость — поработав полчаса лопатой или тяпкой, он чувствовал, как в пояснице, застуженной ещё с молодости в бытовках и палатках, начинает что-то колоть и побаливать, а сгибаться над грядками вообще не мог. Проводить же целые дни на природе без всякого дела было скучно. И в конце концов супруга любезно освободила Черемискина от загородных поездок. Зимой Алексей Петрович не любил с детства, на улицу в мороз выходил редко. К сыну вместе с женой иногда, конечно, ездил, но проклятая поясница, как он ни укутывался, всё же отзывалась на холод, и тогда Черемискин целыми днями сидел в одиночестве дома, уставившись в телевизор или перечитывая старые книги, в основном приключенческую классику. В тёплое время года случались выходы во двор, где можно было посидеть на лавочке в компании с соседом по этажу, подолгу ведя беседы на разные темы. Правда, с недавних пор они стали его утомлять — Никанор Силантьевич часто повторялся и толковал об одном и том же по нескольку раз, забывая, что совсем недавно про это уже говорил. Да и предметы разговоров были однообразными: о росте цен в магазинах, происках американцев, бездарной игре «Спартак» и упадке нравов среди нынешней молодёжи, редко о чём-то ещё.

«Сейчас бы снова на Тью, — думал Черемискин, когда переживать собственную неприкаянность становилось совсем невозможным. — Или хотя бы на Аюлинду. Вроде и речка небольшая, а хлопот доставила много. Тогда в августе целую неделю дожди хлестали, левый устой капитально подмыло. Пришлось повозиться...».

Эх, молодость! До чего он тогда азартно жил, как стремился сделать свою работу быстро, хорошо и красиво! Что ему были морозы, что таёжный зной с

тучами комаров и мошки, когда после многодневных трудов, растратив в избытке и сил, и нервов, он любовался очередным объектом, построенным его бригадой. Как они говорили между собой, БАМ — это мосты, соединённые небольшими участками железной дороги. Вот он, один из многих сотен, хоть и небольшой, без быков, но ажурный, надёжный, он парит над речкой, словно в невесомости, он никуда не денется и будет стоять, по крайней мере, сотню лет, подставив свою стальную спину поездам, бегущим через всю страну, — и туда, к Тихому океану, и встречным, спешащим в столицу. А он, Черемискин, уже был позарез нужен на следующей речке, и всё начиналось сначала.

Да, тогда он действительно горел на работе, был влюблён в неё и испытывал безусловную уверенность, что без него и его бригады никакие поезда никуда не доедут. И привлекали его вовсе не деньги, которые, чего уж там, являлись основным стимулом для многих, приехавших на стройку века. Главным было осознание того, что он участвует в историческом событии и сам, в силу своего умения и старания, создаёт эту историю. Деньги, и немалые, которые он получал за работу, конечно, придавали ему значимость в собственных глазах, но были нужны лишь для того, чтобы о них не думать. Этот афоризм, где-то когда-то прочитанный, служил ему мысленным оправданием перед старшим братом, прозябавшим на Большой земле в проектной конторе, — тот иногда в письмах упрекал его в погоне за «длинным» рублём. Но разве Черемискин был виноват в своих более чем приличных, по сравнению с братом, заработках? К тому же он не реже раза в год навещался к нему в гости и всегда привозил в подарок какой-нибудь дефицит: то куртку аляску, то зимние ботинки с молнией сбоку, не забывал и о жене брата, и о племянниках. Лишь когда женился — тут же, на магистрали — на хорошенькой продавщице из поселкового магазина, эти визиты стали реже, и подарки он привозить почти перестал, потому что надо было и дом обставить, и Полину обувь-одеть, да и в отпуск с ней съездить куда-нибудь на юга. На прежние накопления успел и квартиру приобрести кооперативную здесь, в городе. А ребятишки пошли — два сына один за другим, — так и совсем лишних денег не стало.

Лишних не было, однако и не бедствовали. После торжественного завершения строительства магистрали Черемискин, получив заслуженную медаль, уговорил жену проститься с посёлком, в котором для него не стало работы, и они поехали обживать городские хоромы. Полина устроилась в гастроном, а сам он пошёл прорабом в дорожно-строительное управление, благо имел диплом техника. Был у него «Жигулёнок»-пятёрка, приобретённый по целевому бамовскому вкладу, и вечерами он ещё и подрабатывал, разъезжая по городу и подбирая «голосующих» на улицах. Почему-то это называлось «бомбить». При этом надо было опасаться легальных таксистов, которые, заметив, что кто-то из частных берёт пассажиров, могли и шины проколоть ненароком. Выручка была небольшой, но всё-таки заметно облегчала жизнь, так как доходы семьи сильно уменьшились, а инерция привычки жить, мало в чём себе отказывая, долго мешала притормозить в тратах.

Когда в стране грянул «сухой закон», многие «бомбилы», да и таксисты тоже, стали возить с собой водку и неплохо на этом наживались, загибая цены вдвое против магазинных. Но Алексей Петрович этим не занимался. Сам он почти не пил, а пополнение личного бюджета, основанное на порочной склонности части сограждан, расценивал не иначе как подлость.

Потом на каждом шагу стали возникать кооперативы, где, в отличие от государственных предприятий, заработки не ограничивались. Существование неко-

торых из них Черемискин воспринимал как издевательство над людьми, хотя всё было по закону. Однажды ему надо было поставить пломбу на зуб, но когда он пришёл в стоматологическую поликлинику, оказалось, что нет цемента. Идти в другую поликлинику было далеко, да он и не успевал до закрытия. Видя его замешательство, дама в регистратуре подсказала:

— Через полчаса здесь начнёт работать кооператив, можно обратиться туда.

Черемискин посидел в коридоре и порядком удивился, когда та же дама пригласила его подойти и выписала направление к врачу. Получалось, что регистраторша, не сходя с места, плавно перетекла под крышу кооператива. И в поликлинике ничего не изменилось: врачи были те же и находились в тех же кабинетах, но теперь, отбив положенное время под вывеской госучреждения, они работали исключительно на свой интерес, и цемент у них вдруг откуда-то взялся, только это было уже не бесплатно, как полчаса назад, а за довольно порядочные деньги. Алексей Петрович негодовал, но что и кому он мог предъявить? Времена изменились, а то, что он никак не мог встроиться в новую действительность, было только его личной проблемой.

Резкий переход к рынку застал Черемискина, как и многих, врасплох, и поселил в душе растерянность и тревогу. Того, что он добывал своим прорабством, хватало разве что на еду. А «бомбёжка» стала небезопасной — появились шайки нелегальных извозчиков, которые поделили город на вотчины и вели себя как натуральные бандиты — вычислив чужого, ставили его перед выбором: или он убирается прочь с дороги, или рискует остаться с раскуроченной машиной, а то и с потерянным здоровьем. Черемискин, пока до этого не дошло, благоразумно выбрал первое. У Полины выручка в магазине сократилась, платили гроши, она приходила домой в растрёпанных чувствах и постоянно пилила мужа за то, что перестал обеспечивать семью. Алексей Петрович, сознавая свою вину, мучительно изобретал способы хоть как-то обогатиться, но ничего путного придумать не мог.

А тут и возраст для пенсии подоспел, у него был льготный стаж. Черемискин готов был работать и дальше, силы и умение никуда не делись, однако ему вежливо намекнули, что пора бы уступить дорогу молодым. Он догадался, что у начальства подросли дети. Качать права не стал — знал, что иначе создадут такие условия, что пожалеешь. Тем более что с учётом повышенного бамовского коэффициента пенсию ему насчитали лишь немногим меньше, чем была его нынешняя зарплата. Но всё-таки меньше.

Он часто вспоминал те годы, когда он был нужен стране, — даже не именно он один, Черемискин, а все они — те, кто прокладывал в глухомани рельсовый путь, так необходимый, судя по передовицам газет, для дальнейшего процветания державы. И опять с горечью сознавал, что это время ушло и никогда не вернётся. Романтика, трудовые подвиги, лозунги в стиле «Даёшь!» — для него и теперь это были осязаемые, конкретные понятия, хоть и не раз уже осмеянные при нынешнем укладе жизни. Он вылавливал застрявшие в памяти будни, отмеченные как удачами, так и неудачами, митинги по случаю завершения очередного этапа строительства, вечера в общепитии в компании друзей, их лица, характерные словечки, совместные вылазки на рыбалку или за ягодой... После того как дело, за десять лет объединившее их в крепко сколоченный дружбой коллектив, было закончено, все разъехались кто куда, следы многих потерялись, а переписка с остальными незаметно заглохла. Теперь только воспоминания грели ему душу.

Однажды Алексей Петрович вдруг обнаружил, что стал забывать многие эпизоды той, настоящей жизни, которые, хранясь в глубине сознания, позволяли хотя бы мысленно возвращаться в молодость. Испугавшись, что с ним могут остаться лишь какие-то общие, неясные ощущения всего пережитого тогда, он решил записать всё, что ещё сберегалось в душе, купил толстую тетрадь и проводил за этим занятием многие часы, радуясь, что появился какой-то стержень в его доселе аморфном существовании. Однако просто перечислять названия речек, горных хребтов, посёлков, фамилии друзей и знакомых, разные забавные или трагические случаи ему вскоре показалось мелким и недостойным того прекрасного времени, которое далёким маяком светило из прошлого. Хотелось написать обо всём увлекательно и красочно, чтобы и через много лет не погасло в памяти. Пусть и сыновья, которые в те поры были совсем мелкими, прочитают о том, каким бравым землепроходцем был их отец. Да и Полина многого не знала. Черемискин придумал незамысловатый сюжет, на который, как шашлык на шампур, нанизал события и переживания своих первых месяцев на БАМе. Исписал страниц двадцать и вечером прочитал жене.

— Ты у меня, оказывается, писатель, — отозвалась Полина. — Почти как Лев Толстой или Максим Горький. Только им-то, наверно, платили за это, а с твоей писанины какой толк? Сходил бы лучше за хлебом, а то опять весь день за столом просидел.

Черемискин оделся и пошёл в магазин, размышляя над её словами. Может быть, в этом его спасение? Писать ему нравится, писать есть о чём, а если потом напечатать? Он, конечно, не Лев Толстой, и гонорар кто же ему заплатит, а вот продавать, пожалуй, попробовать можно. Многие сейчас сочинять стали, вон в киоске газетном полно книжек всяких, кто-то же их покупает. Обложки пусть и бумажные, зато яркие, и рисунки броские, сразу привлекают внимание. Интересно, сколько стоит такую книжку напечатать? Взять да рискнуть, потаксовать месяц-два, авось хватит. Напечатать и выйти в парк, когда народу много, — в выходные дни, в праздники. А может, возле книжного магазина пристроиться. Название надо будет дать завлекающее. «В отрогах Кодара» или «На медвежьей тропе»... ну, в общем, в таком духе. И дело пойдёт. Не сразу, конечно, с прибылью, раскрутиться надо. Ну, там видно будет. Романы и повести он, конечно, не потянет, а вот рассказы — это да, это может получиться.

Идея не отпускала его, и он, мысленно перебрав наиболее яркие события, происшествия, зигзаги судьбы — не только собственной, но и товарищей своих, — составил список тем, которые должны стать основой для его рассказов. И за полгода кропотливых трудов сочинил их около десятка. Черемискин старался не просто излагать факты и выстраивать последовательность действий своих персонажей, за которыми стояли реальные прототипы, в том числе он сам, но и приглашал воображаемых читателей проникнуть в мотивы их поступков, показывал ход размышлений героев и приводил такие подробности, которые выдумать невозможно, если сам не был свидетелем или участником событий. Закончив писать, он иногда открывал и прочитывал что-нибудь из Нагибина, Соболева или Распутина, пытаясь сравнить, насколько похоже у него получается. Выходило, что будто бы не так уж и худо. Но сомнения оставались, и он, прочитав в газете о литературном вечере в библиотеке, которая находилась недалеко от дома, решил пойти туда, надеясь получить от кого-нибудь отзыв на свою беллетристику.

Вечер был посвящён круглой дате одного из местных литераторов. Ведущий,

бойкий брюнет лет сорока, с подвижной мимикой, одетый в шикарный тёмно-синий костюм, при галстукке, уверенно управлял ходом торжества. Он артистически, с паузами и модуляциями голоса, пересказал биографию бенефицианта, вставляя от себя необходимые шуточки в его адрес, затем давал слово всем желающим высказаться и поздравить, читал на память стихи юбиляра, в заключение предоставил тому возможность произнести ответную речь и напоследок объявил благодарность всем, кто почтил собрание своим присутствием. Когда стали расходиться, Черемискин подошёл к нему с тетрадкой.

— У меня тут это... рассказы. Не могли бы вы почитать их? Так сказать, оценить. И вообще... стоит ли мне этим заниматься?

Брюнет попросил представиться, затем назвал сам:

— Семидеев, Арнольд Ефимович. Председатель лито. То есть литературного объединения. А вы давно пишете?

— Да так, — замялся Черемискин. — Недавно, в общем...

— Ну что ж, я посмотрю. Прозаики нам нужны. У нас народ всё больше стихи почему-то кропает.

И после небольшой паузы предложил:

— Будем на «ты», Петрович? Если не против. Так легче общаться.

Черемискин не уловил связи между лёгкостью общения и переходом на «ты», но выразил согласие. Может, это у них так принято, кто его знает.

— Приходи через неделю сюда же, — положив «Петровичу» руку на плечо, сказал Семидеев. — В шестнадцать устройт?

— Конечно, я же пенсионер. Птица вольная.

— Вот и чудненько.

Через неделю Черемискин, сильно волнуясь, пришёл в библиотеку. Минут через десять возник Семидеев.

— Ну что сказать, Петрович, — с ходу начал Арнольд Ефимович, присев на край стола в читальном зале и листая тетрадь Черемискина. — Занятно. Темы интересные. А вот сюжеты плохо разработаны. Не захватывает. Портретов героев почти нет, одни нечёткие штрихи. Характеры, правда, есть, чувствуются. И диалоги тебе удаются. Но этого мало, ты пойми.

За соседним столом попросили говорить потише. Семидеев пересел на стул и убавил голос.

— У тебя всё какое-то рыхлое, действие рассыпается на эпизоды, нет связи. И ещё — ты всё время бьёшь прямо в лоб. Вот, дескать, это хорошо, а это плохо. Так не годится. Короче, проблески есть, но... — Он поднял брови, выпятил нижнюю губу и возвратил Алексею Петровичу тетрадь.

Черемискин покивал: да, он учтёт все эти замечания. И попросил:

— Может, дадите свой телефон? (Ну не мог он, даже называя про себя Семидеева просто Арнольдом, сказать ему «дашь».) Я всё перепишу и снова покажу.

— Так я через три дня уезжаю.

— А когда вернёшься?

— Уже никогда, — усмехнулся Семидеев. — В Москву перебираюсь, теща у меня там. Всё, хватит. Здесь не размахнёшься.

Он поднялся со стула.

— Давай, Петрович, теперь сам. Всё сам. В лито прозаиков, кроме меня, нет, никто не подскажет. Удачи!

Черемискин встал из-за стола и снова подошёл к окну. Дождь перешёл из про-

ливного в мелкий, затяжной. Далеко же увели его воспоминания, пока он сидел, задумавшись. А с чего же начал-то? Ну да, с прибыли. Вернее, с её отсутствия. Заработать на продаже своих книг, как он убедился, было невозможно, наоборот, выходили одни убытки. Полина уже не пилила, сдалась — мол, чем бы дитё ни тешилось... Она застолбила за собой место на улице возле «Хлеб-соли», где недавно соорудили прилавок для частников, и ходила туда продавать излишки урожая и цветы. Но сегодня она тоже пролетает мимо денег. Притихла где-то в комнате, может быть, спит...

В тот день, стараясь не слишком впечатляться разгромным отзывом Семидеева, он пришёл из библиотеки и с холодной головой занёс на чистую страницу его претензии. Да, главное — не терять выдержки, как это и бывало всегда на трассе, главное — без паники. Спокойно и методично осмыслить происшедшее и принять необходимые меры. «Не захватывает его, — недоумевал он, припоминая замечания Арнольда. — Это же не детективы». Но записал, кажется, всё, что тот говорил.

Тетрадь пришлось купить новую. На переделки своих опусов у него ушло ещё полгода. После отъезда Семидеева показать то, что получилось, было некому. Алексей Петрович прикинул: по количеству страниц вполне выйдет книжка, а не какая-то там брошюра, и он решился. Отыскал типографию, узнал цены и, оценив свои возможности, задался целью напечатать сто экземпляров в мягкой обложке. Таксовать всё-таки не стал — остерегся. Втайне от жены отнёс в комиссионку свой «Зенит-Е» вместе с увеличителем, глянецвателем, фонарём и ванночками — всё равно лежат без дела, сейчас ни химикатов, ни фотобумаги не купишь, все на «мыльницы» снимают, а распечатывают в фотоателье. На его счастье, нашёлся любитель старины и приобрёл всё это скопом, — может быть, для коллекции, или вот стали сейчас разные заведения в стиле ретро оформлять, а эту винтажную аппаратуру можно в том же фотоателье для антуража выставить. Ещё продал бывшему коллеге из дорожного управления спиннинг и спальный мешок. На стареньком, давно не обновлявшемся компьютере набрал одним пальцем текст, скопировал на флешку и отнёс в типографию.

Отправляясь получать готовый заказ, Черемискин прихватил с собой большой рюкзак и двухколёсную тележку, чтобы легче было доставить тираж домой. Но всё уместилось буквально на дне рюкзака. Он привычно надел его на спину и, катя пустую тележку за собой, пошёл восвояси. Восторг переполнял его и грозил выплеснуться на улицу. Алексей Петрович сочувственно поглядывал на прохожих: спешат по каким-то своим делам, разговаривают о разной чепухе и не догадываются, что вот совсем рядом с ними идёт писатель. Ему хотелось тут же, на улице, развязать рюкзак и показать всем, что там находится. И пусть люди подходят, берут в руки, читают, спрашивают, сколько стоит, и лезут в карманы и бумажники, а он, достав ручку, подписывает книгу каждому. Вот тебе, Полина, и толк от писанины!

Впрочем, это были пока только грёзы. Жена, взглянув на книжки, взяла одну, перевернула несколько страниц и положила обратно. Спросила:

— И куда их теперь?

— Одну, может, две себе оставим, ещё две — Пашке да Витьке. Одну братухе пошлю. Остальные продавать буду.

— Ну-ну. Второй продавец в семье появился. Посмотрю я, чего ты там наторгуешь.

Алексей Петрович остался доволен хотя бы тем, что Полина не спросила, на какие бабки он это провернул. Вот пойдут какие-никакие барыши, тогда сам расскажет.

Время шло, а продажи что в парке, что у магазина, шли совсем не бойко. Пришлось снизить цену, потом ещё и ещё. Но непроданных книжек всё равно оставалось много. Черемискин постепенно пришёл к пониманию, что люди сейчас стали меньше читать. Над причинами этого он старался не задумываться, просто принял как факт. И теперь снисходительно посмеивался над собой прежним, надеявшимся на то, что книжки будут разлетаться как горячие пирожки, ведь они рассказывали о событиях, без преувеличения, героических, которыми недавно жила вся страна. Но никого это уже не интересовало. И всё же начатое надо было довести до конца. Алексей Петрович решил во что бы то ни стало распродать весь тираж и уже больше никогда не браться за это дело. Нет, писать он, может быть, и не бросит, но печатать на продажу — ни за что.

Он немного приободрился, когда в городе учредили «Арбат». Так называлось мероприятие, происходившее летом каждый месяц на прилегающей к парку улице, специально перекрываемой для проезда. Это было, по сути, что-то вроде ярмарки народных ремёсел и самодельного творчества. Поскольку улица превращалась в пешеходную, а торговали тем же, что и на истинном, московском Арбате, то и название дали соответствующее. Тут же, на улице, происходили различные конкурсы, желающие читали свои стихи, выступали певцы и танцоры, а рулил всем с микрофоном в руке... тамада, ди-джей, ведущий? — в общем, тот, кого раньше называли массовик-затейник. Он приглашал приобретать всё, что выставлено, объявлял номера и называл выступающих. Было весело и празднично. Народ прогуливался туда и сюда, разглядывал, приценивался, покупал. В такие дни и у Черемискина брали охотнее. Почитывая новости в Интернете, он узнал, что подобные «Арбаты» есть во многих городах, и подумал, что организаторам нигде почему-то не хватило фантазии называть эти фестивали как-нибудь иначе. Не «Монмартр», конечно, но всё же можно было придумать что-то оригинальное. Тем не менее он стал приходить туда со своими книжками каждый раз, когда встречал в местной газете объявление об очередной акции. Вот и сегодня с утра собирался. Обычно всё начиналось в двенадцать, но уже почти одиннадцать, а дождь всё льёт. Впрочем, кажется, в лужах стали появляться пузыри, это верная примета, что он скоро кончится...

Черемискин, как всегда, расположился у входа в парк, здесь проходило больше народу — не только те, кто пришёл именно на «Арбат», но и просто гуляющие, которые тоже могли вдруг решиться на покупки. Дождь, на удивление, прекратился так же внезапно, как и начался, лужи утекли сквозь водосточные решётки, солнце моментально подсушило асфальт, хотя листья на деревьях ещё поблёскивали каплями, и пусть не в двенадцать, но в половине первого вернисаж стал понемногу набирать силу. На столиках и стеллажах, принесённых с собой, появились вышивки, кружева, вязания, самодельные куклы, изображавшие ведьмочек, гномиков и разных бармалеев, брошки из бисера и стразов на джинсовых лоскутках, детские игрушки из пряжи и тканей — собачки, котики, белочки...

На решётчатой ограде парка были развешаны пейзажи, натюрморты и портреты, исполненные маслом, акварелью или просто тушью и карандашом. Напротив Черемискина суховатый и неулыбчивый пожилой мужчина вынимал из чемодана и раскладывал на столе покрытые лаком сучки, веточки и корни, которые точными

движениями ножа были превращены то в журавля, то в лягушку, то ещё в кого-нибудь. Слева пристроился мастер по бересте, длинные русые волосы его, забранные ленточкой-очельем, придавали ему сходство с камнерезами из иллюстраций к сказам Бажова. Туески, кружки и даже небольшой самовар, украшенные резными орнаментами, поражали искусностью отделки, и просил он за них весьма немало. Конечно, такие изделия не могли стоить дёшево, но Черемискин видел берестянщика не впервые, и на его памяти он никому ещё ничего не продал, однако упорно не сбавлял цены, надеясь неизвестно на что. На газоне в тени рябины сидел на ящике и рисовал фломастерами портреты с натуры черноволосый парень с короткой бородкой, в цветастой рубашке навывпуск. Портреты пользовались спросом, и возле художника стояло человек пять в ожидании своей очереди.

Алексей Петрович разложил книжечки и приготовился к томительному ожиданию покупателей. Прошло полчаса, час — все проходили мимо. Лишь однажды остановился старик в белой морской китайской фуражке с якорем на околыше и дубовыми листьями по чёрному козырьку. Взял книжку, полистал. Черемискин начал было рассказывать, о чём книжка, но старик молча положил её на место и удалился. Берестянщик участливо обратился к Черемискину, пытаясь пошутить:

— Надо бы правило установить, как в шахматах: тронул — ходи. В смысле плати. Вот тогда бы пошла торговля.

Черемискин вяло улыбнулся. «И чего я время теряю, — думал он, заискивающе поглядывая на проходящих и презирая себя за это, — лучше бы дома кран починил». Он решил посидеть ещё полчаса и уйти. «Пропади она даром, эта коммерция. Книжки за спасибо раздам...».

— О, какие люди в Голливуде!

Голос был знакомым, а повернув голову, он узнал и говорящего. Семидеев собственной персоной! Одет щёголем, смотрит, как всегда, немного иронично. С ним под руку — симпатичная мадам в декольтированном платье и кокетливой шляпке, с модной сумочкой на плече.

— Здравствуйте, — произнёс Алексей Петрович.

— Да брось, мы же на «ты» договорились, — беспечно возразил Арнольд. — Без чинов, без чинов.

— Вы... ты же... вроде в Москву уезжал?

— Не уезжал, а уехал, — поправил Семидеев. — Совершенный вид глагола. Большая разница. Мать-то у меня здесь, вот решил проведать. А это моя жена.

Мадам слегка кивнула. Черемискин ответил тем же.

— Ну, как дела? Идут? — осведомился Семидеев и взял со столика книжку. — У тебя тут стихи, что ли? Что-нибудь эдакое: «Мчатся мухи, вьются мухи, лезут мухи в рот и в уши»? — Он засмеялся и подмигнул по-свойски.

— Нет, не стихи, — без улыбки сказал Черемискин. — Проза.

— Ах да, — картинно спохватился Семидеев, — у тебя же проза. — Он поднял палец вверх и покрутил им в воздухе. — Подзабыл. Да ладно, я же в шутку, не обижайся.

Он начал перебирать страницы, иногда задерживаясь на них взглядом и изрекая короткие реплики: «Ну, неплохо... Интересный поворот... Да, бледноват портретик...». Мадам отошла к соседнему столику — что-то её там привлекло. Черемискин терпеливо ждал.

Арнольд долистал до конца и положил книжку.

— Я вижу, есть прогресс, — одобрительно сказал он. — Мои советы принесли плоды.

— А что толку, всё равно не покупают, — посетовал Черемискин. — Разучились читать.

— Ну не скажи, — не согласился Семидеев. — Я вот в Москве уже два романа издал. И они активно продаются.

— Так то Москва... — заикнулся Алексей Петрович, но Семидеев ещё не закончил:

— Нужно знать, о чём писать. Мы должны откликаться на запросы читателей, разве не так?

— Наверное, так, — неуверенно ответил Черемискин.

— Вот! А то, о чём ты пишешь, это прошлый век. Неактуально. Сказано же, что БАМ — это дорога в никуда. И читать про неё не будут.

Черемискин оскорбился.

— По-ваш... по-твоему, всё это было зря? Вся страна работала... сколько всего преодолели. Это всё зря?

— Не кипятись, Петрович, — Арнольд поднял ладонь. — Я же тебе о другом говорю. Тема у тебя не та. Людям сейчас неинтересны ваши прошлые подвиги, ты же сам понимаешь. Хотя тебе это, конечно, неприятно. Но согласись, что про соцсоревнование никто уже не будет читать. Нужно что-нибудь лёгкое... занимательное.

Семидеев оборотил голову на жену, которая уплыла обозревать картины, и вернулся к разговору.

— Проблем в жизни и так выше крыши. Пришёл человек домой, лёг на диван отдохнуть, тут ему или телевизор, или книжка хорошая, чтобы он мог отключиться, развлечься немного. Юмор, детектив, фэнтези, любовные похождения. Вот. А реализм сейчас не катит. И даже фантастика на манер Стругацких или Ефремова.

Он опустил взгляд, поиграл губами, словно раздумывая над чем-то, и наконец, приблизив лицо к Черемискину, сказал:

— Есть такое дело... Предлагаю тебе поработать на меня. Ну что ты будешь торчать тут, на этой толкучке? Если попадём в струю, в деньгах не обижу.

— Как это? — не сообразил Алексей Петрович.

— Я задумал серию романов, — небрежно сказал Семидеев, — детективных. Но одному это не осилить. Про Донцову, надеюсь, слышал?

Черемискин кивнул.

— Мне с ней, конечно, не потягаться. Но хотелось бы создать что-нибудь такое же фундаментальное. Чтобы кто-то вроде Виолы Таракановой переходил из романа в роман и распутывал разные делишки. Несколько сюжетов я уже прикинул.

Черемискин слушал.

— Только штука в том, что всё нужно делать быстро. Если будет договор с издательством, сроки они поставят жёсткие. И тут без кооперации не обойтись. Сейчас в одиночку мало кто пишет.

Черемискин начал кое-что понимать. Опять типа кооператив, мать его...

— Расклад такой: я намечаю фабулу, разрабатываю композицию, выделяю основные сюжетные линии, придумываю персонажей — в общем, набрасываю каркас. Если я сам буду на этот каркас прилеплять всё необходимое, понадобится уйма времени. А так — один, скажем, пишет портреты героев, другой сочиняет им биографии, кто-то ещё продумывает особенности их отношений между собой, вставляет пейзажные зарисовки, детали обстановки, быта... В общем, художественное оформление. Потом я всё это редактирую, чтобы не было нестыковок, и несу в издательство.

Черемискин хмыкнул. Но Арнольд не обратил внимания.

— Наша задача — быстро выпустить качественный продукт. Под моим, естественно, именем, поскольку идея моя, да и репутация уже кое-какая есть. А после выхода книги все соавторы... пардон, исполнители... получают часть моего гонорара.

Черемискин спросил:

— Какую часть?

— Определимся! Потом определимся. Сообразно вкладу каждого... Тебе я бы предложил писать диалоги. Вот просто здорово они у тебя получаются. Ну и описания природы, ты ведь в тайге насмотрелся всего, городские так не напишут. Поработаешь, набьёшь, как говорится, руку, а там и за своё возьмёшься снова. Со временем. Выгода взаимная...

Вернулась супруга Семидеева и молча потянула его за собой. Арнольд зато-ропился:

— Если согласишься, потом ещё обсудим. Но ты мне завтра позвони. Чтобы я знал.

Он достал из наружного кармана пиджака визитку и положил её на стопку книг.

Звонок Семидеева был неожиданным. Черемискин помнил, что должен сам ему сегодня позвонить, но всё откладывал. Чего звонить, что говорить?

Вчера, придя с «Арбата», он залез в Интернет и попытался что-нибудь узнать про «кооперацию», о которой расписывал Арнольд. Оказалось, его вербовали стать литературным негром или, по другой версии, книггером. Было и более благозвучное определение — «призрак пера». Он почитал откровения нескольких из них и уяснил, что всё сводится, в принципе, к простой дилемме: или фамилия на обложке, или деньги. Причём размер вознаграждения зависит от доброй воли нанимателя. А если нет связей где-нибудь там, наверху, совместить и то, и другое практически нереально.

Вот тут и подумай. Быть безвестным батраком у Арнольда довольно унизительно. Но с другой стороны, ему ли рассуждать об этом, если он, выходя с книжками на улицу, и так испытывает каждый раз нечто подобное? Надеялся заработать под своим именем, да не вышло. Теперь предлагают то же самое, только без имени. Зыбко всё как-то... А может, и вправду — набить руку на этой халтуре, потом бросить Семидеева и писать своё?

Он взял мобильник и нашёл нужную кнопку.

— Слушаю.

— Петрович, привет! Ну что, надумал? Не слышу тебя... Алло! Связь, что ли, прервалась... Алло! Ты где пропал?.. Вот чёрт... Алло!

Черемискин не отвечал. Но и нажать на «отбой» не решался.

РАДА ЧЕРНОУСОВА

«И песнею зовётся тишина...»

* * *

В пустом и разрушенном доме,
Где в крыше огромный провал,
Сияет в оконном проёме
Заросший травой овал.

Людей не осталось на свете.
Победно ликует тайга.
И воздух плывёт по планете,
И бьёт океан в берега.

И мир бесконечно чудесен,
И сказочно не обратим:

Кудесник неведомых песен,
Художник ненужных картин.

Цветок вырастает бесцельно —
Лишь небу доступна краса.
И он отдаёт безраздельно
Все краски свои небесам.

И нет никакого терпенья,
И нет никакого греха
В никем не услышанном пенье,
В нечитанном слогe стиха.

ЧЕРНОУСОВА Рада Викторовна родилась в 1974 г. в Усть-Илимске. Окончила архитектурный факультет Иркутского государственного технического университета. Работала преподавателем черчения, изобразительного искусства, мировой художественной культуры, художником-оформителем, психологом, художником-постановщиком цирковой студии. В активе Рады Черноусовой такие реализованные проекты, как пасхальные ворота «Храма всех Святых, в земле Российской просиявших». Стихи публиковались в местных газетах «Усть-Илимская правда», «Вечерний Усть-Илим», в журналах «Первоцвет», «Сибирь», «Азь-арт». Автор двух книг стихов «Ожоги. Шрамы. Имена», «Времени игла». В 2005 г. участвовала и получила поощрительный приз в конкурсе, посвящённом памяти русского поэта Юрия Кузнецова. Книга «Времени игла» стала номинантом премии «Лучшая книга года — 2022» в номинации «Лучшее литературно-художественное издание. Поэзия». Живет в Иркутске.

Самоизоляция

Ночами ветер тяжело воеет,
Неистово впадая в раж.
И нечто общемировое
Окутывает город наш.

Днём улицы тихи, пугливы.
Почти не видно никого.

Представленные перспективы
Не обещают ничего.

А люди, при случайной встрече,
Среди намеренных разлук,
Лишь втягивают шею в плечи
И собственных боятся рук.

* * *

Ты мне скажи, а нужно ль это всё?
Внезапно обретенный незнакомец...
Напрасную надломленную повесть
Изысканное качество спасёт?

Как за соломинку — точнее за целый стог —
Хватаюсь за тебя (как это мило!),
Но мне уже становится постыло —
Бесплодно верить в оправданье строк.

Хоть ты скажи — мы мамонты иль нет,
Ошибочно не вымершие ныне?
В оазисе, в лесу, или в пустыне
Питается иллюзией поэт?

* * *

Кристаллы слёз твердеют в голове,
Переполюня закоулки мозга.
По шелковистой ласковой траве
Гуляет расходившаяся розга.

И вдовий вой вонзает пароход
В тумана оседающую пудру.

И выстрел отчеканивает код
Для доступа в белеющее утро.

Жесток романс и правда холодна,
Надежды нет, грядущее абсурдно...

И песнею зовётся тишина.
И «Ласточкою» стонущее судно.

* * *

Я ужасно хочу в Иркутск —
В перемытую пыль и гомон,
На весенний до речки спуск,
Где травую асфальт изломан,

В самый край, где не встрял прогресс,
В перегон пустырей сиротских,

Где остатки сжимает пресс
Времена обоюдоострых

Закоулков, чудес былых
Подростковых и звонко-детских:

От наивных — до боевых,
От межличностных — до вселенских.

* * *

А если б кровь была черна,
Как угольная шахта,
И была мраком тишина
Безропотного факта...

А если б кожи светлый слой
Скрывал кишасий ужас

И выпускал наружу рой
Того, чего нет хуже...

А если б не вставал рассвет
Вслед ночи кровопийства,
И самый яркий алый цвет
Не украшал убийства.

* * *

Так хочется найти слова —
Набор иголок в стоге сена —
Простые, словно дважды-два,
И роковые как измена.

Так хочется слова сложить
В мелодию биенья сердца,

В тугую тоненькую нить
С изломами пульсара скерцо.

Так хочется... Напрасен труд!
Они ночной совиной стаей
В кромешной тьме меня найдут
И сами сложаются. Я знаю.

* * *

К земле подол. Священный долг.
Мельканье лжи осиротелой.
Полупрозрачный чёрный шёлк
Взлетает над сугробом белым.

Лишить пытался тайный князь
Тебя способности беспечной —

Нырять в немыслимую грязь
И оставаться безупречной.

Пусть в омуте не счесть чертей,
Но их галдёж звучит устало:
Отважной чистоте твоей
Их дёгтя оказалось мало.

* * *

Мне нравится всё.
Но время работает против
На этом участке
Пространственно-временных.
Взмывает лассо
В непроглядно кромешном пролёте,
И в случае частном,
Ненужном для остальных.

Но явно пора
Называть именами своими.
Она не мертвит,
Но как будто бы и не живёт.
Казнит по утрам
Наибольшее терпкое имя.
И сладко болит
Нерастраченной страстью живот.

* * *

Как дубиною — в недра... лишь мысли!	И глаза не поднять на пороге,
Только мысли, но их — многократ.	И желудок до скрипа отжат,
Кислорода избытком окислен	
Весь дыхательный аппарат.	И терзает пульсацией жёсткой,
	И шатаются стены травой,
И немеют предательством ноги,	И зудят стекловатую острой
И предательски руки дрожат,	Расстоянья меж мной и тобой.

* * *

Плен материи сводит с ума.
Ускользящий мысленный образ,
Будто тень неокрепшей берёзы,
От которой сгущается тьма.
Пред которой смущается день,
Ну а ночь распухает как вымя,
Задевая краями своими
Тягомотную злую мигрень.

* * *

Мы все вытягиваем силы,
Порочим завистью судьбу.
Как осквернённые могилы,
Грозим бессонницей в гробу.

Мы все разбили чьё-то сердце
И чёрной властью вспоены,
И умудряемся погреться
Над смрадным пламенем войны.

А самый безнадежный грешник
Уверен, что он «не такой»,
И зло вокруг него, конечно,
Творится не его рукой.

И я уже теряю веру,
Что рай возможен. Ведь в раю
Жить некому, лишь с тенью серой
Христос проводит жизнь свою.

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВА

КАНД. ФИЛОЛ. НАУК, КАНД. КУЛЬТУРОЛОГИИ,
ЧЛЕН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ (ИРКУТСК)

Услышать голос азбуки

Памяти Н.П. Саблиной и Л.В. Савельевой

О чем думали святые Кирилл и Мефодий, когда создавали азбуку для славянских народов? Что их тревожило, о чем болело сердце, что давало надежду? С тех пор прошло одиннадцать веков, кто ж теперь об этом знает. На основе их труда возникла тысячелетняя русская словесность и литература. Но сквозь века — тягостные годы войн и радостные дни побед, годы мирного труда — наши предки всегда слышали голос создателей азбуки. «Азь», «буки», «веди», «глаголь», «добро» — твердил отрок в Древней Руси, водя пальцем по пергаментной странице Псалтири или Часослова. Мы тоже можем услышать их голос. Он — в именах букв. А потому можно с уверенностью сказать, что создатели азбуки думали о нас, — о тех, кто будет учить буквы, складывать их в слова, начинать читать, постигать мудрость жизни, кто воспримет душой их сердечный труд. Доброе напутствие миру и людям сохранилось в названиях букв глаголицы и кириллицы. Вот одно из них: «Живете зело земля» («Живите прекрасно земля и люди»). Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий по-прежнему рядом с нами — сквозь века они говорят что-то важное. Тише, прислушаемся к их голосу.

«Азь¹ буки² веди³» («Я книги [письмена] знаю») — представляет себя азбука при встрече. Мы радуемся новой знакомой как старому другу: «Приятно познакомиться. Нам вместе не будет скучно, ведь ты много знаешь». И добавляем с надеждой: «Расскажешь обо всем?». И она продолжает: «Глаголь добро есть» («Говори доброе»). А внутри совета лучится главное: «Слово⁴ — это добро». Говори и делай доброе — это важно для нашей дружбы. А еще для того, чтобы жить в согласии с людьми, долго и счастливо. «Хорошо, постарайся», — обещаем мы. «Живете⁵ зело⁶ земля⁷» («Будь красива земля») — желает азбука природе, земле

¹Азь = 1) др. рус. язъ = я (мест. 1 л. ед. ч.). <...> 2) название первой буквы славянской азбуки (современная графика. — В.И.) [5, с. 8].

²Буки = букввь = 1) буква; во мн. письмена; 2) наименование 2 буквы слав. азбуки; 3) во мн. писаніе, письмо <...> [5, с. 61].

³Вѣди, неизм.; ср. Название буквы «в» в церковнославянском и старом русском алфавите. От древнерусского вѣде — формы глагола вѣдѣти [1].

⁴Глаголь = слово, речь, язык, наречие <...>: дело, происшествие <...> (современная графика. — В.И.) [5, с. 123].

⁵Живѣте — это повеление, значит «живите!» (современная графика. — В.И.) [6, с. 53].

⁶Зело, нареч. Устар. Очень, весьма. <...>. В высшей степени, сильно [3].

⁷Земля = планета, на которой мы живем; страна; народ, обитающий в известной стране (современная графика. — В.И.) [5, с. 123].

и небу, всем странам и народам, обитающим на земле, чем выражает свое восхищение устройением Божьего мира. И мы оглядываемся вокруг: «И правда, чудо, как хорошо! И весна, и лето, и осень! И зима наша — красавица, белоснежным кружевом украшена! Все устроено на радость и пользу!». «И како⁸ люди мыслете» («Знаю и о том, что люди думают») — продолжает рассказывать о себе азбука. Но «како — символ поиска, символ вопроса: Как быть? Как жить? Как спастись?» [4, с. 62]. Азбука ведет нас к размышлению, к поиску смысла в жизни, к поиску своего пути.

А дальше что-то непонятное, тайное: «Наш Он⁹ покой¹⁰». В именах этих букв — о святом: «Бог — мир, тишина, благо». Слово «Он» в сердце азбуки скрывает наименование, не произносимое в повседневности, быту. Здесь о том, что жизнь сохранится только в согласии с природой и людьми, в добром союзе с другими, а еще — во внутренней тишине, душевной гармонии. А вот и последнее напутствие нашей знакомой: «Рцы¹¹ слово¹² твердо¹³». «Будь твёрд в слове» (В.И. Даль) [6, с. 96] — говори и делай то, что обещал. Сказано по-дружески, от доброго сердца на нашем пути к мудрости, истине. Ведь человек, который говорит и исполняет сказанное, надежен, ему можно доверять. За то и получает он от людей уважение и признание. Голос кириллицы звучит в названиях букв. Азбука разговаривает с нами. Она убеждает каждого в ценности знаний, открывает законы жизни, напоминает о нравственных заповедях, которым нужно следовать, чтобы избежать бед, невзгод.

Создатели оживотворили азбуку, очеловечили ее. Соединили буквы в текст и наполнили его светлым духовным смыслом. Наделили азбуку собственными мыслями, пожеланиями, единым голосом. Вот и встречает она нас как добрый, мудрый человек, отдаленный веками, но такой близкий и родной. Для святых Кирилла и Мефодия, умнейших людей своего времени, получивших университетское образование, доступное в Византии только избранным, создание славянской азбуки не было интеллектуальной задачей, головоломкой. Написание букв и их названия сообщают людям о величии мироздания, о мироустройстве и его законах. А потому «обе славянские азбуки были глубоко продуманы как системы священных знаков. В этом состоит их глубокое отличие от алфавитов других народов» (А. Новикова) [4, с. 58-59]. Основной целью создателей азбуки было передать в пространстве и времени веру, просветить переводом Евангелия другие народы. Высшим достижением философской мысли, идущей от древнегреческих истоков, и христианской идеей спасения души наполнена азбука святых Кирилла и Мефодия. А потому звучит мудрым наставлением, молитвой за землю и людей.

Но голоса святых стали едва слышны с эпохи Петра I. Царь провел реформу гражданского алфавита: исключил некоторые буквы, по западному образцу упро-

⁸Како = 1) какъ, какимъ образомъ; 2) названіе буквы к; <...> [5, с. 241].

⁹Буква о (онь) — по происхождению местоимение, указывающее на лицо известное, хотя и невидимое. <...> Округлая буква онъ является символом вечности и бесконечности Бога Отца (современная графика. — В.И.) [4, с. 60].

¹⁰Покой м. состоянье бездействія, в веществен. и духовн. значн.; <...>; мир и тишина, безмятежное состоянье; отсутствіе возмущенья, тревоги. <...> Покой духа, души, можетъ быть двоякій: покой ума, где мышленью данъ роздых, оно не напрягается, а носится по волѣ, и покой сердца, вѣли, совести, затишь нравственное, невозмущенный страстями бытъ. Названье буквы п. (современная графика. — В.И.) [2, с. 242].

¹¹Рцы — буквально рекі, говори, повелительное наклонение от глагола реку (современная графика. — В.И.) [6, с. 95].

¹²Слово — (λογος) = речь, проповедь <...>, дело, происшествіе <...>; ум, разум <...>; ответ, отчет <...> (современная графика. — В.И.) [5, с. 616].

¹³Твёрдо = названіе 20-й буквы в славянской азбуке. Твёрдо = крепко, сильно, бдительно <...> (современная графика. — В.И.) [5, с. 711].

стиль у оставшихся написание, лишил буквы имени. Они оказались разжалованы, лишены священного звания. С той поры «азь» стала называться «а», а «буки» — «бэ». Буквы утратили имена. Они, дети одних родителей, остались сиротами, потеряв сразу и дом, и родовое имя, связывающее их с семьей, единым текстом. И вместе с этой утратой стиралось, угасало в памяти людей поучение, напутствие святых Кирилла и Мефодия, звучавшее до этого многие века.

Лидия Владимировна Савельева, доктор филологических наук, увидела в названии букв славянской азбуки не только единый текст, но и поэтическое произведение. И привела убедительные доказательства его существования: наличие среди наименований разных частей речи (существительных, глаголов, местоимений, наречий, прилагательных, союзов, предлога), разных глагольных форм, определивших связность и цельность текста, а также соединение расположенных рядом слов по законам синтаксиса славянского языка IX века. Все, «...как это бывает в связном речевом потоке», писала ученый [7, с. 17-18]. Она же обнаружила диалоговое начало азбуки в чередовании повествовательного, побудительного и вопросительного планов [7, с. 22-23]. Л.В. Савельева была убеждена в нравственной первооснове, передаваемой нам азбукой-посланием, азбукой-молитвой.

Нина Павловна Саблина, кандидат филологических наук, помогла услышать голоса святых, понять их послание. Просветитель духовности славянской азбуки, она воспринимала петровскую реформу как утрату внутренней и внешней красоты русской письменной речи. «Потеряло гражданское письмо и внешнюю красоту: если в церковной азбуке мы видим, словно небо, ажурное надстрочье из титл, ударений, придыханий, дающее глазу простор и помогающее при чтении, то строка светская подобна чахлой тундре, над которой редко возвышается хилое деревце буквы *б* или прописные буквы» [6, с. 23]. Эти требовательность и тонкое чувство красоты у филолога — от родной культуры, от мировосприятия своего народа, чуткого к природе, живущего тысячелетия в согласии с ней.

Чувство гармонии и соразмерности воспринято русской культурой и от Древней Греции, через взаимообогащение, контакты, существующие с давних времен. Воспринята духовная красота и от греческой азбуки, созданной классической культурой. Но облик кириллических букв ближе к природным формам. Линии букв в кириллице сродни изгибам веток и контурам листьев в лесу, течению реки, завитки букв — завязи цветов, почкам, а основы букв — стройным стволам деревьев. В написании букв присутствует симметрия как закон существования живого мира. Каждая буква глядит величественно, как здание, собор. Некоторые похожи на главы храмов, тянущиеся вверх. Есть буквы-пейзажи. Например, «цы» — два дерева на берегу ручья, «ша» стоит как корабельные сосны. В линиях букв славянской азбуки просматриваются образы растений, холмов, стихия воды. В них много простора. Изнутри формы возникает стремление к небу, буквы словно растут. Так написание букв отражает мироощущение народа, его чувство красоты, связь с природой, его жизненную силу.

В книге Н.П. Саблиной «Буквица славянская», переиздававшейся в течение нескольких лет, автор раскрывает полноту духовного и нравственного содержания буквы в ее имени, святом от рождения. Двадцать четыре передачи образовательного видеосериала Н.П. Саблиной «Священный язык» пользуются успехом, благодаря педагогическому дару, вдохновению и глубине знаний ведущего уроки. Так, негативно оценивая последствия реформы Петра I в области русского алфавита, автор все-таки верила в животворное начало славянской азбуки: «Но даже и уни-

женная, и расхристанная, и остриженная “гражданка” сохраняет величие и силу Духа, заложенного в нее Первоучителями, и претворяется в слове наших лучших словотворцев» [6, с. 23]. Благодаря такой силе духа, высшим ценностям и внутреннему свету, идущему от ее духовного смысла и назначения, азбука Кирилла и Мефодия стала матерью золотого века русской литературы.

О чем думали святые равноапостольные Кирилл и Мефодий, когда создавали азбуку для нас? Осознавали ли они, что их труд станет истоком мощной культуры? Вероятно, понимали и чувствовали. Иначе бы не отправили в будущее свои сокровенные мысли — о жизни, красоте, благе. Мы услышали их пожелания. Этот драгоценный подарок дошел до нас сквозь века. В именах букв кириллицы звучит надежда и вера в то, что мы сохраним жизнь на земле. В то, что мы, в свою очередь, сможем передать доброе напутствие Первоучителей дальше во времени.

Список литературы

1. Веди [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B8&all=x> (дата обращения 25.05.2023).
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 3 : П / В.И. Даль. — 5-е изд., стереотип. — М. : Рус. яз. — Медиа ; Дрофа, 2008. — 555, [3] с.
3. Зело [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%B7%D0%B5%D0%BB%D0%BE&all=x> (дата обращения 25.05.2023).
4. Новикова А. Из истории церковнославянской азбуки и о нормах современного церковного правописания // Журнал Московской Патриархии. — 2003. — № 6. — С. 58—65.
5. Полный церковно-славянский словарь (со внесениемъ въ него важнѣйшихъ древне-русскихъ словъ и выражений) / сост. священникъ магистръ Григорій Дьяченко. — Репринт. изд. 1900 г. — М. : Отчий дом, 2011. — 1168 с.
6. Саблина Н.П. Буквица славянская. Поэтическая история азбуки с азами церковнославянской грамоты. — М. : Благотворит. фонд «Покров», 2013. — 192 с.
7. Савельева Л.В. Славянская азбука: дешифровка и интерпретация первого славянского поэтического текста // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сб. науч. тр. / отв. ред. В.Н. Захаров. — Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. ун-та, 1994. — С. 12-31.

ВАЛЕРИЙ СКРИПКО

ЖИТЬ ПО-СВОЕМУ...

(ВЫБОР ГЕРОЯ В СИБИРСКОЙ ПРОЗЕ)

По всему миру на тему изучения внутреннего мира современного человека многие годы было наложено негласное табу. Для идеологов «рынка» — опасно любое «самокопание» читающих, думающих граждан, которые могут нечаянно вспомнить, что они люди Божьи и возжелать духовной пищи.

Кроме того, покупать дорогие книги у нас в состоянии, в основном, представители среднего класса. А большинству из них просто некогда увлекаться серьёзной литературой. Какой особый интерес к интеллектуально глубоким текстам может быть у менеджера, когда он, уставший и опустошённый, возвращается домой в благоустроенную «нору» в высотке мегаполиса, заказывает в супермаркете еду на ужин, а в интернете — детектив в ближайшую командировку?

Кажется, политическая и творческая элита, руководящая сегодня нашим обществом потребления в стадии его становления, даже рада «заикленности» российского среднего класса на повседневных делах. Меньше глобальных вопросов, больше исполнительности и деловитости. Зачем сбивать простого человека с толку? Мешать ему думать о посещении новых тропических островов во время ближайшего отпуска?

Правда, граждане, не попавшие на этот «праздник жизни» по причине низких доходов, всё же пытаются найти ответы на главные духовные проблемы современности из самых разных источников. Часто интуитивно, они пытаются оберечь духовный стержень нашей нации, объединяющий представителей самых разных народностей, и помогающий нам выживать!

С этой точки зрения, много интересного можно узнать из повестей и рассказов, которые публиковались в сибирских сборниках и журналах в последние три–четыре года.

1

Тема минувшей Великой Отечественной войны в наше прозе — это тема навсегда! Большинство ветеранов уже покинуло этот мир, а тоска по героизму осталась, и великая гордость за наших отцов и дедов — тоже! Из тех региональных толстых журналов, с которыми мне удалось познакомиться в последние три–четыре года, многие, так или иначе, касаются этой темы. Она, как душевная песня, роднит все социальные слои и группы, сближает их в общих переживаниях и благодарности за великий подвиг.

Мы, читатели, становимся духовно как бы единой семьёй!

Во втором номере журнала «Сибирь» за 2023 год читатели вновь встретят привычных им героев военного времени. Полковой комиссар Дорохов пробивается под огнём противника к месту расположения батальона морской пехоты, чтобы вручить нашим бойцам «новенькие партийные билеты». Рассказ **Леонида Соболева читается с неподдельным интересом. Самой партии в прежнем виде уже**

давно нет, а потребность в объединяющих нас идеалах по-прежнему очень сильна! Потому что неистребимо желание гордиться чем-то по-настоящему высоким и достойным! Этот феномен сознания вошёл в нашу плоть и в нашу кровь! И если уж кто испытал этот долго не проходящий душевный подъём вместе со всем народом, тому хочется снова и снова испытать чувство победителя.

До сих пор потрясают своей щемящей грустью письма наших солдат с того, давнего фронта, отгремевшего семьдесят восемь лет назад, потому что прямо касаются судеб ныне живущих наших сограждан. Бессмертные души отцов и дедов ждут от нас достойной жизни, которой бы они гордились в Царствии Небесном.

Об этом убедительно написано в рассказе *«Живите в радости»* **Ольги Поповой** (*«Сибирь»*, № 2). Великая война, постоянная борьба за существование настроили наш народ на необычайно серьёзное отношение к совместной жизни и деятельности в одном государстве. У нас есть огромный военный опыт, который нам подсказывает, что мы победили *всё зло мира* именно с помощью сплочённости и следования высоким идеалам. Это крепко засело в подсознании у потомков солдат-победителей.

Еще задолго до этого великого преображения нашей коллективной души, великий русский философ Иван Ильин подробно описал формирование национального народного уклада, который и *«связует людей в патриотическое единство»*. (1)

Ильин в своих трудах объясняет, из каких слагаемых он формируется и создаёт неповторимую душу каждой нации, определяет отношение к миру каждого её представителя. Тем российским космополитам, которые пытаются за несколько лет сделать из граждан России — безродных, «среднестатистических» потребителей в «царстве» демократических свобод, полезно почитать пояснения Ильина о том, что духовный уклад нации *«вырабатывается постепенно, исторически из эмпирической данности — внутренней, скрытой в самом человеке (раса, кровь, темперамент, душевные способности и способности), и внешней (природа, климат, соседи)»*. (2)

«Слепить» новый духовный уклад из одних «прав личности» и других политических лозунгов — нельзя! Покончив с социализмом как общественным строем, большинство российского населения продолжает жить в той же национальной и природной среде.

Беда всех преобразователей нашей действительности в том, что они не желают признавать это *«национальное своеобразие»* во всей его полноте, потому что тогда придётся его уважать и учитывать в практической государственной и культурной деятельности. А этого делать не хочется. «Преобразователи» были бы не прочь сохранить в русском человеке отдельные, выгодные для *«новых хозяев»* России его национальные черты, такие, как *уважение к власти, терпимость к другим нациям и человечность*.

Но не получится взрастить «для служебного пользования» только эти черты, без других важнейших слагаемых, например, таких, как русская национальная гордость, увлечённость высокими идеалами. *И уважение к власти и терпимость к множеству наций и народностей, проживающих в России, незримыми духовными путями прочно связано с тем, что составляет достоинство русской души и без него не действует в нашем человеке*.

Если не вдохновлять нашего человека высоко-идейными целями и задачами, очень скоро он превратится в средне-европейского эгоиста, который никого во-

круг себя по-настоящему не уважает, плохой воин и противник всякой власти. Гордость за страну, патриотизм — переродятся в гордыню, которая делает человека рабом своих страстей. В составе своей нации он уже не сможет выполнять свою прежнюю великую миссию — объединять все нации и народности федеративной республики России. Это надо не забывать каждому буржую, который пытается у нас создать государство западного типа.

Но именно такого, среднестатистического потребителя с подобными отрицательными качествами, и пробует утвердить в сознании наших сограждан либеральная русскоязычная литература. Родина такого героя — весь торгующий, продающий и дегустирующий разные блюда «рыночный» мир. При этом, «рыночная литература» продолжает ориентироваться только на прослойку богатых и на средний класс. А их до сих пор в России — относительное меньшинство!

Вообще, по мнению учёных, изучавших историю русского купечества, *лишь 10-12 процентов в каждом поколении обладают необходимыми предпринимательскими чертами. А ведь вся промышленность России вышла из торговли, создана купечеством.* (3)

Сознание таких людей всегда было увлечено азартом рыночной стихии, никогда и ничем до конца не утоляемой жадой приобретательства. Всё, что не укладывается в их рационализм, они всегда готовы отбросить как ненужные, отвлекающие от дела мифы и помехи.

Что такое наш человек, охваченный жадой наживы, убедительно еще в советское время показал писатель **Андрей Скалон** в повести «Живые деньги». Не зря, почти через полвека, её вновь опубликовал журнал «Сибирь» (№ 6, 2019 г.) Герой повести, охотник Арканя, ради удачной охоты не смог вовремя подготовиться к возвращению домой и бросил в тайге двух собак.

Василий Шукшин в своём предисловии к повести из далёкого уже 1972 года словно предупреждает всех наших сограждан, вступивших на рыночный путь, о том, что «*проклятые деньги*» способны превратить самого обычного человека в чудовище!

Прошедшие полвека показали, что большинству российского населения рыночная «модель» существования не приносит того удовлетворения, на которое рассчитывали в начале девяностых годов сторонники экономических и политических реформ. Нам, потомкам, еще (или уже?) нужны духовные стимулы для полноценной жизни. Но не просто «стимулы», а искусство и литература, которые бы по своему содержанию духовно совпадали с тем национальным народным укладом, о котором писал наш национальный гений Иван Александрович Ильин. Русский философ утверждал, что слияние личного духовного опыта человека и духовного опыта его родины происходит тогда, когда человек **«прислушивается к жизни своего личного духа и духовной жизни своего народа».** (4)

Но, установив в российском обществе свою культурную гегемонию, либералы-индивидуалисты не дают читателям «прислушиваться» к нашим традициям, к другим проявлениям нашего *особого уклада*. С этой целью из культурных инициатив, по возможности, убирается всё, что напоминает об этой «особости». Победителями престижных премий, обладателями щедрых грантов всегда объявляются те, кто пишет про мытарства героя — эгоиста, который вынужден выживать среди таких же «хищников», как и он сам!

Но пропаганда эгоцентризма сама по себе плохо работает. Не помогает ни постоянное использование детективного жанра, ни сексуальная вольница на страни-

цах книг. «Созерцатели собственного пупа» всё острее чувствуют в российском обществе своё одиночество!

Все надежды эгоцентристов превратить народ в одно российское общество потребления связаны с молодёжью. Известный писатель **Николай Дорошенко** в своей статье, опубликованной в «Сибири» (№ 4, 2021 г.), привёл отрывки из школьных сочинений, из которых следует, что часть молодёжи перестали интересоваться нравственные вопросы, русская литературная классика им кажется «скучной». Переход с советского образа жизни на «рыночный» сильно изменил духовные ориентиры и художественные вкусы представителей новых поколений российских граждан. Но, несмотря на все усилия переформатировать сознание соотечественников в короткий исторический период, рыночные реформаторы начинают понимать, что в реальной жизни столкнулись с тем же феноменом, с которым столкнулись и большевики, пытаясь за несколько лет «переделать» народ с тысячелетней историей духовного становления. И те, и другие реформаторы не смогли постичь, что культурный процесс — «это не отдельные вспыхивающие искры, а единый поток жизни духа, вытекающий из глубины прошлого, творящий жизнь — настоящее и будущее». (5)

Все мы на горьком опыте социализма убедились: нельзя произвольно убрать из этого процесса важнейшие факторы, формирующие коллективную душу народа, как это, например, сделали коммунисты в отношении религии, и собираются осуществить либералы — в отношении русского национального уклада.

2

Потребность в прозе, созданной в традициях русской классической литературы, с каждым годом всё острее! Эти настроения в обществе чувствуются и по тому, что именно стали писать о нашем времени писатели и поэты. Еще совсем недавно в периодической печати очень редко попадались рассказы и повести, где бы шла речь о проблемах нравственности и других жизненных ценностях, не измеряемых в денежных знаках. Мы как будто стыдились своего православного прошлого, своего духовного максимализма и патриотизма.

«Стыдливость» постепенно проходит, это стали замечать и описывать наши прозаики. Например, в рассказе **Сергея Рогатко** («Сибирь», № 4, 2020 г.) мы переживаем за школьника советских времён. Директор школы требует снять крестик, увиденный им на груди мальчика. Рассказ оканчивается событиями начала двухтысячных годов. Бывший «провинившийся» школьник предстаёт перед нами уже взрослым человеком и состоявшимся священником!

В 2018 году, на Славянском литературном форуме в Иркутске большой русский писатель **Владимир Крупин** сравнил нашу жизнь с проживанием в оккупированной стране. Очевидно, имелась в виду «духовная оккупация» нашего общества западной потребительской идеологией. «Но почему мы живы? — задавал вопрос Крупин. — Потому что русское слово обеспечено золотом переживаний». (№ 1, 2018 г.)

А «переживания» у нас всё те же, что были в старину: за Россию-матушку, за народ неустроенный, за веру нашу православную.

Сам **Владимир Крупин** показал пример того, как в России надо относиться к выбору героя. В журнале «Сибирь» публикуется его рассказ об инвалиде вой-

ны Алёше, который помогает священникам в церкви. Он живёт уединённо, как первые христиане в пустыне. Ветеран знает все церковные службы, работает, не покладая рук, и питается раз в сутки вместе с певчими в церковной сторожке. Такой самоотверженный верующий нужен всем нам, как живой пример настоящего человеческого существования в любви и преданности нашему Спасителю. После смерти Алёши, его место в храме стали занимать старушки, которые хотели быть похожими на своего удивительного прихожанина, и с этого намоленного места попасть в рай!

Может, повести и рассказы, опубликованные в журнале «Сибирь» о подобных героях — это тоже некое *«Алёшкино место»*, где еще живёт настоящая вера и поддерживают друг друга воцерковленные люди.

Таким «Алёшкиным местом» запомнился и рассказ **Александра Богатырёва** о церковном стороже (*№ 1, 2018 г.*), который погибает от рук грабителей, возмнивших, что этот искренне верующий человек накопил и прячет большие деньги. Прочтёт любой читатель эту историю и скажет своим знакомым: есть в стране настоящие православные люди, есть! Если кто-то из писателей продолжает их не замечать, пусть это равнодушие будет на их совести. Год назад в одной из статей я уже писал о молодом талантливом сибирском прозаике, который поведал нам о наводнении в одном сибирском селе на берегу большой реки. В рассказе автор подробно перечислял виды спасаемого имущества, *но даже не упомянул о том, что местные бабушки выносили на чердаки своих домов дорогие им иконы. Как будто их совсем не было.*

Но вот, кажется, мы начинаем просыпаться от глубокого «потребительского сна». Автор второго номера «Сибири» (2023 г.) **Владислав Огарков** в рассказе «Запорожец» делает вывод, что *«отзывчивость когда-то считалась главной добродетелью у русских людей и должна вернуться, если народ хочет сохраниться как народ. Пусть нам того не дожидаться, но есть дети и внуки».*

В том же номере журнала «Сибирь», в рассказе писателя **Александра Семёнова** «Сокол ясный» (*журнал «Сибирь» № 2*) появляется главный герой, к которому *«пришло понимание, во всей своей полноте, потрясающее простотой и непостижимостью одновременно: в вере наше спасение!»*

Жизнь этого героя, как и многих других героев сибирской прозы, связана с огромным пространством вокруг Байкала. Все пришедшие на его берега сибиряки кажутся прихожанами этого великого природного храма! И каждый по-своему разговаривает с ним, как с живым существом, молится по-своему, поднимая глаза от синей воды к синему небу!

Когда-то здесь закладывали основы нашего русского уклада многочисленные семьи староверов, потом появились советские студенческие стройотряды, а в наше время пришли герои повествования «Сокол ясный» — строители туристической базы, люди, «отверженные» от суеты мегаполисов, духовно опустошённые первым тридцатилетием рыночных реформ, тяжёлыми временами слома всех прежних жизненных основ.

Вот и герой по имени Семён *«ближе к сорока годам понял, что жить ему нечем»*. В какую сторону двигаться, он не знал. И мужики, прибившиеся к бригаде строителей, тоже граждане «ниоткуда», потерявшие всякую «ориентацию» в выборе жизненных целей. Автор поместил их в какое-то безвременье, где они обречены на существование, по сути, вне общества. Каждый занят делом, но у бригады один день похож на другой своим однообразием и отсутствием социаль-

ной наполненности бытия, той пёстрой суетой, которой так привлекают людей шумные мегаполисы.

Герои повествования Александра Семёнова — как бы на распутье. Этот «рыночный мир», в качестве «своего», они не приняли. Причём сделали свой выбор *«без никчёмных мечтаний о лучшей доле, без лишней маеты и сосущей тоски»*.

В заключение, автор рассказа как бы даёт «рецепт» превращения нашего соотечественника в прагматичного, рационально мыслящего потребителя. Если герою «посчастливится» избавиться от «никчёмных мечтаний» и «сосущей тоски», он одинаково надёжно *«избавляется от разочарования и очарования жизнью»*.

Всё бы ничего, но как избавиться от всех присущих нашей нации особенностей восприятия своего земного существования (то есть духовного уклада). Еще Ильин просил обратить внимание, что *«каждый народ по-своему вступает в брак, рождает, болеет и умирает... горюет, плачет, сердится и отчаивается»*. (6)

В длинном перечне философа — все стороны этой особой жизни надо учитывать политикам, чтобы человек оставался частью своей нации. Многим из нас, с нашим духовным максимализмом, скорее всего, очень хочется быть *«очарованными жизнью»*. Без очарования — сама жизнь не в жизнь! Это англичанин или немец привык все блага жизни оценивать умозрительно, с точки зрения практической пользы и удобства. Но сколько бы ни внушал себе наш разбогатевший соотечественник, что «ему сейчас комфортно», свою русскую натуру он еще долго не переделает. Взрослеющая девушка из наших дней, рассуждающая о том, что *«сейчас другое время, другие взгляды и ценности»*, при попытке создания семьи будет несчастным человеком, если не усвоит основные знания, обычаи и традиции своего народа, которые складывались не один век! И дисгармония в отношениях с ближними своими в каждом деле ждёт каждого, кто не поймёт, что надо жить среди *своих и по-своему!*

Должны появиться писатели, которые своими новыми талантливыми литературными произведениями внушат эту истину российским читателям и помогут им обрести счастье очарования жизнью!

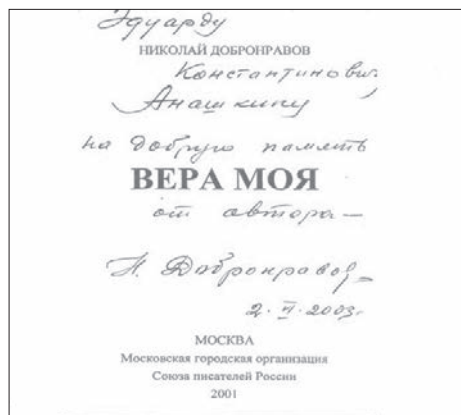
Литература:

1. Ильин, И. Путь духовного обновления / И. Ильин. — М. : Эксмо-Пресс, 1998. — С. 229.
2. Там же.
3. Жукова, Л.Н., Жукова, О.Г. Русское купечество. Гении дела и творцы истории / Л.Н. Жукова, О.Г. Жукова. — М. : Вече, 2017. — С. 6.
4. Ильин, И. Путь духовного обновления / И. Ильин. — М. : Эксмо-Пресс, 1998. — С. 3.
5. Давиденко, Л. Русская мысль и человечество / Л. Давиденко. — Калининград : [б.и.], 2021. — С. 251.
6. Ильин, И. Путь духовного обновления / И. Ильин. — М. : Эксмо-Пресс, 1998. — С. 229.

ЭДУАРД АНАШКИН

ЧЛЕН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
САМАРСКАЯ ОБЛАСТЬ

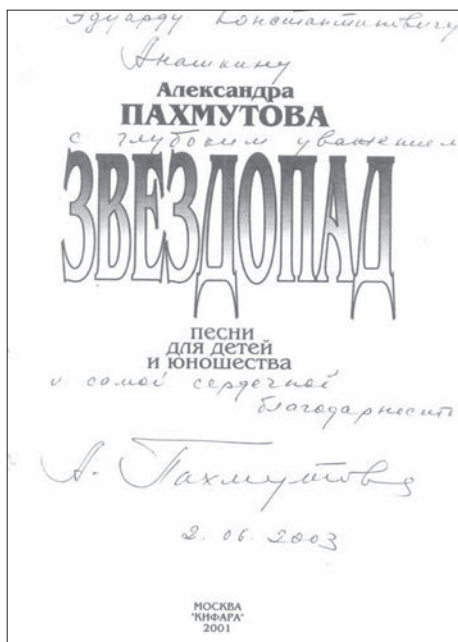
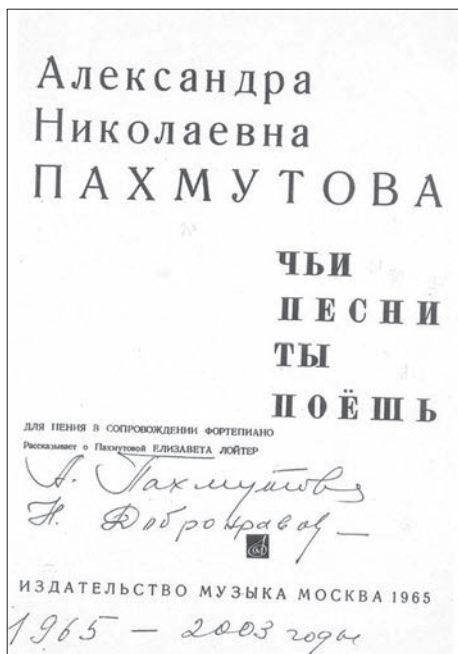
Земной компас небесных стихов

Юбилей поэта Николая Добронравова — событие не только для коллег, но и для десятков миллионов читателей-соотечественников, которые выросли на стихах этого поэта. И почему только соотечественников? После развала СССР многие советские люди остались на территориях национальных республик, откуда многие были вынуждены уехать за границу, материальная нужда выгнала их с насиженных мест. И уехавшие, и оставшиеся увезли с собой по миру песни, живущие в душе, ставшие частью судьбы и личности. Эти песни есть детища удивительного творческого и семейного союза уникальных людей — поэта Николая Добронравова и композитора Александры Пахмутовой. Эти песни всегда с нами по самым разным поводам, ведь они очень разные — лирические, ностальгические, зажигающие... даже идеологические. Но единые в том, что, слушая их, хочется жить, творить, любить, верить, надеяться.

Говоря словами Николая Добронравова: «Надежда — мой компас земной!». Впрочем, я мог и не указывать авторство этой строчки-девиза, это авторство и без меня широко известно...

...Последний раз я встречался с Николаем Добронравовым и Александрой Пахмутовой в Правлении Союза писателей России в день Крещения Господня 19 января 2015 года. Несмотря ни на что, я, следуя девизу Добронравова, надеюсь, что эта наша встреча была не последней, и обстоятельства позволят нам свидеться ещё не раз... А тогда аккуратно после Рождества Христова мне позвонил выдающийся кардиохирург, замечательный поэт и мой друг Виктор Петрович Поляков, имя которого после его смерти носит Самарский региональный кардиоцентр. Попутно скажу, что в возглавляемом Поляковым Самарском кардиохирургическом центре еще при жизни Виктора Петровича были освоены самые современные технологии в кардиохирургии, разработаны и внедрены новые виды операций. «Заслуженный врач РФ» Виктор Поляков был награжден Орденом Дружбы, первой национальной премией «Призвание», получил высшую награду Академии медико-технических наук — золотую медаль Чижевского... Даже уйдя из жизни, он остался целителем «сердечной недостаточности» — в своих стихах, столь целительных для сердца. И в этом они — Николай Добронравов и Виктор Поляков — столь

разные по стилю поэты, едины: они вращают наши сердца. И вот в далеком 2015 году Поляков звонит и говорит: «Мне из Москвы сообщили радостную весть, что за книгу стихов «Избранное. Стихи разных лет» мне присуждена Всероссийская литературная премия «Имперская культура» имени Эдуарда Володина. Не сможете ли вы, Эдуард Константинович, со мной поехать на это мероприятие? Дело в том, что столичные медицинские организации я знаю хорошо, а вот литературные гораздо хуже...».

И вот утром в Праздник Крещения нас встречала Москва! А первым, кого я увидел в этот благодатный день, придя в Правление Союза писателей России после посещения Храма Николы в Хамовниках, был именно Николай Добронравов, поэт-целитель наших сердец от сердечной недостаточности. Он узнал меня первым и направился в мою сторону. А стоявшая неподалеку Александра Николаевна Пахмутова была окружена плотным кольцом прозаиков и поэтов. Пока Николай Добронравов шел ко мне, я вдруг так живо вспомнил нашу встречу-знакомство, о которой расскажу позже, что уже пока поэт шел ко мне, мое сердце облилось теплой волной... Тогда на торжественной церемонии награждения лауреатов премии «Имперская культура» Александре Пахмутовой вручили премию в номинации музыки. После церемонии награждения Александра Николаевна потянула меня за рукав пиджака и обратилась к мужу: «Коленька, земляка приглашаю к нам в гости, поговорим и заодно поужинаем». Я обрадовался и огорчился одновременно. Ра-

дость от возможности пообщаться с этими великими людьми сменилась огорчением, что я вынужден отказаться: у нас с Виктором Поляковым уже были заранее куплены билеты на поезд до Самары в этот же вечер...

...На удивление долгую, счастливую и плодотворную жизнь поэта Николая Добронравова и его супруги композитора Александры Пахмутовой порой называют тандемом. Категорически не согласен именовать этим иностранным словом уникальный творческий союз двух личностей, плодами вдохновения которых отечественная культура во многом жива и сегодня. Кто из нас не пел и не знает такие песни, как «Опустела без тебя земля...», «Команда молодости нашей», «До

свиданья, Москва, до свиданья!», «Трус не играет в хоккей», и многие-многие другие. Эти песни созданы душой и для души, они будут жить долго, как и их создатели, чей брак длиною в жизнь сегодня должен быть примером счастливой семейной жизни. Его Величество Случай, творческий случай, помог встрече этих людей, встрече Поэзии и Музыки.

Делая выбор будущей профессии между педагогическим и литературным институтами, Николай Добронравов выбрал Школу-судию МХАТ, после которой успешно работал актером в Московском театре юного зрителя. Одновременно пробовал себя в кино в фильмах «Спортивная честь», «Возвращение Василия Бортникова». Но стихи, которые он любил еще со школьных лет, не отпускали его никуда и никогда! И вот его, молодого поэта, стали часто приглашать на детское радио. Там-то он в далеком 1956 году познакомился с девушкой, которой суждено было стать его единственной путеводной звездой и музой, и которая для него впоследствии стала Аленькой, а он для нее Коленькой. Дело было накануне школьных каникул, когда Добронравову предложили написать стихи к мелодии, придуманной молоденькой девушкой-композитором. Это и была Александра Пахмутова. Молодой поэт и молодая девушка-композитор увлеклись не только совместным творчеством, но и друг другом. Подружило их общее первое детище — песня «Лодочка моторная». Через три месяца после знакомства девушка из статуса мечты поэта Добронравова перешла в разряд его жены. На пышную свадьбу денег не было, кредитов тогда на это действие было брать не принято...

Добронравова называют человеком-эпохой. Но если говорить по существу, он — яркое явление, как минимум, нескольких эпох. Пусть сегодня не часто поют замечательную песню «И Ленин такой молодой», но я знаю как минимум несколько молодых людей из своего окружения, что считают современной на все времена песню «Ты моя мелодия» и другие лирические песни, столь созвучные молодой душе. При всем мирном своем дружелюбном характере Добронравов и Пахмутова всю жизнь находятся на передовых позициях, потому что стране всегда нужны песни, которые вдохновляют и воодушевляют. И эти песни не знают старости, а вот чувство ностальгии по хорошему и веру в хорошее вызывают всегда.

Хочу привести отрывок из письма Николая Добронравова ко мне: «Мы несказанно Вам признательны за то, что вы бережно храните один из самых первых наших сборников песен. С удовольствием выполняем Вашу просьбу — высылаем новый сборник стихов. Сейчас с этим гораздо труднее. Если раньше тиражи поэтических сборников (и моих тоже) исчислялись десятками, а то и сотнями тысяч, то сейчас (обратите внимание!) тираж сборника 250 экземпляров. Тем не менее я искренне благодарен за то, что Союз писателей России выпустил совершенно безвозмездно (что по нашим временам очень редко) сборник, в который я успел поместить довольно много новых стихов. Еще раз огромное Вам спасибо за любовь к стихам и песням! С наилучшими пожеланиями Вашим детям и внукам. Ваши А. Пахмутова, Н. Добронравов».

О каком сборнике речь в письме Николая Добронравова? Самое время рассказать, что несмотря на то, что я десятилетиями был и остался поклонником творчества Добронравова и Пахмутовой, но личным знакомством с ними я обязан Его Величеству Случаю и... Валентину Распутину! В конце мая далекого 2003 года, закончив дела на огороде, уехал я в Переделкино, жена называет такие мои поездки творческим отпуском и относится понимающе. Время было непростое, на поездку пришлось денег буквально наскребать по сусекам. Номер в старом Доме

творчества мне достался двухместный, но жил я в нем один. Не было бы счастья, да несчастье помогло: далеко немногие писатели могли наскрести даже по сусекам денег на творческий отпуск, так что оказалось, что я из немногих везунчиков. Другим таким везунчиком был к моей радости приехавший в Переделкино буквально накануне меня Валентин Распутин. Валентин Григорьевич в то время работал над новой повестью «Дочь Ивана, мать Ивана».

Пока я жил в Переделкино, позвонили мне как-то из Правления Союза писателей России, что в книжную лавку поступили новые книги — Бушина, Грибанова, Станислава Куняева... Книги, которые в самарской провинции не купишь! По пути я увидел недалеко от писательского Правления интеллигентную старушку, она раскладывала на лавке книги, как я понял, на продажу: время было непростое, и приходилось вот так заниматься «коммерцией», чтобы на хлеб деньги были. Я решил хоть как-то поддержать «бизнес» пожилой москвички, стал рассматривать книги. И — увидел сборник песен «Чьи песни ты поешь. А.Пахмутова». На обложке книги фото Александры Николаевны. Выпущена была книга в далеком 1965 году в издательстве «Музыка». Библиографический раритет! Это сегодня можно увидеть в городах совершенно новые книги на мусорках, тема эта большая для меня не только как писателя, но и как читателя. Ведь порой это книги, которые явно даже никто и не читал! А та, увиденная мной книга песен Николая Добронравова и Александры Пахмутовой, была сильно зачитана и изрядно потрепана, видно было, что книгой активно пользовались. «Потрепанность» книг меня всегда радует, говоря о востребованности книги читателями!

И вот иду я довольный, что и старушкин бизнес поддержал, и книгу уникальную обрел, а на крыльце Правления Союза писателей России стоит сам Валентин Распутин! Ну думаю, какой удачный день! Валентин Григорьевич увидел у меня в руках сборник песен. Спросил в своей немногословной манере: «Что это?». «Да вот, купил сейчас у бабульки недалеко...» — пояснил я, как всегда преодолевая некоторое волнение от общения с Валентином Григорьевичем. Распутин молча взял у меня из рук сборник, неспешно пролистал и сказал, обращаясь ко мне на правах старого друга по отчеству: «Константинович, а сборник-то замечательный! Но еще лучше будет, если авторы тебе его подпишут! А так тут много песен о Сибири нашей родной, он просто веет Сибирью...». Поневоле и сейчас помню, как перехватило у меня горло от таких простых слов, потому что хоть и живу я многие десятилетия вдали от Сибири, но чем дальше, тем больше понимаю свою неразрывную связь с малой своей забайкальской родиной.

Валентин Григорьевич раскрыл портфель, достал оттуда записную книжку: «Записывай адрес. Комсомольский проспект 45...» И назвал номер квартиры, добавил: «По этому адресу живут Пахмутова и Добронравов. Автобус ходит. Садись и езжай к ним. Познакомься и возьми автограф...». Я, конечно, выразил осторожное сомнение в том, как вот я так без предварительной договоренности явлюсь в семью именитых классиков, удобно ли это будет. На что Валентин Григорьевич улыбнулся: «Это хорошие люди и дружная семья. Объяснишь им все и, поверь, тебя примут. Удачи тебе! Вечером в Переделкино встретимся!». Переходя на правую сторону Комсомольского проспекта, я думал, до чего порой удивительна жизнь: один классик отправляет меня к двум другим классикам! Такое бывает, может, раз в жизни. Так чего я буду экономить на такси? Остановив машину, назвал адрес улицы и дома. Пожилой таксист улыбчиво спросил: «В дом Пахмутовой едете?». Не без гордости я ответил, что не только в дом Пахмутовой, но

и непосредственно к ней и ее мужу-поэту. Водитель улыбнулся еще радушнее: «Знаю-знаю этот маршрут. Частенько к ним гостей вожу, поэтому даже к нужному подъезду вас подвезу!».

Нажав кнопку квартиры, я услышал нежный мелодичный голос Пахмутовой: «Кто это?». Постарался говорить спокойно, но волнение сказывалось: «Александра Николаевна, я писатель из Самарской области. Купил раритетный сборник Ваших песен «Чьи песни ты поешь...», хотел бы, чтобы вы его мне подписали». Сказал так и подумал, что довольно странная просьба от незнакомца, но мне ответили: «Проходите!». Меня встретила миниатюрная женщина и великий композитор в одном лице, с улыбкой, похожей открытостью и застенчивостью на детскую улыбку. «А как вы наш адрес узнали?» — поинтересовалась Пахмутова. «Так мне Валентин Распутин его дал!» — не без гордости ответил я. «О, сам Распутин!» — вступил в разговор Николай Николаевич Добронравов. Я достал из портфеля сборник «Чьи песни ты поешь...» и подумал, какая это уникальная книга, что привела меня к своим создателям!

Между тем Добронравов ласково обратился к жене: «Аленька, ты только посмотри. А сборник-то как зачитан, видимо, до сих пор гуляет по рукам!». «Коленька, — откликнулась Александра Николаевна, — гостя приглашай за стол!». И обратилась ко мне: «Чай? Кофе». Все еще робея, несмотря на радушный прием, я попросил кофе. Пил кофе и ел предложенное Александрой Николаевной простое, но очень вкусное печенье, отвечал на ее вопросы о Поволжье и Самарской области, что стали мне второй родиной. Свой интерес к Самарской области, которую Александра Николаевна называла Куйбышевской, по старому советскому обыновению, она пояснила так: «Я же волжанка. У меня папа и мама из Куйбышевской области, корни мои там...». Выпив кофе, я немного осмелел и, не пойму до сих пор, почему, начал читать одно из любимых моих стихов:

«Стою и книги продаю, // Облюбовав с утра скамейку. // Как будто друга продаю // За соразмерную копейку. // Купите книгу, господа! — // И опускаю взор при этом. // — Да кто ты есть? — Ну, был поэтом! // Так это было-то когда? // Когда под знаменем труда // Ценили явленное слово... // Стоять на паперти не ново... // Купите книгу, господа! // Я сам пишу, сам издаю // И у скамейки еле-еле // Стою, как будто на панели, // И сам себя внаем сдаю. // Купите книгу, господа! — // Но как знакомых вижу лица, // Готов сквозь землю провалиться // От набезжавшего стыда»

Александра Николаевна смотрела на меня изумленными глазами. Николай Николаевич опустил голову: «Тяжело стало в этой жизни, и всех нас это коснулось...». «А кто автор стихотворения, Эдуард Константинович, это вы написали?» — прервала молчание Пахмутова. «Нет-нет, Александра Николаевна!» — решительно откестился я от авторства, назвал имя куйбышевского поэта Владимира Сулова, добавив, что этот поэт не так давно переехал в Челябинск. Но меня так поразила честность этого стихотворения, что я его запомнил буквально с нескольких прочтений... Разговор продолжился, пока не раздался звонок в дверь. Николай Николаевич подошел к двери, поговорил и обратился к жене: «Аленька, к тебе гости с телевидения. Ты им назначала встречу? Они говорят, что да». «Хорошо, Коленька, — спокойно и ласково ответила Пахмутова и несколько извиняющимся тоном обратилась ко мне: — Даже поговорить мы как следует не успели. Давайте договоримся, что завтра в 12 часов дня вы к нам приедете опять, сюда же. Вы где

остановились в Москве? В Переделкино? Ну тогда уж, пожалуйста, не обедайте там. Пообедаем и поговорим здесь. Договорились?»

...К сожалению, на следующий день я приехать в Москву из Переделкино не смог, приболел и был вынужден прервать свой творческий отпуск... А вот когда вернулся домой, меня уже ждал подарок — заказная бандероль от Александры Пахмутовой с ее сборником песен для детей и юношества «Звездопад». Да еще с её же автографом! На этом подарки не закончились. Следующим подарком стала присланная книга стихотворений Николая Добронравова «Вера моя». И тоже с автографом!.. При всякой поездке в Первопрестольную я, конечно, думал о встрече с этой замечательной семьей выдающихся творцов, но не хотелось обременять их, понимал их занятость. Ну а потом серьезная болезнь сделала меня невыездным за пределы Самарской области... Часто, слыша по радио и телевидению песни Добронравова и Пахмутовой, я вспоминаю встречу с этими не по таланту скромными людьми. Веру в нашу встречу — продолжение прерванной телевизионщиками беседы мне дает НАДЕЖДА, наш компас земной...

Увы, пока я писал это эссе, желая им поздравить поэта-эпоху Николая Добронравова с юбилеем, пришла скорбная весть о его кончине... Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. Понимаю, что уже не доведется мне перемолвиться словом с этим великим человеком, поэтом, гражданином. Но во мне и в десятках миллионов людей по всему миру звучат крылатые строки его стихов, в которых пульсирует надежда, не умирающая никогда...

НИКОЛАЙ ВЯТКИН

«Услышать шёпот моей печали...»

*Посвящаю моему племяннику Мишке Лесорубу,
погибшему под Бахмутом*

* * *

Я удивлённо пастью хватаю воздух,
как рыбка аквариумная в сачке для переселенья:
по небу бредёт старик и в руке его посох,
вот он уже с молитвой встал на колени.
И на лице обратная сторона улыбки.
Фатум. Видение. Облако в синей дали.
В стаю в аквариуме сбиваются рыбки,
чтобы услышать шёпот моей печали.

ВЯТКИН Николай Юрьевич. Поэт, прозаик, музыкант. Родился в 1968 в г. Алзамай Иркутской области. Работал на студии кинохроники в Иркутске, учился на филологическом факультете в Красноярском и Иркутском университетах. Окончил литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России с 2001 г. Автор сборников стихов: «Река, впадающая в небо» (1994), «Рябиновый дождь» (2000), «Голосом ветра» (2007). Публиковался в журналах «Наш современник», «Москва», «Сибирь», «Первоцвет», в поэтических сборниках и антологиях. Лауреат конференции «Молодость. Творчество. Современность» (1991); участник Семинара молодых писателей России (1997), Форума молодых писателей России (2001). В 2003 г. с женой Еленой Вяткиной организовал семейный ансамбль «Рябиновый дождь», автор стихов ко множеству песен, исполняемых семейным ансамблем, который становился лауреатом многих всероссийских и международных конкурсов. Живет в г. Сергиев Посад, Иркутск.

* * *

Ледяные капли тоски в окна швыряет ветер,
вырывает меня из себя, смотри, говорит, на осень!
Ты обожал это время, где клён, как солнышко, светел,
кружит среди вечнозелёных сосен.
Но изменилось что-то и уже безвозвратно.
Клён обнажится скоро под всхлипы блудливых тучек,
или его обнажат, чтоб смыть золотые пятна...
Чёрного кофе без сахара ещё один горький глоточек.
Ветер так слышен, капли так хлётко по стеклам
лупят, взрываясь мелкой алмазной крошкой,
что позвонки под рубахой щекочет током,
если ладони свои положить на окошко.
На окне статуэтка бронзового солдата
и цветок угодный Богу, но запрещённый властью —
это мой психопортрет на холсте заката,
подготовленный к ледяному ненастью.
Я, пожалуй, застыну, как статуэтка,
чтоб не увидеть, как съёжится клён под вьюгой,
в небе ловя голой корявой веткой
то, что до снега было его подругой.

* * *

Туча уткнулась в балкон пятого этажа.
Видимость нулевая. Я знаю, что листопад.
Берёза шепчет кому-то: не уезжай.
А ты собираешься шить трусы для солдат.
Почищу трубку. Чуток наскребу смолы.
Спою на гуслях «Группа крови на рукаве».
Где-то ребята чистят свои стволы.
Где-то ребята молча лежат в траве.

* * *

Здесь тишина и сумрак под алычой.
Братина поминальная ходит по кругу с жжённой.
Возле разбитой хаты солнечный луч свечой.
Ты протёр калаш, съел свою кашу с тушённой.
Пару затяжек и можно уже мечтать:
вспомнить жену совсем уже по-другому,
любящей, ждущей. Вспомнить отца и мать.
И улыбаясь впасть до рассвета в кому.
Под автоматный треск ты не ткнулся лицом в пырей,
с мыслью, как этот осенний последний лучик:
война — это жизнь, заканчивающаяся быстрой.
Значит и этот день снова один из лучших.

* * *

Вчера я уснул рано. Ещё до полуночи.
И мне приснилось, что я в окопе далёкой войны
перематываю на ногах грязные онучи
в наступивший момент тишины.
Нет на плечах погон — только шинелька серая,
трофейный ранец и винтовка образца 1891 года.
И в сердце, бьющемся гулко, хрупкая вера моя,
что смерть — это неосознанная свобода,
возможность передвигаться во времени и пространстве
без особых усилий, без привязанностей и тупиков.
На февральском ветру я поёжился. Порылся в ранце.
Достал фляжку и сделал пару глотков.
В глине ботинки. Вдали деревьев скелеты.
И вдруг — по законам сна я даже не опупел:
как звезда упавшая, как улыбка забытого лета,
белее чем снег, даже белее чем мел,
по окопу идёшь ты в розовых джинсиках,
покачивая над головой прозрачным раскрытым зóнтом,
и ворон, как дрон, остановился на двух шизиках,
чтоб навсегда потом скрыться за горизонтом.

* * *

Повязка кровавая туго легла
на небо простреленное голубое.
Славянское солнце сгорает дотла,
и греют ладони бойцы после боя.
И ночь серой тенью сползает на всё.
И тишь наступает такая, что можно
уснуть и услышать движенье её —
собственной жизни подкожной.
И то, что казалось обычным вчера,
сегодня так ценно, в своём нереале:
с любимой во сне побыть до утра:
играть в четыре руки на рояле.
И в белой рубахе, с бокалом вина,
стоять у окна и смотреть на деревья,
в которых гнездится большая луна
у края деревни.

* * *

Нам надо бы разобраться:
кто мы и что друг другу.
Ты думала, что я что-то вроде паяца
и строила из себя дорогостоящую подругу.
Пусть даже так. Выглядишь королевой
с этим сиянием глаз, с бархатом в голосе,
с надменной душой и вечной девственной плевой,
с диадемой в собранном на макушке волосе,
с этими властными взмахами рук,
с этой походочкой плавной —
как будто гендерно замешались вдруг —
павлин с павой.
Не для соития, нет,
в некоем художественном смысле:
то есть хвост, где собран весь перламутровый свет,
соединили с плавностью и отсутствием мысли.
Так твой астральный облик
вижу сквозь призму времени очень отчётливо я.
Я ведь алхимик — плотник
нового бытия.
А у меня всё только с виду простое —
делишки, руки и голова.
Но жизнь, как поток, где ни капли простоя —
музыка и слова!
Так что давай без иллюзий. На тебе шоколада.
А ты, будь добра, дай мне часок любви.
Только не пой, не надо,
душу мне не скреби.

* * *

Рассветное снегопадение,
в часовне как призраки тени,
ладаном пахнет и ровно горит свеча.
Ходит блаженная Ксения
в Прощёное воскресенье,
вечность в её очах.
Всех-то она простила,
даже тех, кого надо на мыло,
так же и нам велит...
Снег под ногами стонет,
лодкой часовня тонет
в море могильных плит.

* * *

Солнце в слезах над Россией
мартовским утром встаёт.
Война не бывает красивой,
война — это кровь и пот.
Кто-то деньки считает,
как раньше копейки — жид,
а здесь уже снег не тает
под тем, кто на нём лежит.
И скольких ещё зароем
парней с осколком в душе.
Выпьем. Слава героям
на адовом рубеже.

ВЛАДИМИР ХОДИЙ

Литературная хроника Прибайкалья 1992–2011 годы. Часть 2

1992 год

21 января. Собрание представителей творческих союзов пройдет сегодня в Иркутске. В повестке дня — создание координационного совета объединений писателей, художников, музыкантов, работников театра, кино, прессы. Предполагается, что новая организация возьмет на себя «формирование единой программы выживания культуры в период глубоких экономических реформ». Шаг навстречу уже сделали городские власти Иркутска — творческим союзам безвозмездно переданы в пользование занимаемые ими дома и мастерские. А вот сами деятели литературы и искусства пока проявляют пассивность на общественной ниве. Достаточно сказать, что в местных Советах нет ни одного представителя творческой интеллигенции города.

27 января. Оказавшийся на грани закрытия из-за резкого повышения издательских расходов один из старейших в России литературных журналов «Сибирь» будет по-прежнему приходить к своему читателю. Решение об этом приняла сегодня администрация Иркутской области, выделив из бюджета дотацию на его окупаемость. Одновременно оказана помощь в сумме 500 тысяч рублей на выпуск нового журнала для детей «Сибирячок».

31 мая. Презентацией нового журнала для маленьких «Сибирячок» в Иркутске сегодня начался праздник, посвященный Дню защиты детей. Торжественно отметить его решено постановлением главы администрации города Бориса Говорина. Праздник рассчитан на два дня и включает театрализованное шествие по улицам города сказочных героев, выступления артистов цирка, музыкантов, певцов, танцоров, бесплатные показы фильмов в лучших кинотеатрах города. Премьеру спектакля «Волшебник Изумрудного города» приурочил к этому дню Театр юного зрителя имени Александра Вампилова.

26 июля. Диплом почетного гражданина города Зимы в Иркутской области вручен известному поэту Евгению Евтушенко. Событие приурочено к 60-летию автора «многопудья» стихов, ряда прозаических и кинопроизведений. Правда, если верить энциклопедиям и литературным справочникам, это должно произойти через год, но у художника есть основания утверждать, что «врут не только календари, но и паспорта». На далекой сибирской станции поэт родился и провел ранние годы. Встречаясь с земляками, он рассказал о своих творческих планах, в частности, познакомил с главами нового романа «Не умирай прежде смерти».

17 августа. Открытием камня-символа на месте гибели замечательного драматурга начались сегодня в Прибайкалье дни, посвященные 55-летию рождения и 20-й годовщины трагического ухода из жизни Александра Вампилова. Знатоки и поклонники творчества писателя смогут принять участие в театральных вечерах, а также совершить экскурсии по местам, связанным с его именем. Организаторами предусмотрено посещение «малой» родины драматурга — поселка Кутулик на Транссибирской магистрали. В памятных мероприятиях примет участие и гастролирующий в Иркутске Московский театр-студия под руководством Олега Табакова.

9 октября. 55-летию со дня рождения и 20-летию гибели драматурга Александра Вампилова посвящен Всероссийский театральный фестиваль, открывающийся сегодня в Прибайкалье. Зрители увидят спектакль «Утиная охота» в исполнении артистов Московского театра имени Ермоловой. Областной драматический театр покажет «Воронью рощу», а ТЮЗ, носящий имя Вампилова, — спектакль «Прошлым летом в Чулимске». В Иркутске и поселке Кутулик пройдут встречи с известными актерами Любшиным, Бурляевым, Жарковым, Садальским.

17 октября. Необычная премьера пройдет сегодня в Иркутском театре юного зрителя имени Александра Вампилова. Свою новую пьесу «Золотой человек» решил поставить на его сцене автор нашумевшей в свое время комедии «Любовь и голуби» Владимир Гуркин, судьба которого тесно связана с Прибайкальем. Здесь он учился в театральном училище, делал первые шаги как актер, и теперь выступает в качестве режиссера.

2 декабря. Один из «островов» печально знаменитого «архипелага» сталинских застенков — «Озерлаг» — дал название сборнику стихов, только что увидевшему свет в сибирском городе Братске. Среди тех, кто отбывал в здешних краях заключение и ссылку — Анатолий Жигулин, Лидия Чуковская, Юрий Домбровский и многие другие репрессированные писатели. Всего уже собраны поэтические рукописи почти 40 бывших узников «Озерлага», издать которые местные активисты общества «Мемориал» намереваются отдельными миниатюрными книгами.

28 декабря. Сибирская общественность отметила 90-летие поэтессы Елены Жилкиной. Свои первые стихи одна из старейших писательниц России опубликовала в сборнике иркутского литературно-художественного объединения в 1925 году. Билет члена Союза писателей ей подписывал еще Максим Горький. Было в жизни Елены Викторовны время, когда на ее творчество наклеивали ярлык «ахматовщина», не печатали, лишали заработка, жилища. Немало лет она отдала работе литературного консультанта областной молодежной газеты, помогая становлению таких талантливых художников слова, как Александр Вампилов и Валентин Распутин.

1993 год

7 июня. «Сибирские страницы жизни и творчества А.Чехова» — международный симпозиум под таким названием открывается сегодня в Иркутске. Его проводят Российская академия наук, Международное Чеховское общество и государственный университет этого сибирского города. Летом далекого 1890 года Антон Чехов по пути на остров Сахалин останавливался в Иркутске и лестно отзывался о нем: «Превосходный город. Совсем интеллигентный... Совсем Европа». Сохра-

нились дом, где жил великий русский писатель, — бывшая гостиница «Амурское подворье» и мемориальная доска на соседнем здании.

19 декабря. Двум авторитетным библиотекам столицы Чехии Праги передана изданная в Иркутске книга известного историка Буянто Санжиева «Ярослав Гашек в Сибири». Один экземпляр будет отныне храниться в фондах Карлова университета, ведущего свой отсчет с 1348 года, другой — библиотеки «Памятники национальной письменности», где собрано все, что оставили Чехии писатели, ученые и общественные деятели всех времен и народов, в том числе России.

1994 год

20 марта. Детский праздник «Здравствуй, «Сибирячок!»» прошел сегодня в Иркутске. «Сибирячок» — это единственный издающийся за Уралом журнал для самых маленьких. И, несмотря на совсем юный возраст — около двух лет, он уже приобрел своего массового и постоянного читателя. Периодичность этого красочного издания — шесть раз в год, тираж — 40 тысяч экземпляров. В составе его редколлегии писатели Виктор Астафьев, Марк Сергеев, художник Александр Муравьев, другие талантливые и любящие творить для детей сибирские авторы. Существенную помощь в издании журнала оказывает администрация области.

29 мая. Десятидневную поездку по Прибайкалью начал сегодня поэт Евгений Евтушенко. Первая остановка — станция Зима, «где запах пороха и снега и запах кедра и зерна». Здесь поэт родился и провел ранние годы, ему присвоено звание почетного гражданина города. Следующим пунктом встреч с читателями станет Братск, где ровно 30 лет назад опальный тогда литератор впервые прочитал главы поэмы «Братская ГЭС». Посещение таежного края проходит в рамках фестиваля в честь 70-летия областной молодежной газеты, автором которой многие годы является Евгений Евтушенко. К этому событию приурочен выход в Иркутске новой книги поэта — «Золотая загадка моя».

1 июня. Встречей авторов разных поколений сегодня в Иркутске открывается фестиваль, посвященный 70-летию газеты Байкальского региона — «Советская молодежь». На ее страницах печатались поэты Иосиф Уткин и Юрий Левитанский, работали будущий драматург Александр Вампилов и писатель Валентин Распутин. Из ныне здравствующих литературных знаменитостей на праздник приехал Евгений Евтушенко, и издательский дом газеты к этому событию выпустил в свет его новую книгу «Золотая загадка моя». В фестивале принимают участие также звезды театра и эстрады Василий Лановой, Елена Камбурова, Ефим Шифрин, группа «Алиса».

7 июня. Праздничные вечера поэзии, посвященные 195-й годовщине со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина, проходят сегодня в Иркутске. В доме-музее декабриста Волконского выступают артисты московского театра имени Вахтангова Василий Лановой и Алексей Кузнецов, а хозяином самой большой сцены города — музыкального театра — на один день стал поэт Евгений Евтушенко. Прибайкалье — самый восточный регион России, где в последнее время регулярно отмечается ежегодный пушкинский праздник.

12 июня. Сегодня в главный город Прибайкалья прибывает писатель Александр Солженицын, после возвращения из эмиграции совершающий путешествие по России. В отличие от столицы Бурятии, где он провел накануне сутки,

его пребывание в Иркутской области составит пять-шесть дней. Кроме областного центра, в предполагаемые планы Александра Солженицына входит посещение Байкала, а также поездка по линии Тайшет — Братск — Усть-Илимск, встречи с людьми, чью жизнь он описал в книге «Архипелаг ГУЛАГ».

16 июня. Пробыв пять дней в Иркутске, сегодня писатель Александр Солженицын отправился в дальнейший путь по России. Однако еще по крайней мере трое суток нобелевский лауреат не покинет пределов Прибайкалья: два классных вагона прицеплены к местному поезду, следующему на север области. Как заявил гость перед отъездом, эти пункты входят в намеченные ранее планы «окунуться в реальную действительность России». Выводы, по словам Александра Исаевича, пока такие: «у реформ нет плана», «освобождение цен — грабеж людей», «приватизацию следует пропустить через прокуратуру и следствие». Уже стоя в тамбуре отходящего поезда, Солженицын ответил на вопрос о «секретах своего долголетия»: «Первое — лагерная закалка, второе — Божья помощь, третье — постоянная внутренняя цель».

7 октября. Дни русской культуры и духовности «Сияние России» начинаются сегодня в главном городе Прибайкалья. Три дня будут открыты двери всех музеев, библиотек, Домов культуры, концертных залов. Перед любителями искусства выступят бас из Австралии Александр Шахматов и московская певица Татьяна Петрова. К празднику приурочили открытие сезона местные театры: областной драматический покажет «Смерть Иоанна Грозного» и «Царя Федора Иоанновича», ТЮЗ — премьеру по пьесе Александра Вампилова «Прощание в июне». Центральным событием дней ожидают встречи с жителями региона известных деятелей «духовной оппозиции» — ученого Игоря Шафаревича, кинорежиссера Станислава Говорухина, писателя Валентина Распутина и других.

13 октября. Памятная доска в честь Владимира Высоцкого установлена на одном из жилых домов Иркутска, с балкона которого певец выступал во время поездки по Сибири летом 1976 года. Плита с барельефом певца и текстом его стихов отлита в акционерном обществе «Иркутское авиационное объединение» по эскизам заслуженного художника России Бориса Бычкова. Средства на ее изготовление выделила частная фирма.

26 октября. «Женщина: семья, экология, культура, бизнес» — тема конференции, открывшейся сегодня в Иркутске. В ней участвуют представители женских организаций не только Прибайкалья, но и других регионов России. «Отношение к женщине и женскому движению вызывает тревогу, — сказала одна из инициаторов встречи писательница Нелли Матханова. — Раньше были какие-то рамки, квоты на их участие в органах власти. Мы не за возврат к прошлому, но тревога за положение женщины в обществе должна быть услышана».

1995 год

25 апреля. «Уходил на войну сибиряк» — музыкально-поэтический сборник под таким названием, посвященный 50-летию Победы, выпущен в Иркутске. «Это счастливый повод собрать «под одной крышей» произведения местных композиторов, посвященные ратному подвигу земляков», — рассказал редактор-составитель книги Михаил Гезунгейт. Песни написаны на слова Арсения Тарковского, Риммы Казаковой, Анатолия Жигулина, Николая Доризо, а также местных поэтов.

Издание осуществлено на средства комитета по культуре областной администрации.

14 июня. Премьера спектакля «Из Америки с любовью» пройдет сегодня в Иркутском драматическом театре имени Николая Охлопкова. Это сценическое воплощение пьесы писательницы Нелли Матхановой, героями которой являются реальные люди — гражданин США Сильвио Склоччини и сибирячка Лидия Маевская. Их история начиналась со случайного знакомства в Москве, а затем продолжалась в годы «холодной войны».

6 октября. Вечер-прием, посвященный 60-летию создания областной писательской организации, прошел сегодня в главном городе Прибайкалья. В нем приняли участие представители обоих нынешних объединений литераторов — Союза писателей России и Союза российских писателей. Выступивший на вечере Валентин Распутин отметил, что, несмотря на все, что произошло в нашей жизни за последнее время, местные писатели «остались честными и не изменили своим идеалам».

13 октября. На гастроли в Соединенные Штаты Америки отправилась сегодня группа артистов Иркутского драматического театра имени Николая Охлопкова. В штатах Калифорния и Аризона сибиряки покажут спектакль «Из Америки с любовью». Он поставлен по пьесе местной писательницы Нелли Матхановой и показывает полную драматизма историю реально случившейся в годы «холодной войны» любви гражданина Нового света Сильвио Склоччини и русской женщины Лидии Маевской.

1996 год

13 февраля. Вручены премии за 1995 год созданного в Прибайкалье регионального Фонда развития культуры и искусства. В числе награжденных писатели Дмитрий Сергеев и Ким Балков.

16 февраля. Поэтическая антология «Ветер Братска» увидела свет в городе когда-то нескольких Всесоюзных ударных комсомольскихстроек. В нее вошли стихи и отрывки из поэм А.Твардовского, Е.Евтушенко, А.Вознесенского, Н.Добронравова, многих других авторов. Издание профинансировала местная администрация.

10 июня. С инициативой учреждения Фонда имени драматурга Александра Вампилова выступила группа работников культуры и творческой интеллигенции Иркутска. Фонд представляется им как центр хранения и популяризации наследия замечательного земляка, а его основные задачи — создание музея, организация и проведение Вампиловских дней, поддержание в порядке памятных мест, проведение конкурсов молодых драматургов, работа со школьниками и студентами.

9 августа. По 200 млн рублей выделяет администрация Прибайкалья на предстоящие в 1997 году юбилеи писателей-земляков Александра Вампилова и Валентина Распутина. Первый рано ушел из жизни, и создан оргкомитет по празднованию 60-летия со дня его рождения. Увидят свет избранные произведения драматурга и сборник воспоминаний о нем. Эту же дату почетный гражданин Иркутска прозаик Валентин Распутин отметит выходом в свет ряда своих новых произведений.

27 августа. Театр из Японии «Михара-дзюку», известный на своей родине постановками по произведениям Антона Чехова, начал сегодня выступления в Иркутске. Гости знакомят местных зрителей со спектаклем по его рассказам

«Дамы», «Спать хочется», «Последняя могиканка», «Палата номер шесть». Автор инсценировок — знаток и интерпретатор творчества классика русской и мировой литературы профессор Нобукки Накамото. «Здесь мы провели ряд интересных встреч, в том числе с моим давним знакомым писателем Валентином Распутиным», — рассказал он в беседе с журналистами.

1997

4 февраля. Презентация книги «Александр Вампилов: студенческие годы» пройдет сегодня в Иркутской областной библиотеке имени Ивана Молчанова-Сибирского. Нынешний год — год 60-летия со дня рождения рано ушедшего из жизни драматурга, чьи пьесы не сходят со сцен многих театров России и других стран. В связи с юбилеем на его родине в Прибайкалье намечен ряд мероприятий. И на сегодняшнем представлении книги развернута выставка литературы, которой зачитывалось студенчество поколения Вампилова.

15 марта. 60 лет исполняется сегодня писателю Валентину Распутину. На его родине — в Иркутской области — администрация выделила средства на издание новой книги, в которую войдут его опубликованные и неопубликованные произведения. Президент России Борис Ельцин поздравил юбиляра, отметив в послании, что имя Валентина Распутина по праву вписано в историю российской и мировой литературы. «Знаю Вас, — пишет президент, — как человека, горячо любящего Россию. Несмотря на различия во взглядах, отношусь с большим уважением к Вашему творчеству и лично к Вам».

9 августа. Имя писателя и страстно влюбленного в свой край общественного деятеля Марка Сергеева отныне будет носить Иркутская областная детская библиотека. Такое решение приняла администрация региона, рассмотрев материалы и ходатайства ее комитета по культуре, мэрии областного центра, регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

17 августа. Дни памяти, посвященные 60-летию со дня рождения и 25-летию трагического ухода из жизни драматурга Александра Вампилова, начинаются на его родине в Прибайкалье. В Иркутском театре юного зрителя его имени откроется музейная экспозиция и состоится премьера спектакля «Дорогой Саша». В последующие дни пройдет вечер воспоминаний в местном Доме литераторов, организована поездка в поселок Кутулик, где он родился, откроется фестиваль народных театров, играющих пьесы Александра Вампилова.

2 октября. В четвертый раз сегодня в Прибайкалье открываются Дни русской духовности и культуры «Сияние России». Они проводятся по инициативе писателя Валентина Распутина, архиепископа Вадима, и поддержаны многими известными деятелями культуры. Нынче в гости к сибирякам приехали кинорежиссер Николай Бурляев, публицист Михаил Назаров, певица Евгения Смольянинова, а также директор музея-заповедника «Ясная Поляна» Владимир Толстой.

6 октября. Спектаклем «Утиная охота» областного драматического театра имени Николая Охлопкова сегодня в главном городе Прибайкалья открылся Всероссийский театральный фестиваль «Байкальские встречи у Вампилова». В гости к сибирякам приехали сценические коллективы из 7 городов России, в том числе московская труппа театра «У Никитских ворот». В адрес фестиваля министр культуры РФ Наталья Дементьева прислала приветственную телеграмму, в которой

выражена надежда, что он «станет новым этапом в осмыслении и анализе «боле-вых точек» современной жизни и искусства».

13 октября. Мемориальная доска драматургу Александру Вампилову открыта на административном здании Иркутского государственного университета. Здесь автор «Провинциальных анекдотов» и «Утиной охоты» учился с 1955 по 1960 годы. Это одна из акций в рамках заканчивающегося сегодня театрального фести-валя «Байкальские встречи у Вампилова». В год 60-летия со дня рождения рано ушедшего из жизни писателя он собрал артистические коллективы из Москвы, Владивостока, Красноярска, Читы и других городов России.

1998 год

21 января. Предстоящим выходом в свет сборника стихов под названием «Соловецкий камень» отмечает 75-летие со дня рождения живущий в Прибайка-лье поэт Валерий Алексеев. Ровно полвека назад он, тогда студент Московского института международных отношений, был осужден Особым совещанием МГБ СССР на 10 лет за «антисоветскую агитацию». Вышел из заключения в 1954 году и с тех пор живет в городе Ангарске. Алексеев — автор шести поэтических сбор-ников, член Союза писателей России.

28 января. Улица имени Владимира Высоцкого появилась в Иркутске. Она застроена двухэтажными кирпичными коттеджами, принадлежащими частной фирме «Агродорспецстрой». Певец и поэт приезжал в Прибайкалье в 1976 году по приглашению известного организатора старательской добычи золота Вадима Туманова. Он побывал на Байкале, в городах Зиме и Бодайбо. Кроме улицы, на-званной его именем, в Иркутске на одном из жилых домов установлена мемори-альная доска с горельефом Высоцкого.

27 апреля. Энциклопедия «Мир Александра Вампилова» готовится к изданию в Иркутске. За осуществление проекта взялся созданный в 1996 году Фонд его имени, на счету которого — более десятка книг, посвященных рано ушедшему из жизни драматургу и его окружению. Энциклопедия создается по типу уже извест-ных — Пушкинской, Лермонтовской, Булгаковской. В издание войдут разделы «Вампилов и театр», «Вампилов и живопись», «Вампилов и музыка» и другие.

16 мая. Губернаторская премия в области литературы и искусства учреждена в Прибайкалье. Она будет присуждаться ежегодно по шести номинациям и вручать-ся в канун регулярно отмечаемого в сентябре Дня области.

1 июня. Издание литературно-художественного журнала «Сибирь» возоб-новлено в Иркутске. Основанный в 1930 году под названием «Будущая Сибирь», он из-за нехватки средств прекратил свое существование около двух лет назад. «Теперь при поддержке областной и городской администраций журнал обрета-ет новое лицо, станет по-настоящему толстым, иллюстрированным, современно оформленным», — рассказал его главный редактор Василий Козлов.

9 июня. Открытие мемориальной доски замечательному сибирскому поэту и общественному деятелю Марку Сергееву состоится сегодня в Иркутске. Он ушел из жизни год назад, оставив о себе благодарную память земляков. Сергеев много лет возглавлял областную писательскую организацию, а в последнее время — ре-гиональное отделение Российского фонда культуры. Его имя присвоено област-ной детской библиотеке, одной из литературных премий.

17 августа. Созданный два года назад в Иркутске Фонд драматурга Александра Вампилова издал 13 книг, — рассказала его исполнительный директор Галина Солуянова. Среди них «Записные книжки», собранные и подготовленные к печати женой писателя Ольгой Вампиловой, сборник его очерков и рассказов «Финский нож и персидская сирень», пьеса «Утиная охота», воспоминания о нем однокашников, коллег-писателей.

18 сентября. Премьерой спектакля по пьесе Владимира Гуркина «Любовь и голуби» сегодня открывает свой 71-й сезон Иркутский театр юного зрителя имени Александра Вампилова. Автор широко известной комедии окончил Иркутское театральное училище и начинал творческий путь актером старейшего на востоке России ТЮЗа. «Это лучшая комедия последних десятилетий», — считает постановщик спектакля Александр Ищенко.

10 октября. Объявлены имена первых почетных граждан Иркутской области. Постановлением губернатора ими стали генеральные директора акционерных обществ «Иркутскэнерго» и «Мясокомбинат «Иркутский» Виктор Боровский и Николай Виниченко, директор Института земной коры СО РАН Николай Логачев, председатель областного совета ветеранов войны и труда Петр Московских, писатель Валентин Распутин.

1999 год

24 мая. Безымянная эпиграмма, возможно, принадлежащая перу Александра Пушкина, обнаружена в Научной библиотеке Иркутского университета на титульном листе экземпляра «Невского альманаха» за 1827 год. Выяснением загадки авторства четверостишия уже занят эксперт-почерковед. Изучается также история того, как альманах попал в Иркутск. Не исключено, что он, как и выпущенные отдельными книжками прижизненные издания «Евгения Онегина», «Кавказского пленника» и других произведений, могли оказаться в Сибири вместе с сосланными сюда декабристами.

2 июня. «Пушкин без легенд» — книга под таким названием увидела свет в сибирском городе Братске. Ее автор — гражданин США Марк Митник — воспользовался услугами местного филиала Международного пушкинского общества. Оно действует здесь с начала 1990-х годов и уже издало четыре карманных томика «Братск — Пушкину». В них собраны стихи, эссе, рисунки местных авторов, посвященные гению поэзии. Значительная часть тиража новой книги поступит в библиотеки этого и других городов Прибайкалья, станет памятным сувениром к 200-летию со дня рождения великого поэта.

4 июня. «Сожженная глава «Евгения Онегина» — книга под таким названием увидела свет к юбилею поэта в Иркутске. Это реконструкция знаменитой 10-й главы пушкинского шедевра, предлагаемая поэтом и исследователем из Санкт-Петербурга Андреем Черновым. До сих пор она издавалась только в газетном и журнальном вариантах. Книга вышла тиражом более 1 тысячи экземпляров на средства Иркутского отделения Союза российских писателей, местного музея декабристов и книготорговой фирмы «Марьяна роща».

14 декабря. Сборником стихов сибирских поэтов на французском языке «Кедровый посох» пополнились библиотеки Иркутской области. Книга издана на родине Франсуа Вийона и Поля Элюара. На ее презентации в побратимском де-

партаменте Верхняя Савойя побывала группа литераторов во главе с Валентином Распутиным. Сборник переводов составили произведения Николая Клюева, Александра Твардовского, многих современных авторов. Это уже вторая книга, изданная во Франции по инициативе активистов Общества побратимских связей Верхней Савойи и Прибайкалья. Весной будущего года в Иркутске увидит свет сборник переводов на русский язык стихов современных французских поэтов.

21 декабря. Дом-музей Евгения Евтушенко откроется в сибирском городе Зима уже в следующем году. По решению профильного комитета Законодательного собрания Иркутской области выделено 400 тысяч рублей на восстановление дома, где прошло детство известного российского литератора и общественного деятеля.

2000 год

9 января. Путеводитель «Мир Александра Вампилова» подготовлен к изданию в Иркутске. По словам его редактора Лины Иоффе, книга содержит наиболее полную биографию драматурга, обзоры отдельных произведений и их персонажей, рассказывает о связи творчества писателя со сценическим искусством, музыкой, живописью. Путеводитель издается Фондом имени Вампилова и кафедрой русской литературы XX века Иркутского государственного университета.

11 мая. Накануне в Иркутске неизвестными осквернена могила поэта и общественного деятеля Марка Сергеева, скончавшегося три года назад. Нанесен значительный ущерб могильному памятнику на одном из городских кладбищ, сообщили в благотворительном фонде его имени. Акт вандализма совершен в канун дня рождения Сергеева. По этому факту проводится расследование.

23 ноября. В главном городе Прибайкалья будет создана Площадь искусств. Место для нее выбрано рядом с недавно отреставрированным зданием областного академического театра драмы. Как сообщили в управлении архитектуры и градостроительства мэрии Иркутска, на Площади будет установлено не менее 20 скульптур. Кроме мировых знаменитостей Шекспира, Мольера, Чехова и других, здесь появятся изваяния актера и режиссера Николая Охлопкова, имя которого носит театр драмы, а также драматурга-земляка Александра Вампилова.

2001 год

6 марта. Десятилетие журнала «Сибирячок» — единственного на востоке России издания для детей от пяти до 12 лет — отмечают в Иркутске. «В тайге, на берегу Байкала, растет...», — так начиналась сказка писателя Марка Сергеева о рождении из кедрового ореха мальчика по имени Сибирячок, а с ним и нашего журнала», — рассказала его главный редактор Светлана Асламова. За это время вышли в свет 52 номера общим тиражом свыше 3 млн экземпляров.

16 апреля. Актеры, певцы и музыканты иркутского театра-студии «Пилигримы» выехали сегодня в Москву, где покажут новую работу — рок-мистерию «Аве Мария». Ее премьеры состоялась минувшей осенью на открытии в Иркутске крупнейшего на востоке России католического кафедрального собора. Музыку к мистерии написал композитор и художественный руководитель театра

Владимир Соколов, стихи — поэт Анатолий Кобенков, постановщик — Вячеслав Кокорин.

11 мая. В Иркутске сегодня отмечают 75-летие со дня рождения ушедшего из жизни несколько лет назад известного сибирского литератора и общественного деятеля Марка Сергеева. Он автор нескольких десятков книг, многие годы возглавлял областную писательскую организацию, являлся почетным гражданином города. В честь юбилея в носящей его имя областной детской библиотеке пройдет презентация культурного центра, в котором два раздела — краеведения и творческого наследия писателя и поэта. Будет представлена книга воспоминаний о нем, названная пушкинской строкой «Он между нами был...»

15 июня. Писатель Валентин Распутин работает над повестью о современном городе. Об этом он сообщил в интервью местному телевидению. 64-летний литератор сразу заметил, что решил отойти от общественной деятельности и пока не занимается публицистикой. По его словам, «для большой литературы осталось мало времени и его необходимо использовать полностью». Однако о своей новой работе Распутин рассказал довольно сдержанно: «Это повесть на современную тему. В ней нынешняя жизнь, нынешние люди, нынешние события. Крутые события в некоторой степени. Но это не детектив, наоборот, я надеюсь, что это будет психологическая вещь». Он добавил, что все события в повести происходят в Иркутске. «Я до сих пор стеснялся называть и город, и нашу реку своими именами. Но со временем понял, что чем адреснее будет то место, где разворачивается действие, тем лучше».

22 июля. Международный фестиваль поэзии открывается сегодня в Прибайкалье. Инициатором его проведения выступил известный российский поэт Евгений Евтушенко. Кроме него, в празднике участвует большая группа российских литераторов, в том числе Александр Кушнер, Роман Солнцев, Лев Аннинский, а также Анри Делюи и Лилиан Жирадон из Франции, Збигнев Доминек (Польша), Кармен и Вильям Дэвидсоны (США), Альба Торрес (Никарагуа) и другие. Фестиваль начинается на родине Евтушенко — в городе Зиме, где, как он писал, «запах пороха и снега и запах кедра и зерна». Здесь в его родовом доме открывается музей поэзии. Затем праздник переедет в города Иркутск, Ангарск, Саянск, Братск.

5 сентября. Памятная доска известному российскому драматургу Михаилу Ворфоломееву открыта на его родине — в городе Черемхове Иркутской области. Автор «Святого и грешного», «Как стать президентом» и еще около 40 пьес воспитывался в интернате, а после окончания школы и театральных курсов руководил кружком в городском доме пионеров. После того, как первую его пьесу «Полынь» в 1975 году поставил местный драматический театр, Ворфоломеев уехал из родного города, немало ездил по стране, а в последнее время вплоть до кончины в мае этого года жил в Москве.

5 октября. Спектаклем «Лабиринты сновидений» открыл сегодня новый сезон Иркутский театр юного зрителя имени Александра Вампилова. В его основу легли три одноактных пьесы на современные темы местного автора Алексея Шманова — «Сын Посейдона», «Договор» и «Разноцветные стекляшки». Как рассказал приглашенный из Калуги режиссер спектакля Александр Баранников, по языку и необычности ситуаций, в которые попадают герои, эти пьесы «совсем в духе блистательной «Утиной охоты».

7 октября. Традиционные Дни русской духовности и культуры «Сияние России» открываются сегодня в Прибайкалье. Они проводятся с 1994 года по иници-

ативе писателя Валентина Распутина и при поддержке в то время мэра Иркутска, а теперь губернатора области Бориса Говорина. На средства местного бюджета приглашаются известные гости из Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России. Вот и на этот раз в Днях русской духовности и культуры примут участие кинорежиссер Николай Бурляев, писатель Владимир Крупин, певцы Евгения Смольянинова и Леонид Харитонов, Омский народный хор.

29 ноября. В Иркутске начало действовать заочное отделение Московского государственного литературного института. Теорию студентам предстоит осваивать самостоятельно, сдавая затем экзамены в столице, а творческая часть учебы пройдет в городе на Ангаре. Здесь семинар у прозаиков поведет писатель Валентин Распутин, которому только что присвоено звание профессора кафедры литературного мастерства института, у поэтов — один из руководителей областной организации Союза писателей России Андрей Румянцев.

17 декабря. Из французской провинции Верхняя Савойя в Иркутск пришла посылка с увидевшим там свет сборником рассказов писателей Прибайкалья. Инициатива по налаживанию сотрудничества между сибирскими и французскими литераторами принадлежит поклоннику русской прозы и поэзии издателю Эммануэлю Молербэ, который в 1997 году основал серию «Российская маленькая библиотека». В ней уже изданы на французском и русском языках книга «Колодец планеты» и сборник стихов «Кедровый посох». В свою очередь в Иркутске также на двух языках выпущена антология французских поэтов «Звездный дождь» и сейчас готовится к изданию сборник прозы авторов из Верхней Савойи.

2002 год

10 февраля. Филателистическая выставка «165 лет без Пушкина» открылась сегодня в главном городе Прибайкалья. На ней представлены почтовые марки, конверты, открытки, запечатлевшие память о великом поэте. Экспозиция занимает 72 листа, среди которых особый интерес вызывают знаки, приуроченные к юбилейным датам. Например, марка, изданная в 1937 году к 100-летию гибели великого сына России. Сегодня же в областном историко-мемориальном музее декабристов проходит литературно-музыкальный салон, посвященный памяти Пушкина.

15 марта. В Прибайкалье отмечают 65-летие писателя Валентина Распутина. Хотя теперь большую часть времени он проводит в Москве, здесь помнят, что признанный мастер слова родился 15 марта 1937 года в селе Аталанка на берегу реки Ангара, учился в Иркутском госуниверситете, работал в газете и на телевидении, делал первые шаги в литературе. Свой первый рассказ «Я забыл спросить у Лешки» напечатал в 24 года в местном общественно-литературном альманахе. Затем были повести и публицистические произведения, принесшие ему широкую известность. В областном отделении Союза писателей России уже состоялся вечер «Валентин Распутин и современный литературный пейзаж». Завершится череда чествований конференцией в Иркутском государственном университете «Моя и твоя Россия».

20 июня. Презентация книги с последними произведениями писателя Виктора Астафьева «Пролетный гусь» прошла в Иркутске. В нее, кроме заглавного, включены еще семь рассказов, а также сборники одного из любимых автором жан-

ров — затесей — «Просверки», «Кетский сон» и воспоминания о поэте Николае Рубцове. Как рассказал представивший книгу ее издатель Геннадий Сапронов, все это было написано Виктором Астафьевым в последний год его жизни.

14 августа. Звуковой альманах, посвященный памяти Александра Вампилова, издан в областном центре Прибайкалья. Он приурочен к отмечаемому в эти дни 65-летию со дня рождения и 30-летию трагической гибели драматурга. Альманах составил доцент отделения журналистики Иркутского государственного университета, а в прошлом однокурсник Вампилова Игорь Петров. Это записи спектаклей и радиопостановок по пьесам драматурга, воспоминания друзей, известных актеров, театральных критиков и режиссеров. А вот голоса самого Вампилова не сохранилось.

16 августа. Книга «Драматургическое наследие Александра Вампилова» представлена сегодня в Иркутске. В почти 850-страничный фолиант вошло полное собрание пьес замечательного драматурга, включая все авторские варианты. Предисловие написал председатель Союза театральных деятелей России Александр Калягин.

21 августа. Мемориальная доска открыта на доме в селе Аларь Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, где провел детство драматург Александр Вампилов. Так здесь отметили 65-летие со дня рождения талантливого и рано ушедшего из жизни земляка. Известно, что его родители были учителями и в конце 1930-х годов вселились в дом, где до этого несколько лет размещалась начальная школа. Он до сих пор стоит окнами в открытое поле. Любопытно, что первая одноактная пьеса драматурга так и называлась — «Дом окнами в поле».

23 августа. На Байкале завершилась встреча литераторов России и Республики Корея на тему «Нация и литература». Встреча проходила на острове Ольхон в форме «круглого стола». Корейский поэт Ко Ун сделал доклад «Сибирь в поэзии» по произведениям русских поэтов от Пушкина до Евтушенко. Гости с интересом выслушали сообщения профессора Иркутского госуниверситета Леонида Ермолинского «Сибирские путешествия Гончарова и Чехова», писателя Валерия Хайрюзова — «О современном литературном процессе в России», Виталия Диксона — «Взаимопроникновение культур России и Востока».

10 октября. В родных местах известного писателя Валентина Распутина — районном центре Усть-Уда — сегодня распахнул двери краеведческий музей. Это событие произошло в рамках проходящих в Прибайкалье Дней русской духовности и культуры «Сияние России». Вместе с Валентином Распутиным на открытие музея приехали главный редактор журнала «Москва» Леонид Бородин, поэт Юрий Лощиц и другие. В экспозиции есть раздел, посвященный знаменитому земляку. Здесь выставлены родословная писателя, его фотографии, ряд вещей и документов.

21 ноября. «Крест бесконечный. Письма из глубины России» — книга под таким названием вышла в свет в Иркутске. Она содержит переписку ушедшего год назад из жизни писателя Виктора Астафьева с известным литературоведом Валентином Курбатовым. Книга дает представление о взглядах мастера русской прозы на процессы в литературе, культуре и общественной жизни последней четверти XX века. В нее вошло 239 писем, в том числе это: «Я пришел в мир добрый, родной и любил его безмерно. Ухожу из мира чужого, злобного, порочного».

27 декабря. На одном из домов в центре главного города Прибайкалья сегодня открыта памятная доска известной сибирской поэтессе Елене Жилкиной.

Она родилась ровно 100 лет назад — в декабре 1902 года, окончила Иркутский государственный университет, печаталась в журналах «Будущая Сибирь» и «Сибирские огни», а в 1936 году получила членский билет Союза писателей СССР за подписью Горького. Во время войны работала в иркутских «Окнах ТАСС», а вскоре после этого за искреннее желание порадовать людей лирическими стихами попала в немилость к властям, которые в каждом крупном городе искали «свою Ахматову». Елена Жилкина прожила почти 97 лет.

2003 год

11 января. Поэтическая премия имени известного сибирского литератора Сергея Иоффе учреждена в Прибайкалье. И впервые ее вручение прошло сегодня в доме местного отделения Союза российских писателей. Премии удостоились поэты Евгений Варламов и Олег Кузьминский. Как отметило жюри, оба лауреата пишут в классическом стиле, свойственном Сергею Иоффе. Он принадлежал к поколению «шестидесятников», работал в областной газете «Советская молодежь» вместе с Александром Вампиловым и Валентином Распутиным.

14 января. Драматург Владимир Гуркин выступил в качестве режиссера на родине в сибирском городе Черемхово. В первые дни нового года на сцене местного драматического театра он поставил спектакль по собственной пьесе «Кадриль». Хотя она, как и знаменитая «Любовь и голуби», обошла многие подмостки и экранизирована, у автора, по его словам, осталось свое видение произведения. Гуркин вырос в Черемхово и не скрывает, что здесь в реальной жизни наблюдал многих героев своих пьес.

14 апреля. Ежегодный Байкальский фестиваль поэзии открывается сегодня в Иркутске. Его участники — авторы недавно изданного в Москве сборника «Приют неизвестных поэтов» из многих городов России. Как рассказал председатель Иркутского отделения Союза российских писателей Анатолий Кобенков, пусть никто из 40 поэтов, чьи стихи составили солидный том, «ранее не входил ни в большие, ни в малые наши антологии, в них голос самой России, больная и вечно нацеленная на красоту ее душа».

2 мая. 100-летие со дня рождения поэта и общественного деятеля Ивана Молчанова-Сибирского отмечают в Прибайкалье. Его первая книга стихов «Покоренный Согдиондон» увидела свет в 1932 году, а уже в следующем году он был избран ответственным секретарем Иркутского отделения Союза писателей России, которым оставался до дня кончины в 1958 году. Иван Молчанов-Сибирский вошел в литературу как поэт-лирик. Он много писал для детей, помогал местным пионерам-кружковцам издать свою книгу «База курносых», которую высоко оценил Максим Горький.

13 мая. На гастроли в Германию сегодня отправилась труппа Иркутского академического театра драмы имени Николая Охлопкова. На земле Шиллера и Брехта сибиряки покажут чеховскую «Чайку» и «Прошлым летом в Чулимске» Александра Вампилова. Как рассказал директор театра Анатолий Стрельцов, поездка в Германию является ответной на визит в Прибайкалье год назад артистов из Гейдельберга, познакомивших местных зрителей со своей версией классических «Разбойников» и спектаклем «Гретхен 89» по пьесе Люца Хюбнера. Кроме Гейдельберга, труппа выступит во Франкфурте.

14 мая. Вековой юбилей еще одного известного поэта — Иосифа Уткина — отмечают сегодня в Иркутске. Здесь он провел детство и делал первые шаги в творчестве. В 1924 году уехал учиться в Москву, где написал свои лучшие произведения. Сочетание свойственного тому времени революционного пафоса с мягкой лиричностью сделало его поэзию популярной в 30-е годы. В начале войны он ушел добровольцем на фронт, был ранен, стал военным корреспондентом, а в 1944 году, возвращаясь из командировки, погиб в авиационной катастрофе. В городе детства и юности именем поэта названа улица и установлена мемориальная доска.

23 июля. Фестиваль поэзии с участием отмечающего 70-летие Евгения Евтушенко открылся сегодня в Прибайкалье. Праздник начался в городе Братске презентацией только что вышедшего в свет в Иркутске нового издания его поэмы «Братская ГЭС», которую предваряет ставшая теперь крылатой строчка «Поэт в России — больше, чем поэт». Произведение было написано ровно 40 лет назад, и не случайно автор встретился с ветеранами строительства знаменитой гидроэлектростанции на реке Ангаре. Фестиваль под девизом «Нет лет!» продлится до 30 июля.

6 сентября. На 81-м году жизни в городе Ангарске Иркутской области скончался старейший сибирский поэт, член Союза писателей России Валерий Алексеев. Первые свои стихи он опубликовал в 16 лет. Затем случилась война, бои под Ельней, ранение, работа на оборонном заводе. Учился в МГИМО, откуда в 1948 году был исключен и осужден по печально известной 58-й статье. Он автор семи поэтических книг, в которых предстает тонким лириком, человеком, много пережившим, но не озлобившимся, совестливым и отзывчивым.

15 сентября. Во второй раз в главном городе Прибайкалья сегодня открывается Всероссийский театральный фестиваль современной драматургии имени Александра Вампилова. Из 50 пожелавших показать свое искусство сценических коллективов страны приглашены 12. Отборочную комиссию возглавляет писатель Валентин Распутин, и главным критерием отбора явились «не изыски драматургии и режиссуры, а проповедь доброты, человечности и других нравственных ценностей». Среди участников фестиваля театр на Покровке (Москва), Санкт-Петербургский имени Ленсовета, труппы из Архангельска, Белгорода, Нижнего Новгорода, Омска и других городов.

24 сентября. Около 100 издательств и торговых фирм из разных городов России представлены на открывающейся сегодня в Иркутске выставке-ярмарке «Байкальский книжный салон». «Такое мероприятие мы проводим впервые, и важно, чтобы оно оказалось замеченным и востребованным нашими жителями и гостями», — сказал генеральный директор международного комплекса «Сибэкспоцентр» Анатолий Коцарь. Состоятся представления целого ряда новых изданий, «круглые столы» на темы «Региональный книжный рынок: сложившаяся структура и перспективы развития», «Местные издательства на пути к читателю» и другие.

1 октября. К отмечаемому в эти дни своему 75-летию Иркутский театр юного зрителя поставил спектакль по повести Валентина Распутина «Прощание с Матерой». По словам режиссера Александра Ищенко, спектакль рождался в тесном содружестве с автором повести. Спектакль, как считает режиссер, «очень точно изобразил эстетику 1960-х годов, когда был расцвет литературы, театра, когда рождалось "Прощание с Матерой"». Между тем сам Распутин называет спектакль

современным. «Все потери, которые произошли, случились не тогда, когда затопили остров Матеру. Сейчас возможна гораздо большая потеря — всей нашей Матеры. Земля — это тоже остров, это та же самая Матера. Вот это ощущение опасности передано в этом спектакле», — сказал писатель.

10 октября. Валентин Распутин написал и издает повесть о жизни современного города. Она печатается в выходящем в Иркутске журнале «Сибирь» и также скоро увидит свет в столичном «Нашем современнике». Повесть называется «Дочь Ивана, мать Ивана». «Это произведение, — сообщил писатель, — было начато несколько лет назад. И вот я вернулся к нему, решив, что всякое дело должно иметь свой конец. В нем нынешняя жизнь, нынешние люди, нынешние события». По словам Валентина Распутина, «сегодня в литературе должен присутствовать волевой элемент, ей необходим герой с сильным характером». И такой характер он вывел в образе главной героини.

21 декабря. В очередной раз в качестве режиссера на своей родине в прибайкальском городе Черемхово выступил драматург Владимир Гуркин. Сегодня на сцене местного драматического театра прошла премьера спектакля по его новой пьесе «Плач в пригоршню». Ранее Гуркин уже поставил здесь свою знаменитую «Любовь и голуби», а также «Кадриль». И всякий раз он отходил от первоначального текста, вводил дополнительные мизансцены, менял диалоги, объясняя это тем, что у всех его произведений «есть реальные прототипы, и они должны быть узнаваемы».

2004

22 января. Поэт Анатолий Жигулин, можно сказать, один из героев увидевшей свет книги руководителя службы общественных связей территориального управления исполнения наказаний Минюста РФ Александра Наумова «Тюрьмы и лагеря Иркутской области». Согласно приведенным в ней документам, до Октябрьской революции в Прибайкалье было шесть тюрем, а в советское время число мест заключения достигло 96. В 1949 году был создан особый лагерь для политических узников под названием Озерлаг, через который прошли певица Лидия Русланова, дочери атамана Семенова и многие другие. До сих пор жив последний начальник этого лагеря 93-летний Сергей Евстигнеев.

19 февраля. Выставка, посвященная 25-летию издания «Литературных памятников Сибири», открылась сегодня в Иркутской областной публичной библиотеке имени Ивана Молчанова-Сибирского. На ней представлены как книги этой серии, так и другие издания авторов, живших в XVII-XX веках. Первый том «Литературных памятников Сибири» увидел свет в 1979 году. Это было «Житие протопопа Аввакума», отпечатанное тиражом 100 тысяч экземпляров и разошедшееся по всей стране. Всего к читателю пришло 23 тома. В начале 1990-х годов издание серии прекратилось.

16 марта. Антология сибирского рассказа XX века издана в Иркутске. В 600-страничном томе вместились произведения 32 литераторов разных поколений. Особый интерес вызывают произведения, относящиеся к первым десятилетиям ушедшего века. Это рассказы Владимира Зазубрина, Павла Нилина, Исаака Гольдберга и других писателей. В коротком жанре запечатлено суровое время Великой Отечественной войны. Из авторов второй половины столетия выделяются

Валентин Распутин с рассказом «Женский разговор» и Александр Вампилов, в совсем молодые годы пробовавший себя в прозе, с «Солнцем в аистовом гнезде».

15 апреля. Традиционный международный фестиваль поэзии на Байкале открывается сегодня в Иркутске. Его организаторы — Минкультуры РФ, администрация области и Союз российских писателей. Нынешний фестиваль уже четвертый по счету. На этот раз к сибирякам приехали представители русской поэзии за рубежом, в том числе Равиль Бухараев и Лидия Григорьева (Англия), Лариса Щиголь (Германия), Андрей Грицман (США), Александр Радашкевич (Франция).

31 мая. Минувшей ночью в центре Иркутска совершено надругательство над памятником драматургу Александру Вампилову. Неизвестные облили его голову гудроном, отчего грязными потеками испачканы плечи и особенно лицо. Бронзовая фигура автора «Этим летом в Чулимске» и «Утиной охоты» установлена по случаю его 65-летия на главной улице города в прошлом году. Памятник создал известный московский скульптор Михаил Переяславец на средства местных меценатов.

6 июня. Открытием выставки факсимильного издания рукописей Пушкина в главном городе Прибайкалья встречают день рождения поэта. Она развернута в усадьбе Волконских — областном историко-мемориальном музее декабристов. Восьмитомник рукописей — подарок ему от Пушкинского дома в Санкт-Петербурге. Известно, что почти 50 участников восстания 1825 года были сосланы в Прибайкалье, и со многими из них Александр Сергеевич дружил. Особенно романтична история взаимоотношений поэта с Марией Волконской, он был среди провожавших ее в далекий путь на Нерчинские рудники.

5 октября. Презентация новой книги писателя Валентина Распутина состоялась сегодня в Иркутске. Она прошла в рамках открывшихся здесь Дней русской духовности и культуры «Сияние России». В книгу включены последние рассказы и повесть «Дочь Ивана, мать Ивана». В основу ее сюжета лег реальный случай, произошедший в начале 1990-х годов: героиня за поруганную честь своей дочери убивает насильника. «Поднимать руку на человеческую жизнь — грех смертный. Но чем больше я раздумывал над ее поступком, чем больше ходил вокруг да около, тем больше понимал, что это не просто месть, это уже возмездие за жизнь», — считает автор.

4 ноября. «Такие личности, как Александр Колчак, при всей неоднозначности их деяний, достойны того, чтобы о них помнил народ», — прозвучало сегодня на открытии в Иркутске первого в стране памятника адмиралу Александру Колчаку. Скульптура высотой более пяти метров работы народного художника России Вячеслава Клыкова установлена недалеко от того места, где в феврале 1920 года полярный исследователь, активный участник русско-японской и Первой мировой войн был расстрелян по решению большевистского ревкома как руководитель белого движения, а тело его сброшено в прорубь реки Ангары.

2005 год

20 января. Книга «Созвучие», посвященная дружбе и творчеству писателя Виктора Астафьева и дирижера, основателя Московского театра «Новая опера» Евгения Колобова, издана в главном городе Прибайкалья. В нее вошли рассказы и эссе автора «Царь-рыбы» и «Последнего поклона», посвященные музыке, и

размышления музыканта о своей профессии. К изданию приложен компакт-диск с любимыми произведениями выдающегося прозаика в исполнении столичного коллектива. Идея книги, сказал ее издатель Геннадий Сапронов, родилась еще при жизни писателя и дирижера. Виктор Астафьев говорил, что нет на свете искусства выше, чем музыка, а Евгений Колобов считал произведения сибиряка образцом музыкальной прозы.

26 января. Скончался писатель Геннадий Машкин. Принадлежа к поколению Валентина Распутина и Александра Вампилова, в 1960-е годы он был участником «Иркутской стенки» талантливых молодых литераторов. Заявкой на незаурядное творчество Геннадия Машкина стала его повесть «Синее море, белый пароход», рассказывающая о взаимоотношениях японской семьи и русских на Южном Сахалине после Великой Отечественной войны.

23 апреля. Музей драматурга Александра Вампилова будет создан в Иркутске. Администрация города выделила для этого помещение в самом его центре — построенный в начале прошлого века доходный дом Юзефовича. В объявленное памятником истории и культуры здание уже перевезены мебель, документы и книги, принадлежавшие драматургу, собранные и бережно сохраненные Фондом его имени. «Мы надеемся, что к лету 2007 года, когда исполнится 70 лет со дня рождения и 35 лет со дня смерти автора «Старшего сына» и «Утиной охоты», удастся справиться с этой задачей», — рассказал председатель Фонда народный артист России Виталий Венгер.

16 мая. Презентация новой книги эпистолярного наследия писателя Виктора Астафьева прошла сегодня в главном городе Прибайкалья. Она включает переписку замечательного мастера прозы с известным литературным критиком Александром Макаровым. «Эпистолярное наследие писателя — целый пласт его жизни и творчества», — считает издатель Геннадий Сапронов. Ранее его усилиями увидела свет 25-летняя переписка Астафьева с еще одним литературным критиком Валентином Курбатовым.

24 мая. Ежегодный, пятый по счету фестиваль поэзии открылся сегодня в Прибайкалье. На этот раз в гости к сибирякам приехали мастера поэтического слова из Москвы и Санкт-Петербурга — Евгений Рейн, Виктор Куллэ, Санджар Янышев, Анатолий Кобенков. В течение недели они выступят перед читателями с чтением своих стихов, встретятся с молодыми авторами. К открытию фестиваля приурочен выход в свет очередного номера альманаха «Иркутское время» со стихами участников предыдущего и нынешнего литературных праздников.

16 июня. Мемориальная доска писателю Геннадию Машкину установлена сегодня в Иркутске. Ровесник Валентина Распутина и Александра Вампилова, он в 1960-е годы был участником, как тогда говорили, «Иркутской стенки» талантливых молодых литераторов.

19 августа. Премьерой спектакля «Сарафановы» в областном центре Прибайкалья отмечают 68-ю годовщину со дня рождения драматурга Александра Вампилова. Спектакль поставлен на сцене носящего его имя театра юного зрителя. По словам режиссера Виктора Токарева, за основу взята известная пьеса «Старший сын», но акцент сделан на варианте, который автор в свое время назвал «Мир в доме Сарафановых». Кроме данной премьеры, ко дню рождения драматурга приурочены презентация только что вышедшей в свет книги исследователя его творчества Сергея Смирнова «Недопетая песня» и ежегодно проводимое мероприятие под названием «Встреча друзей Александра Вампилова».

25 сентября. Всероссийский театральный фестиваль современной драматургии имени Александра Вампилова открывается сегодня в Иркутске. Он проводится раз в два года, и на этот раз примет на свои подмостки спектакли 16 театров из почти 50 пожелавших в нем участвовать. Как сообщили в оргкомитете фестиваля, в состав которого входит писатель Валентин Распутин, «отбор был жестким, с требованием не играть словом, а помнить его Господне происхождение и служить ему высотой и мерой».

24 октября. Состояние и проблемы литературной жизни Сибири и Дальнего Востока обсуждаются на «круглом столе», открывшемся сегодня в Иркутске. Его участники — главные редакторы издающихся на территории от Урала до Тихого океана общественно-политических и литературно-художественных журналов. «В нынешних условиях, когда работающие в регионах писатели зачастую не ведают, как живут, что и какого качества издают даже ближайшие соседи, журналы остаются теми мостиками, которые способны объединить литературное пространство», — рассказал председатель Иркутского отделения Союза российских писателей Борис Ротенфельд.

2006

22 мая. В главном городе Прибайкалья сегодня открывается фестиваль «Поэты Москвы — Восточной Сибири». Его проводят комитет по культуре администрации Иркутской области и Союз российских писателей. До конца мая поэты Тимур Кибиров, Ирина Ермакова, Дмитрий Быков, Кирилл Ковальджи, Анатолий Кобенков будут встречаться с читателями, вести мастер-классы с молодыми авторами, участвовать в «круглых столах» по проблемам литературной и общественной жизни. «Нынешний фестиваль поэзии шестой по счету», — напомнил руководитель регионального отделения Союза российских писателей Борис Ротенфельд.

23 мая. Побывать на Байкале бразильский писатель Пауло Коэльо, путешествующий по Транссибу, считает осуществлением давней мечты. «20 лет я мечтал об этом, и вот теперь находиться недалеко от озера Байкал — осуществление моей мечты», — заявил он, сойдя сегодня с поезда в Иркутске. Хотя тут же добавил: «Душа моя пришла сюда раньше тела, я приехал и вижу, что не чувствую себя иностранцем». Отвечая на вопросы журналистов, автор «Алхимика», «Пятой горы», «Книги воина света» и других сказал, что «поезд — это метафора, поскольку показывает, что все в движении». На просьбу ИТАР-ТАСС поделиться планами на самую продолжительную в поездке по Транссибу четырехдневную остановку в Иркутске и на Байкале, Пауло Коэльо ответил кратко и загадочно: «Доехать сюда — часть плана, который осуществляется. А дальше пусть все происходит так, как должно происходить».

26 мая. Завершается самая продолжительная в более чем двухнедельной поездке по Транссибу остановка в Иркутске и на Байкале бразильского писателя Пауло Коэльо. Сегодня на встрече с журналистами он заявил, что, побывав на озере, «почувствовал крепкое сильное сердце России». «На Байкале меня сразу же охватило желание войти в него, — сказал он. — Я не знаю, сколько точно была температура воды, но, наверное, градуса четыре. Когда погрузился в озеро, почувствовал, что как будто погрузился в сердце России. Было сильное состояние, я ощутил ее крепкое сильное сердце». Писатель признался, что много читал

о Байкале, «поэтому боялся разочароваться тем, что увидит». Однако реальность оказалась выше его ожиданий. «Я говорю не о шаманах и других каких-то экзотических вещах, я говорю о природе и контактах с обычными людьми, которые здесь стойко и мужественно живут своей жизнью», — отметил Пауло Коэльо. «Я надеюсь, что уникальность озера не будет нарушена. Ведь прекрасно, когда есть местная рыба, местный хлеб, местные напитки. Было бы плохо, если бы Байкал превратился в обычный международный курорт, никак не отражающий особенностей здешней жизни», — выразил надежду автор «Алхимика» и «Дневника мага».

27 мая. Путешествующий по Транссибирской железнодорожной магистрали бразильский писатель Пауло Коэльо создаст фильм об увиденном. Он сообщил сегодня об этом журналистам перед отъездом из Иркутска дальше на восток. «Я не составлял никакого сценария этого фильма, считая, что он должен родиться по мере того, как буду понимать увиденное. И сейчас, когда остается несколько тысяч километров до Владивостока, лучше представляется, как его необходимо построить», — сказал писатель. Паломник, как он себя называет, сделал три запланированные остановки на Транссибе — в Екатеринбурге, Новосибирске и Иркутске. Особенно большое впечатление произвело на него пребывание на Байкале. «Там я был в контакте с энергией Земли, я почувствовал крепкое сильное сердце России», — отметил писатель.

4 июня. На родине писателя Валентина Распутина — в районном центре Усть-Уда Иркутской области — сегодня освящен храм, построенный взамен разрушенного более 70 лет назад. Церковь Богоявления возрождена в основном на добровольные пожертвования местных жителей и организаций, а также предпринимателей Иркутска, рассказал председатель попечительского совета, директор Усть-Удинского лесхоза Александр Горбиков. Сам писатель внес 300 тысяч рублей, на которые в городе Каменск-Уральском были отлиты девять колоколов весом от 20 до 500 килограммов.

10 июля. Вечер памяти жертв катастрофы аэробуса А-310, среди которых оказалась и музыкант Мария Распутина, дочь писателя Валентина Распутина, проведут в ближайшие дни в Иркутске. Мария Распутина летела к родителям в гости, и в органном зале Иркутской филармонии должен был состояться ее сольный концерт. В аэропорту Марию встречал отец. Когда Распутин подошел к консультанту «горячей линии» и ему ответили, что в списке доставленных в больницу дочери нет, Валентин Григорьевич, рассказал сотрудник аэропорта, отошел в сторону — в глазах были слезы. В Иркутске прошло детство и юность Марии Распутиной, здесь она окончила музыкальное училище, из родного города уехала учиться в Московскую консерваторию. Она защитила кандидатскую диссертацию и при каждой возможности навещала Иркутск.

2 октября. На проходящих в Иркутске традиционных Днях русской духовности и культуры «Сияние России» писатель Валентин Распутин представил новое издание книги «Сибирь, Сибирь...» Работать над ней он начал более 20 лет назад. Автор побывал во многих уголках страны от Урала до Тихого океана и создал серию литературно-исторических очерков о Тобольске, Томске, Енисейске, Иркутске, Кяхте, а также о Байкале, Горном Алтае и других местах. В новое, третье издание вошли и главы, посвященные Транссибу и Кругобайкальской железной дороге.

7 октября. Презентация «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» прошла сегодня в Иркутске в рамках фестиваля «Дни русской духовно-

сти и культуры «Сияние России». «Пока увидел свет первый том, а всего их будет десять», — рассказала автор издания кандидат филологических наук Галина Афанасьева-Медведева. В течение 25 лет она занималась сбором материалов, вместе со студентами Иркутского государственного педагогического университета совершила более 140 экспедиций в 2250 населенных пунктов Иркутской и Читинской областей, Бурятии, Красноярского края и Якутии. Книга вышла с предисловием писателя Валентина Распутина.

19 октября. Иркутский академический театр драмы имени Николая Охлопкова вышел сегодня в Интернет со спектаклем по пьесе Александра Вампилова «Прошлым летом в Чулимске». Трансляция велась в реальном времени, действие на сцене снимали несколько камер, а зрителями могли стать жители на всех континентах планеты. Показ состоялся в рамках проходящего с 15 по 23 октября Интернет-фестиваля «Театральная паутина».

28 октября. 75-летие писательской организации и литературно-художественного журнала «Сибирь» отмечают в Прибайкалье. Как рассказал руководитель регионального отделения Союза писателей России Василий Козлов, «есть все основания считать годом рождения не 1935-й, когда состоялось его организационное оформление, а 1931-й, к началу которого структура была выстроена и в Иркутске начал издаваться журнал «Будущая Сибирь».

2007 год

26 января. Книга современных французских и швейцарских писателей «Истории с берегов Лемана» издана в Иркутске. Как рассказал редактор сборника член Союза писателей России Александр Лаптев, в нее включены 12 рассказов 8 авторов, которых «объединяет то, что все они живут на берегах озера Леман (Женевского), экзотикой и самобытностью напоминающего Байкал». Это уже четвертая книга, увидевшая свет благодаря совместным усилиям писателей России и Франции в рамках побратимских связей города Иркутска и департамента Верхняя Савойя.

2 марта. В залах Иркутского художественного музея имени Владимира Сукачева сегодня открылась фотовыставка, посвященная 70-летию писателя Валентина Распутина. Свои работы представил Борис Дмитриев, который более 30 лет фотографирует автора «Прощания с Матерой», «Уроков французского», «Живи и помни». «Так случилось, — рассказал Дмитриев, — что однажды Валентин Григорьевич задумал серию литературно-исторических очерков о городах Тобольске, Томске, Енисейске, Кяхте, Горном Алтае, сибирском Севере и стал приглашать меня в путешествия по этим местам. Понятно, что моя задача была фиксировать достопримечательности, так что порой мне было даже неловко наводить на него камеру. И все же иногда это происходило само собой, а иногда я соотносил образ писателя с теми или иными объектами. И теперь понимаю: делал правильно!».

12 марта. 100-летие со дня рождения байкальского сказочника Василия Стародумова отмечают в Иркутске. О творчестве автора «Омудевой бочки», «Хозяина Ольхона», «Бедового орешка» тепло отзывались Михаил Шолохов, кинорежиссер Александр Роу и другие ценители литературного слова. Однако при жизни, как сказал член Союза писателей России Евгений Суворов, «было не совсем понятное сопротивление со стороны нашей братии попыткам напечатать, широко влить в

творческую жизнь Иркутска и страны его произведения». Удалось опубликовать, да и то небольшим тиражом, всего 12 из 40 сказок. Теперь все они подготовлены к изданию.

13 марта. Выставка, посвященная 70-летию со дня рождения писателя Валентина Распутина, сегодня открылась в Иркутске. На ней представлены работы местных художников, лично знакомых с ним. Экспозиция открывается большим полотном Льва Гимова «Иркутская стенка». Так в 1960-е годы называлась группа молодых писателей, смело заявивших о своем творчестве. Вместе с Распутиным это были драматург Александр Вампилов, поэт Глеб Пакулов, прозаики Геннадий Машкин, Вячеслав Шугаев и другие.

15 марта. Писателю Валентину Распутину сегодня исполняется 70 лет. Этот день он встречает в Москве, а на родину в Прибайкалье приедет в апреле. Здесь подготовлен и выпущен в свет четырехтомник его произведений, областная публичная библиотека имени Ивана Молчанова-Сибирского издала указатель по его творчеству, занявший почти 500 страниц. В государственном университете, где он учился, пройдет научная конференция «Мир и слово Валентина Распутина».

16 апреля. Храм в честь святителя Иннокентия (Вениаминова) — митрополита Московского и Коломенского, апостола Сибири и Аляски (1797–1879) — возведут на его родине в селе Анга Иркутской области. Как сообщили сегодня в управлении местной епархии, в Анге предполагается создать духовно-просветительский центр имени святителя Иннокентия. С такой инициативой выступили архиепископ Иркутский и Ангарский Вадим и писатель Валентин Распутин.

26 апреля. Уникальную библиотеку русской поэзии XX века собрал житель города Братска Виктор Сербский — более 30 тысяч томов поэтических изданий, пятая часть из которых хранит автографы авторов. В его библиотеке — прижизненные сборники М. Цветаевой, В. Маяковского, О. Мандельштама, а также собственноручно подаренные книги А. Барто, С. Маршаком, А. Тарковским, К. Симоновым, Б. Окуджавой, Б. Ахмадулиной и другими. Сын репрессированных в 1930-е годы родителей, бывший детдомовец и инженер-металлург по профессии, 73-летний коллекционер увлекся собирательством поэтических изданий почти полвека назад. «Начал с первой зарплаты в Норильске, а затем уже не мог остановиться», — рассказал он ИТАР-ТАСС. Собиратель и сам увлекается стихосложением, издал несколько своих сборников стихов.

2 мая. В Иркутске вандалы осквернили памятник на могиле общественного деятеля, публициста и писателя XIX века Михаила Васильевича Загоскина. Разбито надгробие, выломаны тумбы вокруг захоронения, сообщили в региональном отделении Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. По словам заместителя председателя отделения Евгения Ячменева, это уже не первое осквернение памятника известному земляку. В 2004 году на средства предпринимателей города на его могиле установили гранитную плиту с барельефом взамен ранее украденного.

4 июня. Седьмой ежегодный фестиваль поэзии открылся сегодня в Прибайкалье. На этот раз в гости к местным любителям изящной словесности приехали столичные литераторы Максим Амелин, Виталий Калашников, Виктор Куллэ, Вадим Степанцов. Отсюда и родилось название фестиваля — «Москва – Байкал: поэзия без границ». Первым мероприятием стал мастер-класс, который гости провели для начинающих стихотворцев в Иркутском гуманитарном центре имени Полевых.

17 августа. Представлением новых книг и фильма о замечательном земляке сегодня в Иркутске открылись дни памяти драматурга Александра Вампилова, посвященные 70-летию со дня его рождения. Прошла презентация издания под названием «Мое слово о Вампилове» — собрание литературно-художественных сочинений и исследовательских работ учащихся школ и колледжей о нем. Еще одна книга «Столь долгое детство...» составлена из интервью с родственниками и записок тех, кто знал писателя в течение его короткой жизни. Воспоминаниям о нем посвящен и снятый режиссером Любовью Васильевой документальный фильм.

19 августа. Открытием мемориального дома сегодня в областном центре Прибайкалья отмечают 70-й день рождения драматурга Александра Вампилова. В двухэтажном здании, возведенном в начале прошлого века и капитально отремонтированном, предусмотрено разместить библиотеку, читальный зал, литературно-театральный салон. «Пока мы только расположили музейную экспозицию», — обратилась к гостям директор дома Галина Солуянова. Сегодня же в областном театре юного зрителя, носящем имя автора «Старшего сына», «Провинциальных анекдотов» и других замечательных произведений, пройдет торжественный вечер «Может быть, я смогу возвратиться...»

15 сентября. Всероссийский театральный фестиваль современной драматургии имени Александра Вампилова открывается сегодня в областном центре Прибайкалья. На его афише 15 спектаклей сценических коллективов из девяти городов страны. Только из Москвы приезжают четыре театра — имени Пушкина, Ермоловой, Малый и МХАТ имени Чехова. «Большая часть спектаклей, которые увидят зрители, поставлены по произведениям, написанным 30, 40 и больше лет назад, но они актуальны и по сей день», — рассказал президент фестиваля директор Иркутского академического театра драмы имени Николая Охлопкова Анатолий Стрельцов.

22 сентября. Спектаклем столичного Малого театра «Бедность не порок» завершился Всероссийский театральный фестиваль современной драматургии имени Александра Вампилова в областном центре Прибайкалья. В течение недели на трех сценах города выступили 14 театров, и так получилось, что значительную часть фестивальной афиши заняли спектакли, поставленные по его пьесам. «Это оправдано не только тем, что в этом году исполнилось 70 лет со дня рождения и 35 лет со дня гибели драматурга, — сказал президент фестиваля, директор Иркутского академического театра драмы имени Николая Охлопкова Анатолий Стрельцов. — Понятие «современность» не ограничивается временными рамками, пьеса может быть актуальной вне зависимости от того, когда она написана».

7 октября. В городе Тулуне Иркутской области сегодня открыта мемориальная доска писателю, лауреату Государственной премии Павлу Нилину (1908-1981). Он родился в Иркутске, в молодости работал кочегаром, слесарем, служил в уголовном розыске в Тулуне. Увиденное и пережитое там нашло отражение в написанных в период «оттепели» повестях «Испытательный срок» и «Жестокость», по которым также были сняты художественные фильмы. «Острая постановка нравственных и общественных проблем оставалась главной в творчестве Павла Нилина. Поэтому хотя значительная часть его жизни прошла в Москве, мы не должны забывать это имя», — сказал на открытии памятной доски иркутский предприниматель и меценат Виктор Бронштейн.

26 ноября. Подведением итогов конкурса артистов театров сегодня в Прибайкалье завершился Год памяти Александра Вампилова. Он был приурочен к 70-ле-

тию со дня рождения и 35-летию гибели замечательного драматурга-земляка. Гран-при за музыкально-литературную композицию «Александр Вампилов и Николай Рубцов» (жизненный путь последнего также оборвался в 35 лет) получили актеры академического театра драмы имени Николая Охлопкова Степан Догадин и Евгений Солонинкин. Специального приза удостоены исполнители ролей в первом спектакле «Старший сын» на иркутской сцене в 1969 году Тамара Панасюк и Геннадий Марченко.

2008 год

20 января. 100-летие со дня рождения писателя, лауреата Государственной премии СССР Константина Седых (1908–1979) отмечают сегодня в областном центре Прибайкалья. В библиотеках города открылись книжные выставки. В театре юного зрителя имени Александра Вампилова пройдет торжественный вечер памяти писателя. Седых родился в Читинской области, долгое время жил в городе на Ангаре, в котором и был похоронен. Здесь увидели свет несколько сборников его стихов, однако главной книгой жизни писателя стал роман «Даурия», удостоенный Государственной премии.

9 февраля. День памяти Александра Пушкина в Иркутском областном историко-мемориальном музее декабристов отмечают сегодня моноспектаклем «Маленькие трагедии». В исполнении артистов Александра Чернышева (художественное слово) и Юрия Исаева (фортепьяно) прозвучат пьесы «Скупой рыцарь» и «Моцарт и Сальери». «Мы традиционно здесь, в усадьбе Марии и Сергея Волконских, отмечаем все даты, связанные с жизнью и творчеством Александра Сергеевича. Они проходят в форме спектаклей, концертов, литературно-музыкальных салонов», — рассказал директор музея Евгений Ячменев.

28 мая. Финальная часть традиционного регионального конкурса «Молодость, творчество, современность» началась сегодня в Прибайкалье. В ней примут участие около 200 представителей талантливой молодежи из 15 городов и районов области, а всего с зональными смотрами в нем приняли участие более 2 тысяч человек. В этом году победителей будут выбирать в 23 номинациях — от прозы и поэзии до актерского и монументально-декоративного искусства. Нынешний конкурс под таким названием проводится в 17-й раз.

2 июня. Фестиваль русской словесности «Этим летом в Иркутске» впервые открылся сегодня в областном центре Прибайкалья. Как рассказал ИТАР-ТАСС инициатор праздника издатель Геннадий Сапронов, фестиваль будет проходить в форме вечеров в зале академического театра драмы имени Николая Охлопкова. Так, в первый день состоится встреча с поэтом Владимиром Костровым, который представит только что увидевший свет в Иркутске сборник стихов «Дорога на родину». Следующим ожидается вечер известного литературоведа Игоря Золотусского с его также изданной в этом сибирском городе книгой «Смех Гоголя». Интерес у местных любителей литературы вызывает предстоящая встреча с директорами музеев-заповедников в Ясной Поляне и Вешенской — праправнуком Льва Толстого Владимиром Толстым и внуком Михаила Шолохова Александром Шолоховым.

12 июня. Спектаклями по Чехову и Вампилову начинает сегодня гастроли в Крыму (Украина) Иркутский академический театр драмы имени Николая

Охлопкова. Они откроются выступлениями в Симферополе, а затем пройдут в Ялте, Евпатории и Севастополе, рассказал ИТАР-ТАСС директор театра Анатолий Стрельцов. В гастрольной афише сибиряков четыре спектакля: по Чехову — «Дядя Ваня» и «Вишневый сад» (в версии театра — «Сны Ермолая Лопухина») и по Вампилову — «Прошлым летом в Чулимске» и «Старший сын».

20 июля. Поэт Евгений Евтушенко, отмечающий свой 75-й день рождения, сегодня отправляется по городам и всяем малой родины — Прибайкалья. Первая остановка, рассказали в департаменте культуры администрации Иркутской области, — город Братск. Будучи в немилости у властей, Евтушенко написал в середине 1960-х поэму «Братская ГЭС» и ее главы впервые прочитал перед жителями тогда еще молодого сибирского города. Затем поэт направится в Зиму, где сохранился дом его бабушки и в котором теперь открыт музей. Юбиляра также ждут в Ангарске, Иркутске, Бодайбо, Качуге. 10-дневную поездку на малую родину он не случайно назвал «Романом с жизнью» — так называется вышедшее в Прибайкалье подарочное издание его избранных произведений.

14 августа. Писатель Валентин Распутин сегодня совершил погружение на дно Байкала. Известный 71-летний литератор участвует в научной экспедиции, проводящей глубоководные исследования с помощью батискафов «Мир». Он «нырнул» на глубину почти 900 метров. Погружения прошли в районе базирования экспедиции — в акватории порта Турка восточной части Байкала. Как сообщили ИТАР-ТАСС в штабе экспедиции, «Распутин осуществил свою давнюю мечту, совершив глубоководное погружение в Байкал на борту батискафа «Мир», после чего писатель сказал, что он в восторге от увиденного».

7 октября. Свои новые книги «Земля у Байкала» и «Век живи — век люби» представил сегодня на открывшемся в Иркутске традиционном фестивале «Дни русской духовности и культуры «Сияние России» писатель Валентин Распутин. Первая включает литературно-исторические эссе автора об озере Байкал, Кругобайкальской железной дороге, Иркутске и ряде других мест. В издании более 600 работ фотохудожников, оно выпущено на двух языках — русском и английском. «Земля у Байкала» полезна иностранцам, но нужна, на мой взгляд, и нам — русским людям, особенно молодежи», — сказал Распутин на презентации. Во вторую книгу вошли повести писателя «Последний срок», «Дочь Ивана, мать Ивана», а также несколько рассказов.

— В областном центре Прибайкалья сегодня открыты мемориальные доски писателям Георгию Маркову (1911-1991) и Агнии Кузнецовой-Марковой (1911–1996). Они установлены на доме, где с 1939 по 1956 годы жили будущий председатель правления Союза писателей СССР и его супруга. Память о чете Марковых увековечена по инициативе дирекции областной государственной публичной библиотеки имени Ивана Молчанова-Сибирского.

30 октября. Мемориальная доска поэту Анатолию Жигулину (1930–2000) открыта сегодня на здании вокзала железнодорожной станции Тайшет в Иркутской области. В возрасте 19 лет автора будущих книг «Рельсы», «Соловецкая чайка», «Калина красная — калина черная» обвинили в принадлежности к молодежной подпольной организации и, приговорив по 58-й статье к 10 годам лишения свободы, отправили в Сибирь. Здесь в качестве заключенного он работал на строительстве железной дороги Тайшет–Лена. Инициатива увековечить память Жигулина принадлежит Иркутской организации Союза писателей России.

2009 год

30 марта. Около 400 произведений поступило на конкурс молодых драматургов в рамках очередного Всероссийского театрального фестиваля современной драматургии имени Александра Вампилова, который пройдет в Иркутске с 8 по 15 сентября. «Из этого количества работ, полученных от авторов, живущих в разных уголках страны, уже отобрано 10 лучших», — сообщила член оргкомитета фестиваля, литературовед Валентина Семенова. По ее словам, «главным нашим консультантом в отборе был Вампилов, его взгляд на жизнь и театр, и хотя герои его пьес — далеко не ангелы, но они всегда стремятся к свету».

19 мая. Презентация только что увидевшей свет книги «Виктор Астафьев. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник. 1952–2001 годы» прошла сегодня в областном центре Прибайкалья. Представивший 800-страничный том писем мастера русской литературы издатель Геннадий Сапронов сообщил, что в 2002 году он впервые опубликовал переписку Астафьева с литературным критиком Александром Макаровым. Затем была издана переписка с другим литературным критиком, Валентином Курбатовым. «После этого ко мне стали стекаться исповедальные, философские, глубокие письма Астафьева из разных уголков России», — сказал Сапронов.

21 июня. «Этим летом в Иркутске» — под таким названием сегодня в областном центре Прибайкалья открываются литературные вечера, посвященные юбилеям нынешнего года — Александру Пушкину и Виктору Астафьеву. Под знаком 210-летия со дня рождения Пушкина пройдет встреча с литературным критиком, профессором Российской академии словесности Валентином Курбатовым. На другом вечере будут вспоминать замечательного писателя-сибиряка Виктора Астафьева, которому в этом году исполнилось бы 85 лет. Иркутский издатель Геннадий Сапронов выпустил в свет книгу «Созвучие», в которую вошли размышления и письма большого мастера русской прозы о музыке, ее значении в жизни и творчестве любого человека.

8 сентября. Спектаклем «Братья и сестры» по роману Федора Абрамова Малого драматического театра — Театра Европы под руководством Льва Додина из Санкт-Петербурга сегодня в городе на Ангаре открывается Всероссийский театральный фестиваль современной драматургии имени Александра Вампилова. А всего в его программе 15 работ сценических коллективов, — сообщил президент фестиваля, директор Иркутского академического театра драмы имени Н.Охлопкова Анатолий Стрельцов. Критериями отбора спектаклей является стремление «видеть театр не «развлекаловкой», а властителем дум», подчеркнул он. По традиции здесь не определяют лучших. «Нет первого и последующих мест. Все те, кто приехал к нам, уже лучшие, приглашение — это уже награда», — сказал Стрельцов.

2010

26 мая. Первые книги из серии избранных произведений сибирских писателей и поэтов изданы в Иркутске. Уже увидел свет сборник рассказов девяти авторов, название которому дал рассказ Валентина Распутина «Изба». Отдельный том посвящен творчеству Альберта Гурулева — еще одного представителя вошедшей в историю отечественной литературы иркутской «писательской стенки» 60-х годов

прошлого века. Также выпущен том стихов, поэм и сказок поэта Михаила Трофимова «Снегиревка». Серия задумана региональным отделением Союза писателей России при поддержке областного министерства культуры и архивов.

9 июня. «Этим летом в Иркутске» — традиционные литературные вечера под таким названием открываются сегодня в столице Прибайкалья. Любители словесности почтят память недавно ушедшего из жизни инициатора их проведения книгоиздателя Геннадия Сапронова. Год назад по реке Ангаре, Братскому, Усть-Илимскому и зоне затопления будущего Богучанского водохранилища проехала экспедиция в составе писателя Валентина Распутина, литературного критика Валентина Курбатова, Геннадия Сапронова и кинорежиссера Сергея Мирошниченко. Последний снял об этой поездке фильм, который называется «Река жизни», и его запланировано показать на фестивале.

11 июля. Ежегодный, 10-й по счету международный фестиваль поэзии открылся сегодня в Прибайкалье. Среди его гостей — Олег Чухонцев, Бахыт Кенжеев, Сергей Гандлевский, литераторы из соседних сибирских регионов. Кроме выступлений перед читателями, запланированы «круглые столы» и творческие дискуссии на темы: «Значимость поэта в обществе. Власть и поэт», «Мужская и женская поэзия», «Расширение поэтического пространства, новые формы существования поэта». В рамках последней темы пройдет конкурс видеопоззии с призовым фондом 100 тысяч рублей.

26 ноября. На берегу озера Байкал в поселке Листвянка по протесту общественности прекращено строительство гостиницы рядом с памятником драматургу Александру Вампилову. «Договор аренды на земельный участок со строительной компанией, которая планировала возвести гостиницу, расторгнут, и мы готовы оказать содействие областному фонду имени Александра Вампилова в оформлении договора с тем, чтобы площадь, которую занимает памятник, и его охраняемая зона были узаконены, и никто не мог там ничего строить», — сказали в администрации района, в состав которого входит поселок.

2011 год

10 мая. Выставка, посвященная 85-летию со дня рождения писателя и общественного деятеля Марка Сергеева (1926–1997), открылась сегодня в Иркутском областном краеведческом музее. Марк Сергеев — автор 15 поэтических сборников. В 1960-е годы он возглавил областное отделение Союза писателей России, редактировал литературно-художественный альманах «Ангара», был организатором конференций «Молодость, творчество, современность», инициатором создания регионального отделения Российского фонда культуры, регулярного выпуска в свет журнала для детей «Сибирячок». Его имя носит областная детская библиотека.

19 августа. Спектаклем «Здравствуй и прощай!» сегодня в Иркутске отмечают 74-й день рождения и 39-й день гибели драматурга Александра Вампилова. Премьера состоится в театре юного зрителя, носящем имя автора «Провинциальных анекдотов», «Утиной охоты» и других широко известных пьес. Как рассказали в министерстве культуры и архивов области, одноактный спектакль поставлен по произведениям драматурга. Перед началом постановки торжественно объявят имена первых лауреатов премии «За верность традициям шестидесятников», учрежденной Фондом имени Вампилова.

22 сентября. Имя автора сценария культового фильма «Любовь и голуби» драматурга Владимира Гуркина (1951-2010) присвоено Черемховскому драматическому театру в Прибайкалье. Распоряжение об этом подписал губернатор — председатель правительства области Дмитрий Мезенцев, сообщили сегодня в пресс-службе главы региона. Владимир Гуркин с детства жил в городе Черемхово. В 1971 году окончил Иркутское театральное училище, работал актером в Иркутском театре юного зрителя. В 1984 году он написал одноименный киносценарий, по которому режиссер Владимир Меньшов снял художественный фильм с блистательными Ниной Дорошиной, Александром Михайловым и Людмилой Гурченко. В последние годы жизни Владимир Гуркин тесно сотрудничал с Черемховским театром, где в качестве режиссера поставил ряд спектаклей.

ПОЭЗИЯ

НАДЕЖДА ЧЕРНЫШЁВА

«Со светом воскрешенья жить...»

Огонь благодатный

Беззвучен миг. Миг ожидания.
Миг, устремлённый в небеса.
Растёт и ширится молчанье.
Мольбою светятся глаза.

И негасимым высшим чудом
Затрепетал огонь — завет.
Всеглавный миг. Любовь среди смуты.
Средь заблуждений наших свет.

И руки тянутся, и души
Со светом воскрешенья жить.
О, как бы миг тот не разрушить!
И навсегда в земном продлить.

О, благодать огня и пенья!
И ликование, и слеза.
И нет границ тому горенью,
И звёздам, глянувшим в глаза.

ЧЕРНЫШЁВА Надежда Валентиновна родилась в городе Слюдянка. Автор двух сборников стихов: «Сокровенный свет» (1995) и «Берёзовый прибой» (2000). Подборка стихов Надежды Чернышёвой была напечатана в московском литературно-художественном альманахе «Моя талантливая Русь» (№ 1, 2008 г.). Живёт в Иркутске.

Колокола

Протяжный длинный колокольный звон.
Расширилось и распрямилось время.
Призывом к высшему. Бим-бом, динь-дон.
И в звуках этих суетное немо.

В смятениях тревожного огня
Высвечивает душу до предела,
Чтоб истина среди ошибок дня
Не заслонила и не потускнела.

Звонят. Слова небес. Колокола.
К смирению зовут и к примиренью,
Чтоб рядом были небо и земля,
Средь заблуждений просветленьем.

Всё громче звон. Весомей, тяжелей.
В воскресный день к путям воскресным.
Всё глубже, полновзвучнее, смелей,
Земное заполняя всенебесным.

Валаам

На отдалённом севере России,
Открытый всем ветрам и всем лучам,
Под небом праведным, прозрачно-синим —
Дух святости, лик веры — Валаам.

Как древней величавости сказанье.
Как отголосок дальней глубины.
И куполов, и тишины сиянье.
Слиянье неба — ладожской волны.

Вблизи Собор Преображенья — Спасский.
Застыла в куполах столетий даль.
И не скудеют света-неба краски,
Но затаилась в глубине печаль.

И трудно нам поверить, что когда-то
Вершился здесь бесславья приговор.
И живы до сих пор той скорби даты.
И нескончаем колокольный звон.

Здесь глубиью, ширью время затаилось
И вознеслось до самых облаков.
Здесь кружат чайки, словно Божья милость.
Молитвой вечной звон колоколов.

Москва

Глубь, начальность стозвонная.	Сила русская росная.
Град торговый — Москва.	Гордость пела в очах.
Даль времён опалённая	Доброта златоносная
Позвала сквозь века.	Расцвела в речах.
Крендельки да бараночки.	Лайкры, сникерсы, орбиты
Лился торг не спеша.	Запестрели вокруг.
И былинно, и святочно	Чужеземные оргии,
Восходила душа.	Словно дьявольский круг.
На украсах монистовых	День пришедший сегодняшней.
Разгоралась заря.	Град торговый — Москва.
И плескалась лучистая	Зазывают полотнища,
Удаль, в лентах горя.	Да чужие слова.

Тургеневский дуб

Могучий дуб. Державный патриарх.
Касались и времён, и судеб листья.
Ты выросал на русских берегах,
Как великан Руси и гордый витязь.

Тургеневым посаженный титан.
И гордостью, и славою России.
И сколько было и похвал, и ран!
И самый тёмный день, и самый синий.

Ты выдержал великий груз времён,
Лихие дни и горькие безлетья,
То погружаясь в богатырский сон,
То снова всей листвою зеленея.

Но время век остановило твой.
И связь времён как будто сокрушилась.
Дубочек малый зашумит листвою,
Росток наполнится всерусской силой.

Орган

Звучит орган. Небес хорал.
Свеченье звуков. Бури света.
Всё, что терял и что искал
Среди закатов и рассветов.

Сияет, блещет высота.
Пространств призыв, времён всезвонность.
Мирская меркнет суета.
Полёт, паренье, преклонённость.

Звучит орган. Как приговор,
Небесная земному кара.
Как судный день, как неба взор,
Как смелось дерзкого Икара.

В лучах всех лунностей и звёзд,
В круженье вихрей над Вселенной.
Здесь мысль и чувства — в полный рост,
Здесь вечность кружит над мгновеньем.

* * *

Бабье лето, как женский расцвет. Час последний вокруг засиял. Вспышкой всех и потерь, и побед. И багрец, словно лет пьедестал.	Бабье лето, молчанье и крик. И закатный костёр не сберечь. Бабье лето, как зрелости пик. Шаль узорная падает с плеч.
---	---

* * *

По-царски в ризе золотистой На рушнике хлеб-каравай. С поклоном девица в мнистах. И душу русскую встречай!	Пословицы с ним и преданья, И слава русская полей. И чем труднее испытанья, Тем хлеб пышнее и белей.
И замирает миг. Будь тише! Любовь с молитвою — замес. Хлеб на хмелю живой. Он дышит. В нём дух земли и свет небес.	Обычай вспоминая старый, Как будто свет земли родной, — Поставлю на заре опару На хлеб воистину земной.

* * *

По дороге иду деревенской, Уводящей вглубь летнего дня. Небеса всею ширью вселенской, И слышнее вокруг тишина.	И росы многоцветные блёстки На поникшей сияют лозе.
В стороне зеленеет берёзка, Раскрываясь в привольной красе.	Чудотворен наряд приоконный. В васильках и ромашках межа. Золотые поля, как иконы. И молитвенной ивой душа.

* * *

Незаметность, неизбежность — осень. Как огонь, сжигающий дотла. Всё скупее и печальней просинь. Всё острее тишины игла.	С чем-то, с кем-то разлучила осень, Незапевным новою весной. Мимолетна у берёзок проседь. И без скорби лепесток лесной.
--	--

Откровеньем горькая рябина. Сладкой болью жаркий георгин. И пронзительней звенит осина. И прощальнее огни калин.	Наша осень смотрит, кружит строже. И бледнеет юности сирень. Может быть, поэтому дороже Каждый отцветающий мой день.
---	---

* * *

Спешим во времени по кромке Под тяжестью безликих дней. В мир погружаясь слишком громкий, Среди искусственных огней.	И чья-то грусть, тоска без меры. Руки доверчивость с мольбой. Но каждый час рассчитан верно Вполне устойчивой судьбой.
---	---

А где-то рядом волны плещут Вне времени и суеты. Листок берёзовый трепещет, И распускаются цветы.	В большом бесщётном марафоне Не светят истин купола. И жизнь, как в замкнутом вагоне. Дорога — вёрсты без числа.
--	---

* * *

Байкальская. Скорости века.
Автобусный шумный поток.
И тихая библиотека —
Раздумий, раздолий исток.

Иное значенье открытий...
Вне времени вечная суть.
Витки ариадниной нити.
И к сердцу, и к разуму путь.

Стеллаж, формуляр, картотека.
В значенье едином большом.
Байкальская — библиотека.
Сердца согревающий дом.

Виват юбиляр!

ВАЛЕНТИНА СИДОРЕНКО

Неугасимая свеча

РАЗМЫШЛЕНИЯ К ЮБИЛЕЮ МИХАИЛА КОРНЕВА

Шестьдесят пять лет... Много это или мало? Всё познается в сравнении! В юности думалось, что после сорока лет жить не стоит. Потом выясняется, что в сорок лет жизнь только начинается. А там оглянуться не успеешь, как поплывут юбилеи. Очередные, дежурные... И твои годы будут считать другие. А сам ты их стараешься как бы забыть. Может оттого, что в жизни, какой бы протяженной она ни была, всё приходится начинать сначала. Опыт мало что дает! Времена меняются, и люди, увы, тоже меняются...

Если смотреть на жизнь Михаила Георгиевича как деятеля и сеятеля, то сделано очень много. Имя Корнева хорошо известно не только в Иркутске. Думаю, что и во всяком зарубежье, малом и отдаленном, его ценность или опасность значимые там особи тоже хорошо понимают.

Послужной список его тяжёл от множества деяний. Он включает в себя перечни спектаклей, поездок в самые горячие точки земного шара. В пекло боёв, в Донецк, в страдное пекло Новороссии, безбожную Европу и в родимые веси самых отдаленных ледовитых участков нашего сурового края. И везде ребят встречают как родных, ждут с волнением. Провожают со слезами... В 1999 году Америка бомбила Сербию, и ребята в знак солидарности с сербским народом вылетели в Белград, много раз они бывали в Чечне, когда там происходили известные события. Я уж не говорю о Луганске, где Михаил Корнев бывает до сего дня. Он написал гимн Луганску, и жители города избрали его почетным гражданином Луганска.

Корневцы, как их называют ныне в народе, певучие сами по себе, голоса сильные у них, звучные. Но суть успеха не только в этом. Не в физических данных наших красивых и очень талантливых актеров, и не в выборе песен, хотя к выбору репертуара коллектив Театра Народной Драмы относится очень строго. Соль в другом — поют они сердцем, чувствуя сокровенную суть стариной природной песни. Вот и ждут их с нетерпением «от Москвы до самых до окраин», потому что очень редки стали ныне встречи с подлинной культурой. Давит чертополох современной эстрады народную, живую речь...

А первая встреча с театром, сокращенно ТНД, произошла на улице. Шли последние советские годы, еще не угадывался развал Союза, но конец его уже был близок. Гремела перестройка. Либералы требовали перестраиваться. Телевизионный дебилизатор день и ночь трещал о гласности и свободе. И свобода хлынула, как сквозь открытые шлюзы, в виде половой распущенности, хамства, открытого грабежа народа и полного разрушения государственной экономики. Тут-то всякий и показал себя, кто чем дышит и на что способен. Определились собственные критерии и ценности... Но сие пришло позже, а пока только дули первые ветерки,

и народ их приветствовал, еще не осознавая, что таится под начинавшими таять, уже ноздреватыми снегами, и какое злосмрадие принесет начинающаяся очередная «оттепель». Но Бог не бывает поругаем и не оставляет нас во все времена, посылая своих Утешителей, Защитников...

Итак, где-то середина восьмидесятых, у пустых магазинов очереди за всем — маслом, мясом, водкой — этому перечню несть числа... Народ ворчит, и его ворчание, как шкворчание сковороды, темной аурой повисает в воздухе. И «вдруг» эту мрачную плотность пронзили чистейшие звуки свирели, и сразу крутой волною захлестнуло трещотками, сопелками, молодыми голосами. Запенились яркие костюмы с малиновым шитьем... Народ оживился, заулыбался. Многие начали подпевать, приплясывать. Трудно было сопротивляться молодой бьющей энергии этой еще стайки огненных ребят, почти подростков, с такой смелой лихвою разбудивших мрачную дрёму очередей. А это было начало будущего легендарного Театра Народной Драмы. Сокращенно ТНД...

В этой бурлящей стайке уже зижделся костяк будущего театра, созревший впоследствии в несокрушимый, жизнестойкий хребет. Именно так и зарождается всё истинное...

Вся группа была равной, все пылали до клеточки, были ярки, громогласны, талантливы, но двоих, уже в том времени, судьба отметила особо...

Владимир Дрожжин был чуть постарше ребят и стоял на возвышении в стонке, внимательно наблюдая за игрою своих подопечных. Да, в самом зародыше он управлял этой группой ребят. Ибо они были тогда еще группой, а не труппой, и управлял он ими энергично, властно, жестко... И все же, я не решаюсь назвать его создателем театра. Для создания нужен Созидатель, то есть упорный и жертвенный труд, безусловная любовь и к зрителю, и понимание высокой значимости своего призвания. И многое другое... Увы!

Сейчас, с высоты прожитых лет понимаешь, что всё оплачивается жизнью. И не мне судить какой ценой оплачивает Владимир главную, я считаю, ошибку в жизни и факт тяжелого предательства театра. А оно было. Можно было и понять вполне человеческую слабость, желание его более высокой карьеры, когда он практически бросил театр, уехав в Москву. Но то, что он рекомендовал городской администрации вместо себя человека, абсолютно чуждого русской культуре, не понимавшего её, и не желающего работать в её русле, это уже не только слабость. Это перечеркивало все пути театра, его суть и смысл существования. Это и есть предательство...

Другая судьбинная мета падала на крепкого, ладного паренька с рыжими подпалинами волос, тогда еще просто Мишу. Конечно, сразу в этом, изо всех сил голосившем и пляшущем хлопчике, трудно было опознать особую его судьбу, но при более близком знакомстве, беседах на 47 км, в музее «Тальцы», где мы проводили народные гуляния, я оценила ясный ум, точность реплик, смелость суждений наряду со сдержанностью и воспитанием в характере Михаила. И не зря, когда решалась судьба театра, быть ему или не быть, ребята решительно встали стеною за Михаила Корнева, отвергая кандидатуру своего бывшего предводителя и его ставленника. Корнева, можно сказать, отвоевали в тот судьбоносный день, где я была и участницей, и свидетелем этой нешуточной борьбы... И он не подвёл своих, уже можно сказать, родных артистов... В тот день они окончательно и бесповоротно вступили на самый тернистый, непроходимо узкий путь русской культуры. Потому что России не положено иметь свою культуру. Она есть что-то

криминальное, как и сам русский народ, который надо уничтожать... И уничтожают. По сию пору, по заповедям неких американских политиков, которые заявляют, что русских должно остаться на земле не более 15 млн, для обслуживания газовых труб и работы в шахтах и каменоломнях. А уничтожь песню, музыку, культуру народа, и он вымрет без войны...

Прежде всего, под новым руководством труппа театра начала с восстановления заброшенного и загаженного здания бывшего кинотеатра, который от широкой своей души администрация города отдала театру, поскольку не знала, что с ним делать. Оно требовало больших вложений, а на балансе города в строке культуры числился крупный пшик... Ремонтировали сами. Все делали своими руками, на ходу осваивая еще и строительные профессии.

Хочу запоздало оговориться, что очерк получается вроде очерка о театре, а замысел-то о его руководителе Михаиле Корневе. Да их и не разделить. Михаил Корнев сросся с театром, растворился в нём, и всё, что говорится о Театре Народной Драмы, это разговор о нем, о его бессменном директоре, художественном руководителе, главном режиссере театра, одном из лучших его актеров, заслуженном работнике культуры Михаиле Георгиевиче Корневе.

Вернемся к ремонту здания. Надо сказать, что иркутяне, а друзей у театра становилось все больше, с большим энтузиазмом приходили строить его. В их числе был и бывший тогда градоначальником, а позже и губернатор края Борис Александрович Говорин. Он очень активно помогал театру. Как человек умный, образованный, с редким для наших и правительственных вельмож государственным взглядом на судьбу Отечества, Борис Александрович быстро оценил талантливую энергию молодой труппы и старался направить её в полезное русло. Замечу, что Россия, и особо русский народ — это земля высокой древней культуры. И когда власть понимала это, содействуя природным началам культуры, то та расцветала как могучее дерево весной, и тогда крепло государство, здоровел и множился народ, расширялись границы, взаимодействовала торговля. И строго наоборот, если чуждые ветра обвеивали и травили древо, корни его загнивали... Так погибали целые цивилизации...

Однако театру нужны были деньги. Их зарабатывали, проводя народные гуляния в городах и селениях области, на 47 км по Байкальскому тракту. Это были по большому счету чрезвычайно важные события. Во-первых, потому что они были выстроены в народной традиции. А новое поколение уже не знало корневых начал и собственной речи, и песен, и хороводов... Восстановить их в памяти потомства — задача оборонного значения. Бог не в силе, а в Духе! Дерзну перефразировать святого Александра Невского. Высшая Правда и Дух едины. Культура как сосуды, питающие Дух из источников либо ключевых, либо грязной лужи. Даже вся полнота Церкви не обходится без неё: иконы, храмы, колокольные звоны, клиросы, украшения вечных книг — оклады и т. д. Задача творчества — нести живую воду из природных источников народа...

Именно поэтому обратил на молодую труппу свой взор тоже молодой епископ Вадим. Он и до этого частенько бывал в театре, но вскоре их дружба стала тесной. Вошел епископ в театр народной драмы как духовник, с иконой Божьей Матери. Эту икону ребята повесили в самом центре, высоко над сценою, как знак и символ того источника, из которого они черпают свои творческие силы...

И городская интеллигенция, высоколобые ученые и художники, артисты, заводские технари, священники, писатели, педагоги и театралы собирались в зри-

тельном зале театра и за дубовыми накрытыми столами. Говорили о насущном, о России, о творчестве, о русском. Пели народные песни... На вечерах постоянными гостями были ректор политехнического института Леонов, академик Салаяев, художники Рубцов, Костовский, Кузьмин, писатели Валентин Распутин, Скиф, Байбородин... всех и не перечислишь.

Сейчас, перечисляя эти высокие имена и вспоминая ушедших, думаешь: Боже, каких людей мы потеряли. Какой красоты и наполненности шли люди по нашей Прибайкальской земле. И каждый из них оставил в своей области богатое наследие, которое мы, неблагодарные потомки, забыли, а значит и потеряли, и земля наша не обогатилась их трудами. Беспамятство, считаю, смертный грех, ведущий к уничтожению наций и народов. И вся техническая цивилизация, прежде всего цифровая, работает на смерть народов, подчищая всякую память о них. Прогресс безумен, в итоге не имеет будущего. В традициях вышеописанных вечеров был помяник. Всех ушедших в мир иной участников уникальных этих событий. На кино, поминали под музыку. И заслуга Михаила Корнева в том, что он собрал в своем театре всех этих удивительных иркутян, и удерживал их имена и деяния в нашей памяти. Сейчас нужен Удерживающий. Вот главная идея русских вечеров, все участники которых были русскими по Духу, а потому и Православными по вере.

Застолья накрывались до ста почти человек. Все эти вечера имели свои традиции, русло, свой строй. Что-то особое и древнее возрождалось в этом уникальном сообществе от царских пиров до славянских собраний времен Аксаковых и Гоголя. На хорах театра через переборки во все глаза и уши внимала взрослым молодежь... Для неё это была великая школа общения. Не дымных, полунаркотических страшных тусовок, а живых и радостных встреч и познания своей культуры, своего народа. Кстати, при театре от начала по сию пору работает школа для двух возрастных групп, для младших деток и подростковая: «Лапоток» и «Витязи». Они легко вживаются в атмосферу коллектива, учатся петь, танцевать, шить и понимать костюмы, в которые тайнозримо вложены жизненные законы нашего народа.

Вообще педагогике Михаил Корнев уделяет большое внимание. Достаточно взглянуть на репертуарную афишу театра и увидеть, что самое видное место занимает в театре русская народная сказка. Ставятся как народные сказки — классические, на которых выросло не одно поколение в России, так и сказки современных авторов. От Владимира Крупина до Светланы Волковой. Сказка сама по себе имеет воспитательное значение.

Ирина Сергеевна, красивая, деятельная, умная — верная Пенелопа, тоже тщательно отслеживает репертуар театра. Особенно детский. На ней ведь не только техническая забота о театре. На ней практически всё. И делает она это спокойно, бесшумно, как бы незримо. Конечно, как сказано в Святом Евангелии, не может укрыться город, стоящий на вершине горы, и зажегши свечу не прячут её, так как она должна освещать всё...

Свеча театра разгорелась и светила ярко. И свет её жалил завистливое око либеральной среды. А как известно, террор среды ядовитее и опаснее гонения властей. Чтобы обезопасить театр от клеветы и нападок, Михаил Георгиевич подался в депутаты городской думы. И переизбирается все её созывы. Потому что и эту работу он делает совестливо, тщательно, общаясь, как с родными, с жителями района. Он радеет о благоустройстве города также творчески.

Много чего делал и делает бессменный голова ТНД для защиты театра и по зову сердца, глубинно понимая, что такая деятельность важна прежде всего культуре нашего народа. Назову только два знаковых ежегодных действия — два фестиваля, всемирный и российский. Это «Золотой Витязь», проводимый Николаем Бурляевым, и «Играй, гармонь» Заволокиных. На этих фестивалях Театр Народной Драмы стал подпоркой и украшением фестивалей. Залы вставали, когда игрались и народные представления, и пелись гимны на слова и музыку Михаила Корнева и «Встань за веру, русская земля» Андрея Мингалева. Если на фестивали приезжал театр, то значение и плотность их участников возрастала...

Кроме прочего Михаил Корнев налаживает крепкие связи с силовыми структурами не только области, но и России, без которых невозможными были бы поездки труппы театра во все вышеназванные точки мира. А эта работа требует немалых сил и времени, дипломатии и культуры. Сам он, обладая прекрасными певческими данными, дает авторские концерты как на гастролях, так и на родной сцене...

Сейчас, вместе с настоятелем храма им. Святого Александра Невского они приступают к строительству одноименного храма в своем районе. Имя Александра Невского, защитника России, её героя и Покровителя особо звучит для Михаила Корнева. Недаром его последняя полностью авторская работа, и режиссерская, и литературная, посвящена этому святому и имеет громадный успех. Потому что спектакль поставлен вовремя. Святых вообще Господь посылает вовремя. Они приходят к нам в нужный час...

С церковью у театра тесные связи. Уже то, что во многих храмах епархии они сотворили иконостасы и отремонтировали их, заброшенные, забытые, вдыхая в храмы новую жизнь, дорогого стоит...

Много, много чего сделано за эти годы театром. И всякое деяние уже возмужавшей труппы — это руководство, опыт, творческий взор, чутье и любовь его бессменного вожака, можно сказать, творца Михаила Георгиевича Корнева.

Много, конечно, пережил и он сам. Были и встречи, и радости, и успех. И предательство близких друзей, и уход актеров, на которых зиждется весь репертуар, из театра, таких, как Андрей Мингалев с его знаменитым сейчас гимном «Встань за веру, русская земля». К слову сказать, что такой гимн на музыку Агапкина мог родиться только в этом театре, в стихии живого русского слова, огненной, непритворной любви к России и боли за неё... Всё это надо было пережить. Недаром у Михаила Корнева рвалось сердце и лопались сосуды мозга... Тогда, я в этом уверена, помогли не только молитвы близких, но и молитвенная сила владыки Вадима, который в критический момент поднял на молебны всю епархию...

Михаил Георгиевич очень любит повторять одну притчу.

В некотором монастыре паломники очень стремились лицезреть святого, слава которого разносилась по всему краю. Тогда им показывали обычного старичка в простом подряснике, который на кухне сидел перед чаном с картошкой и беспрерывно чистил её. Когда у него просили чудес, он смиренно отвечал: «Я чудес не свершаю... Я только картошку чищу. Моё послушание — картошка... А чудеса Мать Божья творит...»

Вот и Михаил Корнев просто делает своё дело, с любовью и тщанием, а чудеса — огонь любви к Отечеству, который зажигается в сердцах зрителей...

Много, повторюсь, сделано за эти годы. Всего не перечислишь. Окормляют нынешнее и, может, будущие поколения. Про всё писать — библиотека наберется.

Но у нас на сегодня другие задачи — обозначить очередную вешку большого жизненного и творческого пути одного из самых ярких наших современников.

Я часто наблюдаю Михаила Корнева на премьерах спектаклей и праздниках в театре. Как он стоит за кулисами, строгий, подтянутый, с серебром, пробивающим его красивую голову. Иногда жестами, руками посылающий работающим актерам только им ведомые знаки. И на сцене тут же внимают его знакам. Супруга его, Ирина Сергеевна, стоит у входа в зрительный зал — следит за порядком, такая же внимательная и красивая, очень похожая на мужа. И в глазах супругов видим ясный пламень, тот огонь, который уже пылал у них там, под открытым иркутским небом, у молодых, звонких, любящих. Этот пламень любви и верности они несут сквозь всю свою единую жизнь. Она также следит за сценой и зрительным залом, словно опасается, как бы не угасла благодатная свеча священного огня русской культуры, действия Духа, зажженная театром в очередной раз. А она горит неугаемая, пламенеет от их глаз, от взволнованных сердец благодарных зрителей, от жемчужного языка, слов, которые искрами несутся со сцены.

С юбилеем Вас, дорогой Вы наш Михаил Георгиевич! Многая Вам лета.

С юбилеем, наш дорогой театр, который неотделим от своего создателя! Многая вам лета!

Театр народной драмы

МИХАИЛ КОРНЕВ

ЖИВЫЙ В ПОМОЩИ

РАССКАЗ-БЫЛЬ

Мы сидим на втором этаже луганской администрации в штабе округа луганского казачества, исторически относящегося к Всевеликому Войску Донскому. В помещение то и дело заходят бойцы ополчения, казаки. Атаман Рубан Леонид Александрович неспешно ведет беседу с бойцами, расспрашивает, подсказывает, планирует, кому и когда оказать помощь продуктами, обмундированием, снаряжением. Разговор идет о войне, о казаках, кто, где сейчас стоит, как идут боевые действия, есть ли потери. Мы внимательно слушаем. Мы — это игумен Пимен; режиссер документального кино Валерий Тимощенко и я, заместитель атамана Иркутского войскового казачьего общества, директор Иркутского городского театра народной драмы. Вчера нам удалось привезти в Луганск две машины гуманитарной помощи. А сегодня мы все вместе планируем отвезти ее на боевые позиции.

КОРНЕВ Михаил Георгиевич родился в 1958 году в городе Раменское Московской области. С детских лет по настоящее время живёт и работает в Сибири, в городе Иркутске. Один из создателей широко известного в России и за рубежом Иркутского городского театра народной драмы, директором и главным режиссёром которого является. С труппой театра неоднократно бывал в «горячих точках»: в Приднестровье, Югославии, Чечне, Сербии, Косово, Донбассе. Автор двух книг песен и рассказов. Печатался в журналах «Наш современник», «Родная Ладога», «Бийский вестник». Член Союза писателей России, Заслуженный артист России, Заслуженный деятель искусств России. Живёт в Иркутске.

Дверь отворилась, в комнату осторожно вошел высокий, средних лет казак в зимнем камуфляже. Был он сутуловатый, на не седой еще голове виднелись широкие залысины, которые он приглаживал сильными крупными ладонями. Казак да казак. Ничем он не выделялся. Только привлекали внимание снаряжённые «липами» на рукава бушлата зеленые ленты-пояса «Живый в помощи». И казачий взгляд... Серые глаза казака смотрели глубоко и спокойно, словно человек знал что-то, что высказать нельзя, а узнав это, обрел покой и силу.

Человек улыбнулся, оглядел сидящих за столом, поздоровался.

— Коля! Здорово, брат! — несколько казаков привстали навстречу. — Как ты?

— Слава Богу. — с улыбкой ответил Николай. — Со Счастья приехал. «Укропы» из минометов по позициям нашим бьют. От оно ихнее перемирие! Ну, ничего, терпеть можно.

Казаки обступили Николая, горячо заговорили о ребятах-казаках, ведущих боевые действия сейчас в поселке Счастье. К нам подсел атаман.

— Видали Колю? — как-то особо по-отцовски ласково спросил он. — Это ж наша легенда, а не человек! Разведчик, четыре месяца в плену у «нациков» был. Недавно только поменяли его на украинского полковника.

— Ребята, ребятушки! — заволновался батюшка Пимен, человек богатырской комплекции и добрейшей души. — Это ж надо услышать, это ж надо все узнать! — игумен притиснулся к Коле. — Коля, брат! Расскажи, как там в плену-то было? Небось несладко?

Коля улыбнулся, глянул на батюшку ласково и спокойно.

— Да ничего, отче, терпеть можно. Я же молился, чего они мне сделали бы?

— Расскажи, Коля, если можешь, — попросил батюшка.

— Да почему нет? — все так же спокойно и доброжелательно ответил казак. — Я ж тут в Луганске всю жизнь лесником был. Лес защищал, браконьеров, порубщиков ловил. А полгода назад, как началось все — в ополчение и сразу — в разведку. Повидал за это время много. Что сказать? «Бандеры», они «бандеры» и есть. Вроде украинская армия называется, а на поверку выходит «нацики», нацгады, людей не только убивают, но и мучают, детей, стариков расстреливают, дома жгут — одно слово гады. Так вот, если раньше немцы кожу человека на сумки, волосы женские на матрасы пускали, то эти дальше пошли. Убитых и живых потрошат на органы. Причем своих и наших. Бизнес такой, оно понятно, деньги большие дают.

Коля задумался, глядя серыми глазами куда-то сквозь окно. В казачьем штабе стояла тишина.

— Так вот... У нас в ЛНР с лета начали людей находить. Ну сами понимаете, как они выглядели после встречи с потрошителями. Надо было найти тех, кто эти дела творит. Мы их обозначили «мясники». И мне поставлена была командиром задача вычислить и найти этих «мясников». С добровольцем из России Женей Свиридовым мы почти полтора месяца ходили по тылам «укропов».

— Как ходили? — спросил молодой казак.

— А так. Я ж лесник. Одели мы с Женей форму и на «уазике» с документами объезжали леса.

— Так они еще с «укропов» штрафы требовали за уничтожение лесопосадок, — хохотнул батька-атаман. — Даже ругались на них.

— Было дело, — улыбнулся Коля. — Так вот... Под Лисичанском только напали на след «мясников», и — провал! Попались случайно. «Нацики» остановили «уазик», спросили документы, Женя ответил и тут один отскочил от машины, затвор автомата передернул и заорал: — «Це москали! Це москали!» — Нас повязали. На допросе тот «нацик» показал, что услышал «брянский акцент». А Женя точно ведь с Брянщины. Как тот учуял? Ну вот повезли нас, в камеру бросили. Я вижу, Господь испытание дает. Говорю: Женя, молиться надо. Начались дни плена. Били сначала не очень, на допрос каждый день, мол, сознавайтесь, что «наемники» из России, фэсбэшники-шпионы. Документы у нас «лесников», мы на своем стоим. А на четвертый-то денек пожестче с нами обошлись: мне два ребра сломали, Женьке голову разбили. Ну, ничего, терпеть можно. Я молитву творю, не бросаю и думаю, что поменялось? А оказалось, «интернет» подвел.

— На сайте написали? — спросил игумен.

— Нет... На нас у них ничего не было. А ведь они тоже интернет-войну ведут, сайты наши просеивают. И наткнулись по переписке да ссылке на одну страницу, где ребята наши казаки фотку выставили. А я на фотке во всей красе в казачьей форме. Ну и все...

— Ты смотри, а...? — с досадой хлопнул батышка большими ладонями по коленам. — Ну вот нельзя никакие фотографии выставлять, ну вот нельзя!

— Нельзя, — тихо вздохнул Коля. — Так Господь ведет. У меня «Живый в помощи» всегда со мной. Во, сейчас на рукавах нашиты, а раньше у сердца всегда они были. Заходит ихний следователь: «Ну, ты попался! Мы тебя долго будем на ремни резать, у нас с тобой время много!» Я ему говорю: «Вот видишь, девяностый псалом «Живый в помощи», что ты сделаешь со мной? Я молюсь. Господь говорит, ни один волос не упадет с головы твоей без Воли моей. Ты что сделаешь?» Он постоял, посмотрел как на больного, да и ушел. Бить уже стали утром и вечером. Ну, ничего, терпеть можно. В камере с Женей читаем «Живый в помощи», молитвы, какие помним.

Где-то через месяц вытащили меня, глаза пластиком заклеили, бросили в какую-то комнату. Кровь взяли. Через час слышу голос: «Ну что, казачок! Ты нас искал?» Я понял — это «мясники». «Может и искал» — отвечаю. «Ну вот и нашел. И молодец. Главное, анализы у тебя хорошие. Завтра оперировать тебя будем... На запчастях!» И захохотал. «Ты послушай. Я «Живый в помощи» читаю, ни один волос без воли Божьей с меня не упадет. Что ты можешь сделать?» — говорю спокойно ему. А его не вижу, глаза у меня заклеены. Слышу, молчит, потом сказал: «Ну, помолись, можа Бог поможе». Слышу: шаги, ушел.

Отвезли в камеру обратно, Жене рассказал, он говорит: «Ну вот, Коля, это всё, наверное». Я говорю: «Женя, ничего не всё. Читай: «...не придет к тебе зло и рана не приблизится телеси своему, яко Ангелам Своим заповесть о тебе сохранитья во всех путех твоих...» Читай, говорю, Женя, брат!» Женька с трудом на колени опустился, мы начали молиться, сколько по времени, не знаю, ночь прошла,

утром узнаю, «мясники» срочно уехали в другой район. Легче, правда, не стало. Допрос — каждый день, бьют — каждый день. Следователь особо меня хотел сломать, не понимал, ведь я в полной его власти, а как-то держусь. Хотел совсем унижить. Вызвал татуировщика.

— Кого вызвали? — опешил игумен Пимен.

— Татуировки который колет. Армия у них странная, кого там только нет... Ну и притащили, связали, следователь говорит: «Сделай ему на лоб наколку...» и похабные всякие маты говорит. «К вечеру наколем» — отвечает татуировщик. Следователь ушел, татуировщик мне: «Ну что, боишься?» Я ему говорю: «Не убоишься от страха ночного, от стрелы летящей во дни. Ты мне ничего не сделаешь». «Посмотрим» — говорит. До вечера сидел в помещении, а татуировщик вдруг начальству заявил, что устал, работу не делает, а утром вообще инструмент у него сломался. Так и не стал мне лоб портить... Слава Богу.

Уже месяц четвертый пошел. Мы в камере утреннее и вечернее правило ни дня не пропускаем. К нам мародеров-«нациков» кинули. Это ж сколько надо было разграбить, если украинская армия, которая сама первым мародером является, их за такой грех в кутузку кинула?.. Мы с ними разговаривали, через некоторое время они тоже с нами молиться стали. Не знаю, от сердца или нет. Бог все видит.

А я узнал, что первым стою на обмен военнопленными. У следователя душа горит меня добить побыстрее: «Я тебя расстреляю через неделю». «Ничего ты не сделаешь, я первый на обмен» — говорю. «На аспиде и василиска наступиши и попереши льва и змия...» — про себя твержу. И они видят: все это время я их не боялся. Ничего не могут сделать со мной. Ножом руки, ноги резали, в суставы нож втыкали, били «по-чёрному». Электрический ток к половым органам подводили. Неприятно конечно... Но ничего, терпеть можно.

И вот, четыре месяца я у них просидел, и у них приказ — меня поменять. Готовят к освобождению. Я следователю говорю: «Вот ты вспомни теперь, что я тебе вначале говорил. Ни один волос с головы моей не упадет без воли Господа моего. Прибежище мое — Бог и уповаю на Него. Ты читай «Живый в помощи», может Господь откроет тебе, что родных братьев убиваешь». Следователь долго смотрел мне в глаза, потом зло буркнул: «Прикажут — буду читать, прикажут — буду убивать. Иди, давай. Радуйся, что жив остался». Очень он был недоволен таким поворотом дела. За мной ребята приехали, на обмене забрали. А Женя Свиридов остался в плену. Со здоровьем у него сейчас плохо. Все силы прилагаем, чтобы его вытащить оттуда, также по обмену военнопленными.

Николай задумался, глядя спокойными глазами куда-то вдаль. Все, кто был в казачьем штабе, молчали. Батюшка Пимен обнял Николая, перекрестил его. В глазах его стояли слезы.

— А знаешь, Коля, вот я слушал и думал, а я бы смог все это выдержать или нет? — спросил отец Пимен.

— Ничего, батюшка, терпеть можно. С Господом всё можно.

Коля встал, попрощался с казаками и ушёл по своим военным делам. Казаки ещё долго с гордостью рассказывали о нём, и было видно, что воинский подвиг Николая широко известен и почитается в Луганске. Несокрушимая вера пленного

разведчика, не дрогнувшего перед лицом смерти и мучений, потрясла нас. Вспомнились древние могучие казаки, разившие врага на этой самой земле, со Христом побеждавшие и со Христом на устах умиравшие.

Время исповедничества близко. И воистину сегодня мы с тревогой спрашиваем себя, насколько тверда наша вера. И вслед за казачьим разведчиком Николаем повторяем слова грозного Псалма: «Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его, и прослаблю его, долготою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое».

Ноябрь 2014 г.

Иркутск — Луганск — Кировск — Иркутск.

ВЛАДИМИР ГУБИН

«Бикфордова нить горизонта...»

Клипер

(Романтическая баллада)

Вот и подводим итог.
Якорным шаром на рее
выставим точное время.
Маятник, верный ходок,
вечный актёр пантомимы,
в роли танцующей мины
знает, что срок не истёк,
тикает мимо.

ГУБИН Владимир родился в Иркутске в 1944 году. С 1947 года живёт на Сахалине. После окончания в 1968 году Иркутского государственного университета работал в газетах Южно-Сахалинска и Иркутска, а затем оставил эту профессию и посвятил более тридцати лет международной рыбоохране, осуществляя с борта патрульных судов и самолетов контроль иностранного и отечественного промысла в Тихом океане и дальневосточных морях. Автор поэтических книг «Следы весла», «Позёмки», «Телепортации», документальной трилогии «В призрачном море». Знаком дальневосточному и российскому читателю по публикациям в коллективных сборниках «Сахалин», «Острова поэзии», журналах «Сибирь», «Дальний Восток», «Литературной газете». Член Союза писателей России. Живёт в Южно-Сахалинске.

Вот оно, море мечты,
море без бури и боли,
где победителем ты
стал на почётном приколе...

Но выигрыш вспомни.
Был клипер, соперник по гонке,
и с ним вы по гонгу
однажды ушли из Гонконга.
И вспомни, как долго
вы резали волны на равных и — даже! —
как ночью проволглой
его обошёл ты манёвром удачным.

Но дальше, у острова Осте,
у мыса проклятого Горна,
небесные горны
тревогой схватили за горло.
И скоро — о боже,
спасибо, что стало не поздно! —
ты понял, что впору
«Спасите!» кричать, а не спорить,
рубить такелаж и покорно,
когда не укрыться от шторма,
пощады у Горна просить и прохода...

И слово — живи! —
словно кто произнёс со значением,
тебя отжимным
относило от мыса теченьем.
Смирение — мудрость ненастья.
Ты понял: уметь смиряться
надёжней сейчас, чем искусство
оснастки и точного курса.
Но ты, паруса обрезая
и мачт осеняясь крестами,
видал, как поставил бизань
и стаксели клипер поставил,
и как, над бедой издеваясь,
во все паруса одеваясь,
он шёл накрепко и гордо
крутым бейдевиндом от Горна...

Всегда неизвестно, отстал ты
иль первый, ведь линия старта,
откуда б ни начались гонки,
проходит по линии Горна.
Так пусть победителем будет

кто не отступил перед бурей,
а кто, отступая от правил,
и в бурю — на бурю поставил!

И вспомни Атлантики дали,
где штили тебя врачевали,
а в бухте у огнеземельцев
тайфуном ты был не замечен.
И где парусина тугая,
как тысячесильная лошадь,
в попутные ветры впрягаясь,
тебя выносила на Лондон,
на Питер, на Гамбург,
на Гавр ли
к заказчикам щедрым,
бомжам-олигархам,
поставившим баксы и евро
на гонку, на славу,
на гордость твою, на рекорды,
на всё, что оставил
на старте, у Горна...

Ты жаждал победы.
Казалось, летел ты,
воды не касаясь,
по пенному следу,
но это — казалось!
Напрасно ты гнался
за клипером в море широком.
Вы разными галсами
шли по ревушим широтам.
И мёртвою зыбью,
где ни дуновенья,
а мёртв или жив ты,
приходит сомненье —
он ведал движенье,
в свой парус разверстый
вбирая теченья
светил и созвездий.
Не быть тебе первым.
На встречных сигнальщики машут,
что клипер-соперник
подходит к Ла-Маншу...

Но что впереди — не увидишь.
Мы гоним, а собственный финиш
приносим с начала пути,
как нить паутины.

Мы жили, душой не старели,
но все-таки, как ни старались,
одни затерялись в Мальстреме,
другие исчезли в мистрале.
А третьи по автостраде
в горящем автомобиле
в неведомые астралии
нечаянно укатали.
Иди же, пока не зачёркнут
атласною лентою чёрной,
туда, где дымит иллюзорно
бикфордова нить горизонта...

И — взорван трубою подзорной! —
ты в Лондон, открывшийся взору,
с позором, подумал резонно,
приходишь, а вышло — призе́ром.
Был май, осыпали цветами,
и мэр, усыпляя цитатой
и вымпелом звёздным венчая,
поставил на первом причале...

Но что же соперник, где клипер?
Как будто из жизни он выпал.
Сгорел, затонул или в гипер-
пространство увёл его шкипер.
Кто знал капитана, тот скажет,
что был он душой не продажен,
но даже — доверчив и влюбчив.
И вовсе не стал честолюбцем.
В глазах у вельможного сброда
искусным он слыл мореходом,
но плох был, что не доносил,
за это и звёзд не носил.
Он, может быть, отдал команду
своей удивлённой команде
поднять флибустьерское знамя?
Не знаю, не знаю...

Скорее, в байкальском местечке
живёт он с любимой беспечно
и пестует сад свой и боле
не думает даже о море.
Мне кажется, всё это дело
ему осточестерфильдело,
а тех, кто на гонку поставил,
послал он. И точку поставил.

Болид

Ты говоришь, не остыла,
и неизбежно болит
неосторожная сила,
в землю ушедший болид.

Близится неотвратимо
время, когда улетит
то, что в тебе невредимо,
в свой светоносный Аид.

Зрелища яркого взрыва
не было, метеорит,
словно столкнули с обрыва,
сбит с неизвестных орбит.

...В непостижимости странствий
ты и не вспомнишь о той,
с кем обнимался без страсти
в тёмной постели земной...

Пламя без света и дыма,
то, что не всякий узрит,
с глиною несовместимо,
в небо уйти норовит.

И обожжённая глина
палеолитовых плит
в мягких горах Као-Лина
облик твой не сохранит.

Четырежды восемь

Я видел, как в передрасветный мир,
мерцающий стерильной белизной,
входило солнце, в тот начальный миг
казавшись милосердия сестрой.
И я себе сказал: держись, мужик,
ведь всё нормально, утро настаёт,
и не тебе ль оно в последний миг
целительную чашу подаёт?

* * *

О, мечты, смешные фигурки,
воскресайте, дразните, празднуйте!
Ещё раз поиграем в жмурки
на дороге, что жизнью названа.
Где-то рядом гремят в ладоши
так заманчиво и навязчиво...
И горят подо мной подошвы.
И глаза у меня завязаны.

* * *

Так быстро наступали сумерки,
как надвигаются тоннели.
Рекламы так плескали суриком,
что лица встречные горели.
Казалась дружба непреложной
того, кто шёл, локтём касаясь.
И ложь была такой надёжной,
что не хотелось доказательств...

* * *

Владимиру Двораку

Когда гремят такие грозы,
не бойся — это Божий суд.
Его не высохшие слезы
за нас, безбожных, упадут.
И ты спасён. И на таёжный
заброшенный аэродром
нас приземлит, ещё возможно,
ещё не смолкших крыльев гром.

На перевале

Западное побережье
южного Сахалина,
люблю тебя долго и нежно,
от сердца неотделимо.

Что же, как нелюдимый,
то в стороне, то мимо,
я из пустого в порожнее
еду на внедорожнике?

На перелётном облаке
к тебе прилечу, вот только

где-то вокруг да около
свои соберу осколки.

Чтобы восстановиться,
надо остановиться
среди людей искренних
и без словес выспренных.

...Рано в горах темнеет.
Видится с перевала:
в море пасётся невод,
рыбы будет навалом.

Штормовое – 1993

Не ставим тралы, невода
и ваера не травим.
И ты забыл уже, когда
свой дом оставил.

Нейтрален океан, как ринг,
но тем и страшен,
и горизонт его горит
гремучей краской.

Оставь надежду, всяк сюда
входящий с тралом,
где хлеб насущный — не еда,
а хлеб — отравлен.

За рулевое колесо
держишь, охочий!

Ещё потеряно не всё,
но в сумме — прочерк.

А все пути, как ни крути,
ведут к утрате
страны, которой не найти
на новой карте.

Ещё доволен ты собой
и смотришь гордо,
не ведая, какой бедой
с какого борта

уже объят. Ещё на бой
готов... А с тыла
захвачен порт приписки твой
ордой постылой.

Возвращение

На белых берёзах в апреле,
где почки ещё не сопрели,
чёрные, словно гантели,
вороны галдели.
Мы ехали мимо и в окна глядели,
и в деле таком находили
святые надежды
и злые идеи...

К назначенным срокам,
надев выходные одежды,
мы вышли из детства
на провод под током.

...Бессмертны вороны
в берёзовой кроне,
но мы им не ровня по крови,
и перья другого покроя.
Вороны хоронят:
не ровен час, голову сломишь
на ровной дороге.

Не ройте!
К родному порогу
в уютной королле
плыву, как в пироге Харона.

В свете телефона

Жаль, я не художник,
а хотел бы стать,
чтоб с умением должным
тебя нарисовать,

когда с постели в спальне
слетаешь ты на звон —
выключить нахальный
мобильный телефон.

...Освещена до пола,
до бледных пальцев стоп,
в нимбе ореола
ты ищешь кнопку «стоп»...

О, мысленно я создал
немыслимый сюжет!
Ни в Лувре, ни на Сотбис
такой картины нет.

Барбарис

На прогулке в осенних горах
я бродил без тревоги и риска,
но внезапно почувствовал страх,
уколовшись шипом барбариса.

А у края тропы барбарис
обнажил свои тонкие стрелы
золингеновской стали острее
и смотрел на меня сверху вниз.

Мы стояли с кипеньем в сердцах,
ожидая крутого разлада.
Ветер ухнул: чего тебе надо
в потайных заповедных лесах?

Ты меня, барбарис, извини.
Так нечасто случается праздник,
а в такие погожие дни
невозможно уйти от соблазна.

Не борюсь я с тобой, барбарис,
не ищу ни хвалы, ни корысти...
...И его опадающий лист
приоткрыл мне пурпурные кисти.

Жития народные

ДМИТРИЙ КИСЕЛЁВ

Забывтый отряд

*Моему отцу Григорию Сергеевичу Киселёву,
Заслуженному геологу ЯАССР посвящается*

* * *

Прибой всю ночь обстреливал скалы. Волны гулко взрывались и с шипением уползали в холодное море. Чуткий сон разрушился от очередного взрыва, и Григорий Сергеевич, не открывая глаз, представил себе и этот прибой, и равнодушные склизкие тёмно-серые камни, об которые он разбивался. Вздохнув, он пошарил рукой в изголовье и, водрузив на внушительный нос очки с толстыми стеклами в круглой железной оправе, высунулся из мехового кукуля. В палатке было сумрачно и сыро. Вытянув худую жилистую руку, Григорий Сергеевич отстегнул клапан, и сквозь тюлевое окошко глянул в небо. Оно по-прежнему висело низко, клубясь тяжёлыми тучами, казавшимися почти чёрными в слабом отсвете раннего восхода. Казалось, кто-то обил небо неаккуратными пластами грязной ваты, неопрятные хвосты которой шевелит ветер. Штормило третий день, и грохот прибоя стал привычным звуковым фоном, сквозь который пробивались высокие звуки обыденной жизни. У кострища кто-то, надсадно кашляя, позвякивал алюминиевой ложкой, хрустел свежий снег под ногами, протрещала и смолкла кедровка...

Григорьевич Сергеевич нащупал в изголовье плоскую коробочку карманных часов. Стрелки старинной точнейшей «Омеги» показывали пятнадцать минут седьмого... Из нагретого спальника вылезать не хотелось. Привычно подумалось — у них там двенадцатый час ночи. Тотчас живо представилась чернильная тьма южной ночи. Звон цикад, одуряющий запах магнолий, зелёные вспышки светлячков, негромкое шипение морского прибоя, ускользящее лицо жены. Он никак не может четко его представить... И дети. Они наверняка уже спят. Вот белокурая головка Димки. Он сладко посапывает, приоткрыв рот с яркими губами. Таким он видел его в ночь перед отъездом четыре месяца назад. В этом году ему будет шесть... Дочерей, оказалось, представить сложнее — он не видел их уже два года. Старшая — тоненькая, большеглазая Ирина, чем-то похожая на мать, своенравная и независимая, и совсем непохожая на старшую сестру, послушная и щедрая Лялька-Наталка.

Невесело усмехнулся про себя: надо же, они только уснули, а я уже проснулся. Господи, когда же кончится эта кочевая жизнь! Но тут же резко себя одернул — не раскисать! Изменить ничего нельзя, и твоя нынешняя задача вывести отряд в живое. Поле вроде бы прошло удачно, есть интересные проявления, люди все живы и

относительно здоровы. Теперь главное — дожидаться катера. Ждать его можно уже начиная с этого дня. Но судя по погоде, скорее всего не придёт...

Григорий Сергеевич резко сел в кукуле, пропитанный снежной влагой полог палатки полоснул по обнажённому плечу. Грёзы растаяли. Он поёжился и стал быстро одеваться.

Палаточный городок Яснинской поисковой партии дремал. Снег ещё отливал ночной синевой, утро нехотя выбеливало его. С наветренной стороны стлался дымок костра. Дежурный Виктор Квач навешивал на таган большой артельный котёл с водой:

— Доброе, утро, начальник! — прохрипел он. Небритое худое лицо сморщилось в улыбке и, казалось, не выражало ничего, кроме почтения. — Как спалось?

— Доброе утро! — усмехнулся Григорий Сергеевич. — Как на берегу?

— А, всё так же! Я всю ночь костёр кочегарил. Только никто не пришёл к нам на огонёк. Нет катера. Да и кто рискнёт, мать его в душу, в такой штормяга! Протрог — аж душа вон! Может сегодня будет? — Виктор вопросительно глянул в лицо начальника...

Григорий Сергеевич задумчиво глядел на слабые язычки пламени.

Сырой плавник разгорался неохотно...

— Да нет, рано ещё. Будем ждать, — сказал помедлив.

В палатках зашебуршились. Услышав разговор у костра, рабочие начали неторопливо выползать из своих полотняных жилищ, побелённых снегом и изрядно потрёпанных за лето.

Худые, тёмные от беспощадного камчатского загара лица первым делом обращались к морю, рябому от пены. Зябко ёжась от морозца и сырости, люди шли к костру. Виктор начал суетливо подбрасывать сучья в смелеющий огонь..

Почувствовав на себе вопросительные взгляды, Григорий Сергеевич оторвал взгляд от пламени.

— А сделаем-ка мы сегодня баньку! Только вон ту палатку надо поближе к речке перетащить. Ты как смотришь на баньку, Алексей Васильевич?

— Хорошо смотрю, Григорий Сергеевич! — отозвался голос из двухместной низко натянутой палатки. — Я сейчас...

Через минуту из-под полога показалась рыжим венником борода прораба.

— А ну, народ, пропусти к огоньку! Григорий Сергеевич, банька это, конечно, хорошо, а что вы о катере думаете?

— Как видишь, катера пока нет. — Киселёв задумчиво посмотрел в спины уходящих ставить баньку рабочих. — Нет пока катера, вот ведь какое дело, — повторил Григорий Сергеевич. — Но ты ведь и сам знаешь, как договаривались с экспедицией — с 25 сентября по 5 октября. А сегодня — какой день? Ага — двадцать четвертое! Они же не могут знать, что мы раньше закончили, так что придётся подождать. А я ещё в маршрут сбегая, там на левом берегу любопытное обнажение вчера заметил. Надо бы посмотреть... Так что подождём, а заодно и себя немного приведём в порядок. А то вон как запаршивели!

Он кружкой зачерпнул из прокопченного ведра ещё не согревшегося над тлеющим костром вчерашнего горьковатого с плавающими льдинками чая, сунул в рот папиросу, и про себя отметил с неудовольствием — вторая! Вслух же сказал:

— Ладно, пойду поработаю. Ты тут посмотри, надо будет — позовёшь...

— Конечно, конечно! — закивал рыжей бородой прораб. — Позову...

Основная часть полевых работ была окончена, а потому народ двигался не торопясь, хотя распоряжение о баньке всех взбодрило.

День прошёл в суете и мелких заботах. К вечеру вся партия в составе 19 человек собралась у большого артельного костра. Чисто вымытые в импровизированной бане, побритые, шумно прихлёбывали чай, неспешно беседовали, вспоминали минувшее лето, мечтали о жилом...

За полночь разбрелись по палаткам. Григорий Сергеевич откинул полог палатки и, сев по-турецки на закатанный коконом спальный мешок, зажег свечу и положил на колено записную книжку...

...24.IX.49. Суббота. Начинает беспокоить отсутствие транспорта. Где он находится и когда будет — неизвестно. Выбираться, видимо, будет трудно. Работаем на стану. Днём сегодня устроили баню. Все ходят чистые и бритые.

У меня со вчерашнего дня опять начала болеть десна, но сейчас пока терпимо.

Забот хоть отбавляй, но сделать ничего не могу. Ночь, море бушует. Мы сложили на берегу продукты. Сейчас ходили проверять. Море очень сильно фосфоресцирует.

25.IX.49. Воскресенье. Утром был сильный мороз. Я в своём летнем кукуле перед рассветом замёрз.

Два дня назад послал Федю Лавренчука на шестой рыбоучасток. Всего пятьдесят километров — должен был бы уже прийти. Не знаю, что и думать.

26.IX.49. С утра шёл снег, но к обеду растаял. Ветер северо-западный. Море кажется седым. Сегодня послал ещё двух послов. Вечером собирал совет — как действовать в дальнейшем. Мнения самые различные и всё не приемлемо, решил действовать по своему усмотрению. Ещё три-четыре дня, и наше положение будет критическим. Но думаю, что прорвёмся.

Этот сезон всё же я закончил благополучно. За всё лето ни разу не болел, не считая, что два дня болели ноги. Видимо отпуск и курорт мне помогли хорошо. Меня сейчас беспокоит вопрос — как мать и сын доехали до дому... И доехали ли они благополучно?

Снег пошёл с 6 вечера и всё идёт и идёт.

* * *

Дни потянулись похожие один на другой. Катера не было. Тревожные думы о семье и тягостное ожидание транспорта скрашивались долгими маршрутами и охотой. Григорий Сергеевич скрупулёзно записывал в дневник главные события каждого дня...

17.X.49. Катера нет. По всем моим подсчётам, на весь личный состав, при весьма строгом лимите, продуктов хватит не больше как на два месяца, а там, если что случилось с катером, нас ожидает суровая камчатская зима с её пургой, и нам неминуемо грозит голод.

Я пригласил весь техперсонал на совещание. Решили немедленно отослать трёх человек на 6-й рыбоучасток, чтобы узнать, вышел ли за нами катер.

Отослал коллектора, десятника и топографа, а сам с рабочими, прорабом, десятником и завхозом остался, ибо мой уход каждый мог потом истолковать, как — начальство убегает, а остальных оставляет на произвол судьбы.

20.X.49. Пятница. Вестей от посланцев нет. Рассчитав количество продуктов, я решил забрать ещё пять человек (четверо ушли раньше) и, захватив с собой часть рабочих, чтобы они помогли нам вынести наиболее ценные образцы, шлихи и карты, мы двинулись в путь по берегу моря на 6-й рыбоучасток — это 50 км, другого пути нет.

Вечером примерно на середине пути нас прихватил прилив, и продержал в плену среди скал семь часов. Случайно прилив был небольшой, и мы остались живы, и в полный отлив с трудом еле выбрались из скал. Все мокрые, ночевали в снегу у костра. На следующий день добрались до рыбучастка. Устали сильно.

Из разговора с начальником рыбучастка я выяснил, что путь будет весьма тяжёлый и длинный. Необходимо приобрести хорошую, тёплую одежду. Участками на пути нет дров. Как я повезу ребят в летней одежде, даже не могу сообразить?! Вот что наделали чертовы экспедиционные руководители... Хорошо ещё, что жена и сын вовремя от меня избавились. Днём была пурга. Сейчас тихо.

24.X.49. Понедельник. Тихо идёт крупными хлопьями редкий снег. Вой собак мне уже надоел. Вуют день и ночь...

Весь день чинили собачью нарту. На катер надежду потеряли. Настроение очень плохое, но вида не показываю. Днём болели ноги, а вечером обнаружил, что они распухли. По-видимому, это результат последнего, 50-километрового перехода по снегу в резиновых сапогах.

Сейчас посмотрел карту и поразился, насколько далеко я нахожусь от семьи.

Предстоящий переход до базы экспедиции меня просто приводит в ужас. Добром этот переход явно не кончится!

25.X.Вторник. Мороз, ясно. Ветер и отлив угнали лёд на север. Народ вымотался вконец.

Вчера неожиданно и вообще случайно на рыбучасток пришёл катер с кунгасом. Поднялась суматоха. Все выскочили на берег, зажгли прожектор.

Приход катера надо принимать как счастье. Ибо он пришёл в необычное время года и нам сокращает путь не менее чем на три дня тяжёлого пути.

Хотели грузиться сразу же ночью, но отложили, т. к. команда катера будет отдыхать до утра.

По этому радостному случаю я на последние деньги купил бутылку спирта. Угостил хозяина и измученных, обледенелых моих рабочих.

Сейчас полтретьего ночи.

27.X.Четверг. Утро ясное. Я всю ночь спал в каюте. Часа в четыре катер остановился. Дальше не пускают льды. До сего времени стоим (9 часов утра) и надеемся, что нас снимет прилив. Но стоять ещё 12 часов. Лдины жмут со всех сторон. Качки нет, лишь за бортом слышен шорох и скрежет льда. Всё время приходится обходить большие поля льда.

Старшина уже думает, что надо бросать кунгас, может не хватить горючего. Льдами нас упёрло на юг, южнее мест выхода, хотя в дороге мы уже 14 часов. (По чистой воде всего ходу до зимбазы 2,5 часа.) Сейчас стоим на якоре, так как губа обмелела — идёт отлив, и нельзя дальше идти. Мыс, куда нам плыть — уже виден, но отливное течение очень быстрое — до 12 км в час, и гонит с севера лёд.

В общем, этот год полон приключений, и все они опасны. Сейчас катер тащит льдами с шумом и скрежетом. Самочувствие неприятное. Другое дело, сейчас в Гаграх. Но я очень и очень рад, что вся моя семья вместе, и они в тепле и безопасности.

Льды жмут и жмут. Я даже в душе сильно нервничаю, но видимость делаю покойную. Чем это дело кончится?

Сижу, читаю Чернышевского «Что делать?», а сам прислушиваюсь к скрежету и визгу льда. Интересно будет этот вечер вспомнить через некоторое время. Но удастся ли это? Сейчас очередная льдина так толкнула, что всё полетело на пол.

Начался прилив, катер килем чертит камни, железо скрежещет. Сейчас плывём по течению со льдом, без помощи машин...

28.X.49. Пятница. Морозная ночь. Сейчас 2 ч 15 мин. Катер зажат льдами и не может сдвинуться ни взад, ни вперёд.

Думаю о семье или читаю. Но читаю лишь для того, чтобы себя отвлечь и не думать о создавшемся положении.

3 ч 20 мин. Из плена вырвались, идём по чистой воде. Крен у катера такой, что кружки на столе еле стоят. Вдруг сильный удар, крен ещё больше увеличился. Всё полетело на пол. Все вскочили...

И вот снова вырвались и идём по чистой воде между льдин. Вдали показался костёр, место нашего прибытия.

3 ч 40 мин. Врезались в береговые торосы около костра. Это Усть-Пенжино. Путь закончен. В результате сломан руль у кунгаса и, в последний момент, руль у катера, а также сорвана крышка с трюма. Все целы и невредимы. Отсюда до базы ещё 750 км...

2.XI.49. Холодный северо-восточный ветер. Сегодня ровно два года как я не видел своих дорогих дочурок — Ируську и Наташеньку, и ровно 4 месяца — Шуру и сынка Диму.

Дорожная жизнь и грязь осточертели, да ещё вдобавок всё время подвергаешься опасности.

12.XI.49. Праздники отпраздновали. До сих пор кое-кто приходит в себя.

Вечером началась метель, и сейчас все ревет, гремит, стучит, как целый табун подкованных лошадей по деревянному полу. В хате холодно, снег пролетает даже через тончайшие щели в стенах. Сижу в кухлянке и ичигах. Пурга бушует второй день.

7.XII. Тронулись в путь в 4 часа на оленях. Ночевали в палатке. Спал хорошо, не замёрз. Сейчас при свете из печки записываю. Все ещё спят. За день проехали 12 км. Вторая ночь в палатке. В общем, палатка дрянная — всё время холодно.

9.XII. Пурга началась в 3 часа. Всего ехали три часа. Прошли мало. Сижу в палатке у коряков. Палатка брезентовая, но также холодно. Коряки чинят лыжи, в работе и руки, и зубы. Хозяйка — мамушка Татния (Таня) — лицо с татуировкой. На лбу круги и крестики, по щекам по две полосы и на носу — одна.

10.XII. Ночью пурга порвала палатку и сломала патрубок у печки. Так что сидели, вернее, лежали в холоде под рёв ветра. Со снегом в пургу несёт песок с сопок.

Дорога очень плохая, сплошные кочки. Днём перевалили перевал в Шестаково. Здесь пошла дорога лучше. Сейчас записываю в палатке у коряков при свете печки. Починили печку и палатку, сейчас и у нас тепло.

Работать корякам приходится много: утром долго ловят оленей, днём каюрят, вечером — заготовка дров на ночь и починка сбруи. Ножами работают очень искусно. Женщины быстро шьют оленьей жилой, но применяют стальную иглу. Напёрсток сделан из кости барана, также ложки и приспособление чистить мех от снега. Жизнь тяжёлая и суровая. Говорят мелодично и немного растягивая слова. Между собой не ссорятся.

11.XII.49. Ночь проспали очень хорошо. Погода была тихая и тёплая. Выехали рано. Проехали не менее 25 км. На льду много было мелких смешных приключений. Утром я пробовал маутом ловить оленей. Но с первого раза мне поймать оленя не удалось. В четыре часа стали станом около Шестаково. Ночевать пошли

в посёлок. Остановились у коряка Туинзи. Приняли радушно. Свет — таганец с жиром лахтака, вместо фитиля — мох. Таганец светит достаточно слабо... Посёлок состоит в основном из хотонов. Здесь их называют землянки.

14.XII.49. Среда. Выезд сорвался из-за пурги. Пурга всю ночь и весь день. Купил вчера малахай.

22.XII.49. Четверг. Погода пасмурная, не сильно пуржит. Ждем транспорта. Ночевали у ламутов. Муж русский, жена ламутка. Имена у ребят русские: Боря, Люда, Анатолий. Ребятишки хорошие, смышлёные.

Выехали во втором часу. Весь день пришлось вести борьбу со снегом и с наледями. Местами олени попадали в воду по колено, а когда ехали по тундре — мешали высокие кочки и отсутствие снега. Первые дни ехали почти без снега по голой земле, а последние 4 дня — сплошной снегопад и с ветром. Так что теперь страдаем от обилия снега, да вдобавок, мне приходится ехать первым и всё время на легковых нартах в два оленя. Олени быстро выбиваются из сил...

Корякские нарты сделаны без единого гвоздя: всё на ремешках, и поломка их очень редка, а починка проста.

Запрягают по одному оленю в нарту (орочи — по два. Два оленя — лишь в легкой нарте).

Последние часы ехали в пургу и стали станом наугад. Плохо, что у нас нет свечей, жжём лярд и нерпичий жир.

У меня все дни мёрзли коленки и переносица от очков. Я себе сделал из рукавов шубы наколенник, и это меня здорово выручает, и на очки приспособил шкурку пыжика. В пути на оленях уже 16 дней

Остановились ночевать у коряков в юрте. Юрта такая же, как у орочей. Дети и собаки играют вместе. Собаки их заваливают в снег, и никто не возражает. Дети полуголые.

Сегодня самый короткий день, но решено становиться в 6 часов.

31.XII.49. Суббота. Вчера выехали рано и стали станом поздно, но проехали мало, т.к. всё время была плохая дорога, а с часу дня началась пурга. Всё вымокло. Сегодня сидим в палатке и пургуем — в такую пургу ехать нельзя. Есть хлеб, чай, сахар и мясо. С этими продуктами будем встречать Новый год. Обидно, но ничего не поделаешь. Так встречать Новый год мне придётся первый раз... Запись веду на весу и при свете печки.

Хорошо, что сегодня не поехали. За стенкой палатки творится что-то неусветное — свистит ветер со снегом, снег мокрый. Я на секунду выскочил из палатки — сразу рубаха промокла. Ничего не видно в 50–100 метрах. В палатке тепло, но темно. Фёдор разрубил себе нечаянно ногу, рана небольшая и не опасная. Я залил её йодом, торбаз и чиж зашила корячка Тынитин.

Сейчас 12 часов ночи. С Новым годом!

Я лежу в кукуле, и за палаткой свирепствует пурга. Хорошо, что нам тепло и мы сыты, но жаль, что оторваны от друзей и родных. Сейчас что бы с нами ни случилось — никто не сможет нам помочь.

1.I.50. Девять часов утра. В Гаграх 12 часов 31.XII. С Новым годом, моя дорогая семья! Сейчас пурга значительно уменьшилась, но ещё метёт, и всё же мы едем дальше.

Желаю всем здоровья, согласия и всего наилучшего!

Новый 50-й год нас встретил очень недружелюбно. Днём в пути застала очень сильная пурга. В 20 метрах ничего не видно. Чуть не растерялись все наши олени

связки. Проводник, каюр первой связки, где еду я, испугался и, привязав оленей, пошёл навстречу разыскивать остальных. Я остался один и тоже несколько испугался, что каюр заблудится, а я дороги на Гижигу не знаю. Все мы вымокли, палатку ставили при пурге, так же заготавливали дрова. Все злые, чуть не перессорились. Еле разожгли печку.

По чьей-то дурасти такая куча неприятностей и лишений! Даже у ребят начинает рваться обувь. Это очень плохо.

Мне уже всё осточертело, в пути третий месяц и на оленях 25 дней.

2.I.50. Выехали рано, погода весь день была прекрасной — небольшой мороз, и наст держит оленей...

Природа с восхода солнца и до заката нас очаровывала нежнейшими цветами и оттенками, как бы компенсировала вчерашний ужасный день.

Сегодня проехали много — 50-55 км, что необычно для нас. Днём раз пили чай — перед этим охотились на оленей, но напрасно — удрали — совсем дикие. Днём видели много куропаток, но задерживаться не стали. Всё время ехали на юго-запад, справа были высокие сопки — слева вдалеке на горизонте лишь вершины. Станом стали в 19 часов. Сейчас прекрасная лунная ночь.

...Гижига встретила пустой насквозь промёрзшей квартирой. Брошенные на пол вещи намертво приковал мороз. В щели надуло снега, промёрзшие углы курчавились инеем. Семья была невообразимо далеко, и это брошенное жилище навевало смертную тоску. Но надо жить дальше, выручать оставшихся рабочих, писать докладные и отчёты. Готовиться к следующему сезону.

*«Рапорт Начальнику экспедиции инженер-капитану
тов. Титову от на-ка партии Киселева Г.С.*

Вверенная мне Ясинская геологоразведочная партия план закончила 25–27 сентября 1949 года, и к этому времени весь наличный состав в количестве 19 человек находился в устье р. Весёлой, на берегу моря, в надежде, что в период с 28.IX — 5.X. за нами должен был прийти катер экспедиции, ибо в более поздний срок плавание по Пенжинской губе сопряжено с большим риском и опасностью.

Ещё заранее, по моему распоряжению, было установлено на берегу моря ночное дежурство около костра, на всю ночь, для приёма катера в любое ночное время. Одновременно был послан специальный человек на 6-й рыбучасток — с заданием пробраться на Усть-Пенжино и узнать, когда катер должен за нами приплыть.

Подошло 10 октября. Нашего посланца нет и нет, и за нами катера. Весь наличный состав партии начинает беспокоиться, что мы с каждым днём все больше и больше рискуем быть отрезанными от всего мира и с ограниченными остатками продуктов, и начали искренно и с основанием беспокоиться о своей судьбе. Я же всех успокаивал и уверял, что не может быть, чтобы руководство нас оставило на произвол судьбы — этого быть не должно.

...До 26.X жили на 6-м участке, рассчитывая, что с помощью чужих людей мы по санному пути проберемся до Усть-Пенжино. (Это 200–250 км, а до базы 750 км), а оттуда дадим Вам знать о создавшейся обстановке.

26.X на 6-й рыбучасток абсолютно случайно зашел катер, и мы договорились, что он нас доведет до Усть-Пенжино. Вечером погрузились на катер и с приливом поплыли. Обычно здесь путь — 1,5–2 часа, но мы плыли 45 часов. Нас затёр-

ло льдами и ворочало с боку на бок льдами, приливным и отливным течениями. Катер обмёрз, кунгас, бывший у нас на буксире, потерял руль, и все мы думали, что нам конец, и мы погибнем, но кое-как выбрались из плена льда и 28-го в три часа ночи выбросились на прибрежные торосы. При этом сломался руль, и была сорвана крышка с трюма.

Все эти мучения для сотрудников партии не вызваны необходимостью, а являются виной руководителей, которые вовремя не смогли снять сотрудников партии в нормальный период навигации и доставить на базу экспедиции.

Подобное положение с транспортом в экспедиции наблюдается уже в течение двух лет. Я считаю это ненормальным, вредящим делу и тормозящим вообще всю работу.

Считаю своим долгом высказать свое убеждение, что экспедиция должна коренным образом изменить такое отношение к заброске и снятию осенью партий, и проявлять больше заботы о людях, и не рисковать кадрами, ибо выбрались мы случайно. Помимо всего прочего, переезд работников партии окружным путем в значительной мере удорожает стоимость работ. Помимо испытанных серьезных невзгод до Усть-Пенжино нам пришлось в период конца ноября–декабря месяца пробираться от Усть-Пенжино до Гижиги (500 км) в пургу и стужу без тёплой одежды, необходимой для этого периода года.

А самое главное в том, что часть весьма ценных образцов, все рудные пробы и пробы каменного угля остались в районе работ и не могут быть использованы в период сдачи отчёта, благодаря чему экономика района может получить неправильное суждение, чем работа моей партии может быть сведена на нет. В довершение всего должен добавить, что мне полагающийся камеральный период с 1 ноября по 1 мая сократился на два месяца и пять дней, так как я вернулся на базу 5 января, что конечно, при всём моём желании сделать хорошо, отразится на качестве отчета, несмотря на то, что с доставкой зимой сотрудников работа обошлась значительно дороже.

Помимо того, как Вам известно, оставшимся людям оказана помощь лишь в январе — транспорт с продуктами и теплой одеждой с Усть-Пенжино ушёл 3 января 1950 г. ...

Начальник Ясиновской партии Пенжинской экспедиции ГРУ ДС Киселёв Г.С.

* * *

Необходимый комментарий: эти три потрёпанные жёлто-серые записные книжки, полевые дневники отца, сейчас лежат передо мной как красноречивые свидетели этого трагического перехода. В них нет многих подробностей — по законам того жестокого времени он не имел права писать в личных дневниках ничего, что могло бы указывать на характер и цели работы.

Я намеренно сохранил стиль этих записок. Только выбрал, на мой взгляд, самые яркие, чтобы уложиться в рамки журнальной публикации.

ВАСИЛИЙ КОЗЛОВ

О непридуманнных историях и характере Николая Терещенко

Плывут снегоходы по заснеженной тайге, на сотни километров вокруг неприветливые просторы, вкапываются путешественники в двухметровые снега, вырубая и выдирая кусты, сдвигая в стороны камни, чтобы ровнее поставить палатку, устанавливают железную печку, протягивают в палатку провода, привычно закрепляют на дереве яркую лампу, включают генератор, и ночь вдруг резко шарахается от светового круга, как в городском парке. А в темноте, если приспичит в нартах искать необходимую вещь, включаешь фонарь, бьющий белым лучом на добрую сотню шагов — можно и иголку в снегу рассмотреть; имеется и спутниковый телефон — в случае непредвиденной беды можно связаться с МЧС и запросто позвонить домой, сказать, что всё нормально, чтобы не беспокоились домочадцы. Всё это привычные атрибуты современного таёжного странника.

Все географические открытия свершились, и если мы идём по следам тех, кто прошёл здесь сотни лет назад, этот шаг необходим нам для открытий в самих себе, когда воочию борешься с природной реальностью, с которой так же сталкивались наши предки — открыватели Сибири.

Мы, увязая в снегах, реках и болотах, преодолевая ущелья и перевалы на быстрой технике, ночуя в сравнительно комфортных условиях, восхищаемся русскими первопроходцами, казаками и вольными людьми, своими ногами измерившими тысячекилометровые пространства, надеясь только на себя, на свою силу и удаль, смекалку и находчивость, выносливость и волю. Испытать хотя бы в малой доле их тяготы значит приблизиться к ним, прикоснуться к их богатырскому упорству.

Николай Васильевич Терещенко из породы первопроходцев. Многое, о чём он пишет в своих рассказах, для большинства читателей будет открытием.

* * *

Двадцатый век был самым кровопролитным и трагичным в тысячелетней истории России. Революция, крушение империи, гражданская война, репрессии, Великая Отечественная. Государство находилось на грани гибели, исчезновения, но народ выстоял. Чудом, но выстоял.

По ветхозаветному закону силы мы должны были стереть Германию с лица земли, по человеческим законам состоялся Нюрнбергский суд. Мы поступили с германцами как истинные христиане. Мы ничего не забыли, но память наша не злобна, не агрессивна, она милосердна и созидательна, наша память священна, как святы воины — герои, освободители.

В каждой сибирской деревне, в каждом посёлке и городе стоят обелиски. На них выбиты имена воинов-победителей. Поисковые отряды каждое лето уходят на места кровопролитных боёв, и будут ходить, пока не будут найдены и похоронены с воинскими почестями останки последнего солдата.

У Николая Васильевича генетическая память о войне. Его отец, полной мерой хлебнувший солдатского лиха, был живым воплощением народного подвига.

И этот образ навсегда впечатался в сознание сына, понуждая его деятельную память. Для него естественно помогать ветеранам войны и привлекать молодёжь к патриотической деятельности, организовывать летний военно-спортивный лагерь.

Родился Николай в многодетной семье. Отец, Василий Степанович Терещенко, вернувшись с войны в село Карагун Нижнеудинского района, женился на Александре Тимофеевне Синельниковой. Молодая чета переехала в Тулунский район. Василий Степанович трудился на Ишидейском участке Тулунского лесного транспортного хозяйства. Весь транспорт хозяйства состоял из лошадей, но это для Василия Степановича было в радость, так как в военные годы он служил в армии артиллеристом-кавалеристом: таскал конной тягой по полям сражений пушки, громил фашистов до самой Победы. И после войны ещё три с половиной года служил Отчизне.

Пятеро детей — Михаил, Василий, Николай, Надежда и Валентина — в семье Терещенко родились в послевоенные годы. Страна приходила в себя после фашистского нашествия. Семья жила скромно. Денег не хватало, а поэтому мать обучила детей следить за одеждой: чинить, пришивать пуговицы. Держали хозяйство: лошадей, корову, овец, свиней, птицу. Подспорьем были ягоды и грибы, которые дети собирали вместе с матерью и сдавали в заготовительный пункт. Так жили в селе и другие, в основном многодетные, семьи.

* * *

По весне с Николаем Васильевичем — не помню, по какой надобе, — заехали к писателю Николаю Зарубину, он достраивал свой дом, занимался отделкой, во дворе разбросаны были обрезки досок, инструмент — понятный рабочий беспорядок. Мы должны были куда-то ехать и ждали, пока Николай соберётся. Он ушёл в дом, наконец вышел, и мы направились к машине. Николай Васильевич наклонился и поднял с земли гвоздь — новенький, блестящий, видимо, случайно оброненный — и спросил у Николая:

— Можно я возьму?

— Да, пожалуйста, — Зарубин только край глаза скосил и навсегда забыл.

А я воспринял это как знак, как символ, если хотите, показательной черты характера. Можно представить, если бы он нашёл что-то ценное, а то ведь гвоздь, копеешный, обыкновенный строительный штампованный гвоздь. Сколько их валяется возле дорог, заборов, строений, но редкий человек нагнётся, чтобы поднять, положить в карман, принести домой и положить в шкаф или на полку: вдруг когда-нибудь пригодится... А скорее всего, так и останется лежать без внимания. Но он много скажет о человеке, о его внимательности, бережливости, хозяйской жилке.

Николай Васильевич из породы собирателей, они делают нашу жизнь богаче, они коллекционируют редкие вещи, открывают антикварные магазины, создают

музеи и картинные галереи. Если посмотреть на хозяйство Николая Васильевича из этого угла, чего он только не насобирал, уже давно достаточно для самостоятельного музея редкостных находок. Думаю, со временем так оно и образуется.

В рассказе «На ручье Мокрес» есть трогательная история про два кусочка ткани, которые подарил Николаю Терещенко бывалый человек Павел Иванович Мурашкин, его старший друг: «...подарил мне два кусочка ткани, один из которых льняной, они были дороги ему как свидетели жестокого времени. Хранил эти лоскутки с 1925 года. Передавая их мне, вложил в них бумажку, на которой было написано: «1925 год». Записка та, к сожалению, не сохранилась, а лоскутки я берегу».

Ну что, казалось бы, ценного в них, в этих обрезках. Сохранил бы двух «золотых тараканов» — понятно, драгметалл. Но для Павла Ивановича это настолько важно, что он и сам их хранил, и передал человеку, в котором увидел родственную по памяти души душу...

«Кто не собирает, тот расточает» — гласит древняя мудрость.

* * *

Облавная охота на копытных — изнуряющая работа. Удовольствие — это когда наконец-то доползаешь до нар, вытягиваешься на них во всю длину измученного тела и мгновенно проваливаешься в вожденную слепую бездну без памяти и сновидений.

Навсегда запомнил наставление Николая Васильевича перед охотой, когда он впервые пригласил меня в свои уголья:

— Обстановка на охоте приближена к боевой, у каждого из вас смертоносное оружие, правила обращения с оружием писались кровью: осторожность, внимание и никакой расслабленности.

Наш командир, он же водитель БМП, в танковом шлеме протискивается на водительское место. Вперёд! Напряжённо цепляюсь пальцами за поручни: болтает как в штормовом море, дашь слабину — и головой проверишь прочность бронированного железа.

Рыскали весь световой день по болотам, рёлкам, перевалам, и в зимней ранней темноте возвращаемся к простывшему зимовью. Выползаем из машины, молчаливые и неуклюжие, кто-то разминается, кто-то идёт в зимовье растапливать камин, кто-то берёт ведра и двигается в сторону ручья, продавливая ледяной коркой лунку. Никто не командует, каждый видит, знает, что необходимо.

Николай Васильевич, не говоря ни слова, берёт прислонённую к зимовью остроконечную палку и начинает счищать с колёс и траков снежную окаменевшую грязь. И я, глядя на него, нахожу подходящую жердинку, и другие делают то же самое.

Никакого понукания и указания. По своему особому положению он мог бы и прикрикнуть на празднующихся и пойти отдыхать. Но нет... Никто не расслабляется, пока не очистили со всех сторон борта и не накрыли брезентом нашу боевую машину: пусть сохраняет тепло. Своими действиями Николай Васильевич сказал больше, чем иной уговорами и приказами.

А в зимовье уже закипает чайник, и нетерпеливо подпрыгивает над казаном с картошкой веселая крышка, на столе нарезаны хлеб и колбаса, разложены по мискам маринованные помидоры, солёные огурцы, капуста квашеная, и все, уже

повеселевшие и разговорчивые, у стола, и четверть с самогоном наклонённо проплывает над кружками и, задевая их, призывно звенит. Звучат тосты и воспоминания прежних охот, приколы, шутки, анекдоты...

После третьей Николай Васильевич отставляет бутылку в сторону, кто не первый раз с ним в тайге, знают, что «банкет окончен». Больше наливать не будет. Если кто-то нальёт себе сам, не остановит и не осудит. Даже если кто-то и сунул свою бутылочку в снег за углом зимовья, нарушая неписанный закон, и наведывается туда, что явно по состоянию, как у нас говорят, «морды лица», — разве что улыбнётся шутливо и сочувственно.

Строгость, гласит народная мудрость, сопутствует любви.

Я слышал рассказы, когда охота превращается в охоту на зелёного змия, весьма длительную и успешную, а утром тяжело вспоминается, как и зачем оказался в тайге...

Зимняя темень долгая. Кто поусталей, забирается на нары и устраивается на ночлег, кто верхнюю одежду, подмокревшую за день, пристраивает у печки, кто чинит надорванный рукав куртки: зацепился за острый сук. Николай Васильевич лезет на чердак, достаёт свою гармонь, и — зазвучат-польются над тайгою наши русские песни и частушки. Их пели наши предки, и нам их негоже забывать, и стыдно и печально, что уходят они из нашей повседневности...

В немалом хозяйстве у Терещенко всё прибрано, ухожено, уложено, подметено, вымыто, никаких случайных вещей или предметов, и этот уклад поддерживается его хозяйским глазом и указом.

Можно подумать, что происходит это само собой, по шучьему велению, по его хотению. Ан нет, за этим кроется постоянная собранность, организованность. У кого порядок в душе, у того порядок во всём.

* * *

В 2008 году Татьяна Петрова приехала в Иркутск на Дни русской духовности и культуры «Сияние России». Николай Терещенко пригласил её в Тулун. В то время Иркутск стал тесен для проведения праздника, московские гости разъезжались по области, и приглашение Николая Васильевича оказалось как нельзя кстати. В Иркутске певицу знали, она снималась в кино, кассеты с её песнями звучали по всей стране, и слушатели называли её народной певицей.

По официальному статусу она была заслуженной артисткой РФ, заслуженной артисткой Башкортостана, лауреатом Всероссийского конкурса народной музыки, награждена премией Московского комсомола, орденом Андрея Первозванного. Она пела старинные, народные и современные песни, исполняла большой цикл на стихи Николая Рубцова и других русских поэтов. Писатель Владимир Солоухин писал о Татьяне Петровой: «...Молодая певица с очаровательным тёплым голосом вводит нас в необъятный мир русской песни, открывает нам её великолепные неизвестные или забытые образы».

В Тулуно состоялся большой концерт знаменитой певицы, зал провожал её рукоплесканием и овациями. Николай Васильевич пригласил весь ансамбль на «Казачку», там была приготовлена сауна и ужин. Татьяна Юрьевна вместе со всеми попарилась в бане, а когда Николай Васильевич полушутя предложил ей искупаться в Ие — был октябрь, в тени деревьев лежал снежок, блестели мутноватые забереги, да и температура была не плюсовая, — мы были поражены, когда она

согласилась и в длиннополой светлой рубахе спокойно вошла в ледяную воду и поплыла. Даже мужчины из её ансамбля не все решились последовать за ней.

А потом мы сидели за широким столом, после такого купания настроение было парящим, Николай Васильевич играл на гармошке, мы все пели как могли, подпевала и Татьяна Юрьевна. Николай Васильевич насмелился, попросил её что-нибудь спеть. Не все артисты соглашаются петь вне сцены, тем более знаменитые. Но она легко ответила и сама выбрала песню:

— Я спою «Лучинушку».

И в застольном шуме, без музыкального сопровождения зазвучал сильный и волнующий голос:

*Ночь темна-темнёшенька,
В доме тишина;
Я сижу, младёшенька,
С вечера одна.
Словно мать желанная
По сынке родном,
Плачет неустанная
Буря под окном.*

Все притихли, вжалась в кресла, казалось, мы в другом столетии, свидетели тяжёлой судьбы героини песни, русской женщины, да и не женская вовсе раскрылась доля, а судьба России, наша общая судьба со всеми войнами, усобицами, неурядицами, ссорами, трагедиями. И ничего уже не осталось ни в жизни, ни в мире — только песня. Ещё немного — и надломится сама жизнь, и только лучина ещё светится неясно сквозь время и слёзы.

*До земли рябинушка
Гнётся и шумит...
Лучина-лучинушка
Не ясно горит.*

Песня улетала в метельную стужу, мы все становились песней и подпевали — кто молча, кто вполголоса, чтобы не испортить редкого настроения на общую волну, захватывающую общей радостью или внезапным горем.

*Я ли не примерная
На селе жена?
Как собака верная,
Мужу предана.
Я ли не охотница
Жить с людьми в ладу?
Я ли не работница
В летнюю страду?
От работы спинушка
И теперь болит...
Лучина-лучинушка
Не ясно горит.*

Такие песни столетиями живут в народной памяти, они содержат код нашей жизни, в них подлинность русской души. Я бывал на концертах Татьяны Петровой, слушал её и в Москве, и в Иркутске, но этот вечер открыл для меня величие

старинной русской песни, красоту и глубину её голоса. И, думаю, не только для меня.

* * *

Не без помощи Николая Васильевича прошла в Тулунской центральной библиотеке презентация книги воспоминаний Альберта Гурулёва «Остановиться... и оглянуться». Ранее и приезд Валентина Григорьевича Распутина первый раз в Тулун, и следующие приезды, и издание книги «Тулунские встречи Валентина Распутина» — всё это его дела, порывы его души. Это было первое провинциальное издание о нашем великом земляке. Валентин Григорьевич был разборчивым и строгим в знакомствах и общении. В жизни у него было не так много близких друзей, он трудно сближался по строгости своего отношения к дружбе. И как в прозе он выверял каждое слово правды, чувствовал, каким оно должно быть, так и отношения он определял той же требовательностью. Может быть, сближение с Николаем Терещенко было исключением, до личного знакомства Валентин Григорьевич не знал о его существовании, но с первой же встречи у них возникли приятельские, а потом и дружеские взаимные симпатии. Валентин Григорьевич почувствовал в нём жизнеутверждающую силу воли и характера, когда в поздравлении с днём рождения написал: «Люблю тебя и преклоняюсь и перед неутомимой деятельностью, и перед твоей неутомимой благодетельной жизнью. Искренне горжусь дружбой с тобой. И — долголетия, такого, что ахнут многие!»

* * *

Участники презентации, иркутские писатели Олег Слободчиков, Александр Обухов, Андрей Антипин, Альберт Гурулёв и я, поселились на базе отдыха «Казачка Ия».

Когда всё закончилось, Олег Слободчиков и Александр Обухов уехали, а нас троих Николай Васильевич позвал в тайгу, заодно подрядил на строительство лабаза на солонце:

— Вам, горожанам, интересно будет...

В бесчисленных блужданиях по тайгам я встречал множество лабазов, на одни натёкался случайно, другие указывали хозяева.

Чаще всего эти сооружения-временки из подручных материалов напоминали в лучшем случае пляжные лежаки из нескольких наспех сколоченных досок или жердин, закреплённых на толстых ветках сосны или лиственницы, с брошенной на них изношенной облезлой дублёнкой, с опасной, шатающейся, прогибающейся, скрипящей лестницей или с торчащими, вбитыми прямо в ствол, железными костылями, по которым чтобы вверх-то забраться, надо иметь кошачью цепкость, а спускаться просто смертельно опасно: оступишься — сверзишься с высоты двухэтажного дома... Но, как у нас говорят, нет ничего долговечней, чем временные сооружения.

Лабазы Терещенко — надёжные крепости, в которых ни дождь не страшен, ни ветер, ни холод, да и если вдруг медведь надумает проверить на прочность, — выдержат, хотя этот зверина в ярости и зимовье иное раскатает по брёвнышку. (Строительству лабаза посвящена одна из его историй.)

Неоднократно в рассказах Николай Васильевич говорит о смекалке: «Смека-

листым по жизни был и Павел Иванович Мурашкин. Лицо у него выразительное, запоминающееся. Притягивали взгляд мозолистые, наработанные руки с толстыми пальцами, они как-то не вязались с его небольшим ростом, кулачище у него было больше моего раза в полтора. Это был уникальный, кристально чистый, порядочный, бескорыстный, скромный и душевный человек».

О смекалистости Николая Васильевича можно говорить долго.

Припоминается 2001 год, когда он пригласил меня в поход на снегоходах в Саяны. Мы прошли озеро Харанур и добрались до вулкана Кропоткина.

В первые дни пути у нас сломались нарты. Всякого полезного и необходимого бутора набирается немало: бочки с бензином (горючее берётся на сотни километров пути), огромная десятиместная армейская палатка для ночлегов, одежда, еда, термосы, котелки, оружие, бензопила, бур, который может пригодиться не только для подлёдной рыбалки (об этом я скажу позже), инструмент для ремонта в пути, ручная дрель, ножовка по металлу, множество гаечных ключей и прочей необходимой мелочи. Аккумуляторный инструмент, облегчающий труд, не возмьёшь с собой: на морозе аккумуляторы садятся. И ничего лишнего не должно быть, всё имеет вес, всё учтено и проверено опытом. Свободное место в нартах не предполагается.

Остановились для ремонта. Один полоз от напряжения преломился. Металл не выдержал. Проволокой не свяжешь и металлическую шину не наложишь, потому что её нет, но даже и была бы — нет подходящего для этого инструмента. Стали думать. Выход один — наложить деревянную шину на внутреннюю поверхность и на болты прикрутить её к полозу, для чего надо просверлить отверстия.

Николай Васильевич протянул мне топор:

— Ты мастер деревянных дел — тебе и топор в руки. Выруби подходящую лесину и подгони её по месту.

Я нашёл относительно прямую с загибом на конце берёзу, стал обтёсывать, выравнивать, примерять, подгонять, дело двигалось медленно. Стали сверлить отверстия, но сверло, пригодное для металла, прокручивалось в промёрзшей древесине.

Николай Васильевич принёс карабин, мы с недоумением смотрели на него.

— Все отошли. Прислони полоз к берёзе. Где метка? — Он приложил карабин к плечу. Жесткий выстрел зазвенел в ушах. Пуля через брусок в ширину ладони прошла навывлет. — Попробуй вставить болт.

Болт плотно под ударами молотка вошёл в отверстие. Часа через полтора мы двинулись к намеченной цели.

Восхищаясь смекалкой других, он сам часто находил выход из, казалось бы, безвыходных ситуаций. Вспоминаю ещё один давний случай. Раньше охотился Николай Васильевич в Вершине Геренчина. Артиллерийский тягач на гусеничном ходу, приспособленный для облавной охоты, — на нём можно было преодолеть любое бездорожье, по сути, небольшой танк. Зимние реки в тайге не всегда промерзают так, чтобы через них могла проходить тяжёлая техника. Лёд застывает неровно, встречаются торосы, занесённые снегом промоины. Их не видно, и только когда врезаешься, понимаешь, что попал в западню.

Мы шли по руслу реки, чтобы потом свернуть в сторону, и вдруг ощутили по толчку, что танкетка уходит под лёд. Глубина была небольшая, мы успели спрыгнуть на лёд, а из воды торчала только кабина. Я первый раз оказался в такой передрыге и сразу загрузил. Солнце клонилось к горизонту, я уже было рисовал себе, как мы скоро дотянем до зимовья, разожжём печь, протопим баню, налома-

ем пихтовых веничков и будем париться, выбегая на мороз, падать распаренными телесами в ручей...

Самостоятельно не выбраться, длины лебёдки не хватит, чтобы зацепиться за ближнее дерево. До деревни десятки вёрст, да и есть ли там какой трактор?

Николай Васильевич спокойно, как будто ничего не произошло, говорит Анатолию Анисимову:

— Вырубайте лагу.

Жду, что будет дальше, успокаиваюсь, становится даже интересно: неужели вылезем?

Анатолий просверливает буром лёд под острым углом к поверхности, подтаскиваем и вставляем в лунку приготовленное бревно, упирая в дно, тянем трос от лебёдки, закреплённой на тягаче, захлестываем его петлёй на торчащем конце. Николай Васильевич включает двигатель. Трос медленно натягивается, становясь стальной струной. И вот железная машина дрогнула, готовая двинуться из полыньи, но бревно проворачивается, и трос, выстреливая, слетает с опоры. Меняем место, снова забуриваемся в лёд, снова цепляем трос, и наконец, вездеход медленно выползает на устойчивую твердь.

* * *

И ещё одна, последняя, история про находчивость.

Заходим в зимовьё, я в нём впервые. К противоположной стене пристроен выложенный из кирпича, основательно прокопчённый камин.

— Это что, ностальгия о цивилизации? — съязвил я.

Николай Васильевич улыбается:

— Не торопись, сейчас объясню. У нас по всей Сибири зимовья отапливаются исключительно железными сварными печками. На охоте обходишь путики, проверяешь, настораживаешь капканы, кулёмки, день короткий, стараешься успеть до темени, но не всегда получается. Приходишь в простывшее зимовье, растапливаешь железную печурку, ставишь чайник, котелок с едой — подогреть. Пока печь разгорится, пока прокалится железо, пока вода в чайнике закипит, пока зимовье прогреется, пройдёт час, а то и больше. А камин — это открытый огонь, тот же костёр в ограниченном пространстве: положил дров, подвесил котелок или чайник — и уже через десять минут кипятков готов, еда разогрелась и в зимовье тепло.

* * *

Читая рассказы Николая Терещенко, понимаешь: экстремальные путешествия для него не самоцель, не «адреналин», в них всегда есть дополнительный смысл, каждое посвящено важному культурному, историческому или духовному событию: помощь зимующим в таёжной глуши монахам, годовщина Великой Победы, память о выдающемся земляке, учёном-этнографе Виноградове и великих современниках Валентине Распутине и Николае Романкевиче, 70-летие журнала «Сибирь».

* * *

В конце ноября 2005 года мне позвонил Николай Васильевич, сообщил, что в области находится известный французский путешественник Николя Ванье, на собачьей упряжке собирается пройти от Култука до Москвы.

— Может, съездим, познакомимся, проводим его? Он пойдёт через те места, где я бывал, там есть очень опасные переходы, надо бы предупредить...

Я спросил, когда он стартует.

— Второго декабря, давай уедем первого, пообщаемся, переночуем в Култукке, а назавтра проводим и вернёмся.

Легко соглашаюсь, любопытство чувство не утоляемое.

Он подъехал не один, с давним другом Сергеем Морозовым, которого я знал. За разговорами мы пролетели сто километров, в Култукке нашли место обитания Н. Ванье. Его команда, с десяток, если не больше, сопровождающих лиц, расположилась в двухэтажном доме по Кировской улице, там раньше была поселковая больница, потом это здание пустовало. Смуглолицые, кучерявые, одетые в какие-то хламидины, они не были похожи на мужественных покорителей сибирских просторов, их бивуак напоминал цыганский табор, прокуренный и шумный. У нас путешественники, охотники, туристы, рыбаки одеты строже, как правило, в камуфляжные костюмы. Мы удивились этой разношёрстной и пёстрой толпе. Никола Ванье, ниже среднего роста, заросший щетиной, с неопрятными растрёпанными волосами, как и должно быть путешествующему экстремалу, сидел на незаправленной кровати. Разогнулся нам навстречу от открытого ноутбука, когда мы вошли в сопровождении его пресс-секретаря. Женщина была русской, но с французскими корнями. Переводила наш разговор.

Николай Васильевич объяснил, кто мы такие. Сергей Морозов поставил на стол бутылку армянского коньяка, купленного по дороге, и беседа полилась, как у нас говорят в таких случаях, по-простому, по-таёжному. Николай Васильевич стал расспрашивать о маршруте, на столе появилась карта, они с Ванье стали всматриваться, уточнять детали. Николай заговорил об опасности Саянских гор. Чувствовалось, что француз чего-то недопонимает, какое-то молчаливое недоумение читалось в его взгляде.

— А вас-то что интересует, — спросил, — в чём цель вашего приезда?

Николай Васильевич повторил:

— Путь очень сложный и опасный, я там уже ходил, поэтому хочу предупредить, показать, где безопасней пройти, чтобы вам не оказаться в трагической ситуации.

Переводчица перевела, но казалось, Ванье не понимал. Она прекрасно говорила по-русски, легко и уверенно переводила нашу беседу. Мы ещё долго говорили о многом, не только о предстоящем путешествии. И уже когда прощались, Никола снова вернулся к своему вопросу:

— А я так и не понял, зачем вы приходили...

* * *

В гостинице, вспоминая разговор, пришли к выводу, что у французского не укладывалось в голове, что какие-то русские приехали к нему за сотню вёрст только затем, чтобы предупредить об опасности. Он, исходя из европейских ценностей, и представить не мог, что никакой корысти у нас не было. Может, он не понимал ещё и потому, что не собирался на собаках преодолевать Саянские хребты, у него были другие планы. Спустя три или четыре дня, когда по центральному радио сообщили о том, что великий французский путешественник Никола Ванье преодолел Саяны и направляется в Тюмень, стало ясно, что преодолевал он Саяны

на надёжном вертолёте российского МЧС вместе с собаками и дюжиной сопровождавших его лиц: другого пути попасть в Хакасию в такие сроки не было. На собачьей упряжке он этот маршрут не смог бы преодолеть.

* * *

Знаменитого путешественника встречали в Москве в конце марта. В центральной России снег уже сошёл, и на Красной площади по серой брусчатке была накатана асфальтоукладчиком дорожка из снега, привезённого из какой-то соседней области, чтобы по ней следом за собачьими нартами смог пройти герой, наряженный в арктические одежды, в огромных овчинных рукавицах, у нас их называют вахрушки: таким он запечатлён на кадрах своего фильма «Сибирская одиссея».

— Понты всё это, — просто сказал Николай Васильевич, когда мы с ним как-то заговорили о нашей поездке в Култук. — Понты и больше ничего.

А я подумал о Фёдоре Конюхове, истинно великом русском путешественнике. Перечислю некоторые из его подвигов: Пересечение Чукотки на собачьей упряжке (1981), восхождения на Эльбрус и Эверест (1992) и кругосветная экспедиция на двухмачтовом коче «Формоза» (1993–1994), восхождение на Килиманджаро (Африка), в 1997, мировой рекорд по одиночному пересечению Атлантического океана (2004), первое в истории мирового парусного спорта одиночное кругосветное плавание на яхте класса макси через мыс Горн (2005) и тихоокеанский переход на вёсельной лодке от континента до континента без заходов в порты за рекордное время (2014), мировой рекорд по продолжительности полёта на тепловом аэростате (2016) и самый быстрый кругосветный полёт для аэростатов любого типа (2016).

И никогда не было рядом с ним ни МЧС, ни кинооператоров, и на Красной площади его не встречали организованные для эффектного кадра зрители.

* * *

И ещё мне думалось, когда я бывал в походах, на охотах, в тайге на сборе ягоды или на рыбалке, в недавнем прошлом на советском организованном профсоюзами картофельном поле и на уборке картофеля в колхозах и совхозах, что всё-таки прочен наш русский мир, прочен общинным строем, который жив не только в церковной общине, но и в повседневном труде, и особенно в стихийных сообществах рыбаков и охотников, экстремалов и туристов, лыжников, выезжающих в зимние выходные на загородные трассы. Когда на отдыхе незнакомые люди достают из рюкзаков свои припасы, не отворачиваются от других, чтобы съесть втихаря, а выкладывают на общий стол, и через еду, как в церкви через причастие, происходит причастие общей крепости нашего единения.

На охоте добытый зверь делится поровну, и рыба, выловленная артельно, независимо от твоего личного вклада «раскидывается» между всеми участниками промысла. Западный индивидуализм, в котором каждый сам для себя и сам за себя, чужд нашему народу. Мы всё ещё сохраняем общинный дух.

Николай Васильевич некоторых из героев своих рассказов называет учителями. Но ведь и в численно большом школьном классе мало отличников, хотя все слышат учителя, и он обращается ко всем без исключения. Всякого человека Создатель наделяет изначально каким-нибудь даром, талантом, не за заслуги, а от щедрости и милости своей одному насыпает полной горстью, другому поумерен-

ней, шепотью, и от того, как сам человек распорядится подарком, зависит и судьба человека. И воля имеет определяющее значение. Николай Васильевич в жизни внимательный ученик.

«Я тогда пацаном был, — вспоминает он, — но хорошо усвоил уроки деда Тимофея. Перед выделкой шкурок он обязательно мыл руки с мылом и говорил:

— Надо вот так тряпочку брать и обирать жиринки, сухожилия, кусочки мяса, где остались, то есть мездру.

Шкурки обезжиривал, разминал, очищал. Старался не пересушить у печки, чтобы их не скрутило.

И опыт деда мне впоследствии пригодился. Добытая мной пушнина всегда оценивалась очень высоко. Я ещё практикантом был, а меня уже заготовитель Ишидейского участка приводил штатным охотникам в пример:

— Вот мальчишка, студент, а пушнину выделывает лучше, чем вы, охотники, которые всю жизнь охотятся».

Или вот в другом месте: «Кроме охотничьих знаний, получил я от Прокопия Корнеевича знания по выживанию в тайге».

Учёба даётся не каждому. Мне видится, Николай Васильевич учится всегда и всему, что может пойти на пользу. Он многого достиг. И уже на него, как он когда-то на своих учителей, смотрят молодые, видя и понимая, что у него много чему можно поучиться. Есть в Николае Васильевиче твёрдая мужицкая надёжность: если дал слово — исполнит, если дело начал — закончит, если видит, кому трудно, — подставит плечо, поможет.

Он объединяет людей и на предприятиях, которые создаёт, и на охоте, и в многочисленных путешествиях, и в культурных событиях. Не так просто из попутчиков, случайно оказавшихся вместе, каждый с особым характером, привычками, странностями, — сплотить дружину, коллектив, подчинить единой воле, необходимой не только в экстремальных условиях. У него это получается.

В заключение хочу привести эпизод из воспоминаний Николая о детстве, когда он с отцом Василием Степановичем и старшим братом Михаилом впервые оказался на «взрослом» кедровом промысле:

«Вечерами нам хотелось посидеть у костра, отдохнуть, но отец говорил:

— Будем делать машинку.

И вместо отдыха за две недели мы сделали машинку для переработки кедровой шишки. Ещё её называют тёрка или дробилка. Вначале мы выстрогали круглый вал с продольными выступами при помощи топора и колотушки. Продолбив с одного конца вала квадратное отверстие, вставили в него деревянную ручку. На «козлике» запилили «ласточкины хвосты», в них вложили две плахи-«щеки». Между «щеками» закрепили вал с правильно рассчитанными и запиленными зазорами — зубчиками. Вал проворачивался между «щеками», дробя шишки.

Хочу как-нибудь в ореховый сезон взять с собой в тайгу внука Колю и вместе с ним смастерить деревянную машинку для переработки кедровой шишки без единого гвоздя! Колот отец тоже делал без единого гвоздя...»

Как Николаю у своих родителей, так и внуку Николаю есть чему поучиться у своего деда.

* * *

Предваряя рассказы Николая Васильевича Терещенко вступительным словом, мне хотелось припомнить то, чему я был свидетель за долгие годы знакомства, на

что обратил внимание, что поразило, удивило или заставило задуматься, а в чём-то и измениться. Надеюсь, читатели с любопытством и пользой для себя познакомятся с жизнью и непрестанной деятельностью автора, неутомимо любящего жизнь и делающего её лучше. В журнале «Сибирь», когда я был главным редактором, мы вели рубрику «Жития народные», публиковали произведения не профессиональных писателей, а рядовых людей с яркой судьбой, которые искренне и честно рассказывали, без литературных домыслов и художественных придумок, о событиях своей жизни, в которой правда, а не вымышленные коллизии являются основной темой, а главный герой — сам автор. Рассказы Николая Терещенко — произведения из этого ряда.

НИКОЛАЙ ТЕРЕЩЕНКО

Непридуманные рассказы

Дерево-кормилец

Давно ушёл из жизни мой отец, Василий Степанович Терещенко, а память снова и снова возвращается в то время, когда он был жив. Вспоминается детство...

Когда я перешёл в седьмой класс, отец попросил директора Ишидейской школы отпустить меня и моего старшего брата Михаила до середины сентября добывать кедровые орехи. Директор не возражал.

К заезду в тайгу готовились тщательно. Мать покупала свежий хлеб, разрежала буханки на ломти, сушила в русской печи на поду, а сухари укладывала в мешки. Кроме сухарей взяли с собой картошку, сало, баранину, крупы, соль, сахар. На первое время — несколько булок свежего хлеба. Лошадь завьючили продуктами, упакованными в мешки, и отправились в путь. Кедровая тайга от деревни находилась в тридцати километрах. Это целый день ходу. Отец вёл лошадь под уздцы по торной, натопанной тропе, я и Михаил шли налегке следом.

ТЕРЕЩЕНКО Николай Васильевич — известный в России путешественник, предприниматель, охотовед-биолог. Родился в селе Ишидей Тулунского района Иркутской области. Окончил Иркутский сельскохозяйственный институт. Вся его жизнь связана с родным краем. Начал заниматься бизнесом в 1987 году, с самого зарождения кооперативного движения. Выстоял, несмотря на трудности. Его бизнес имеет много направлений: заготовка и переработка леса, изготовление продукции из древесины: межкомнатных дверей, столов, табуреток, штакетников и др. На его предприятии заготавливают металлолом, одна его часть идёт в переплавку, другая отгружается на заводы. В Тулуне делается качественная, доступная по цене продукция, особо востребованная сельскими жителями: плиты для печей, печи для бань, теплиц и зимовий, трубы, котлы и многое другое. Арендует семьдесят две тысячи гектаров охотничьих угодий. Оказывает поддержку храмам, школам, больницам, общественным организациям. Поддерживает многие культурные начинания. В 2021 году Николай Терещенко выпустил книгу «Неутолимая жажда жизни». В коротких рассказах он повествует о людях, с которыми сводила судьба, о преодолении трудностей, о становлении характера, о смысле человеческой жизни. Живёт в Тулуне.

Таёжники следили за состоянием тропы: расчищали от упавших деревьев, распиливая их пилой-«двуручкой» на чурки и оттаскивая с тропы, рубили молодые деревца. Мы двигались по тропе без заминок, без опаски порвать о ветви мешки с продуктами, навьюченные на лошадь.

У лошадей характеры наособицу. Одна идёт, обходя деревья и препятствия, а другая — напролом. Иногда специально трётся боком о стволы деревьев, чтобы освободиться от груза. Среди животных так же, как среди людей, есть ленивые. Есть люди-аккуратисты, есть лошади-аккуратистки. Лошадь — животное умное, в человеческой истории не было другого помощника рядом с человеком, разделявшего с ним тяготы повседневного и ратного труда.

Перед заходом в тайгу отец сводил лошадь в кузницу. Горные тропы вились по камням, и неподкованная лошадь набивала «стрелки», то есть повреждала копыта. Хромое животное, цепляясь больной ногой за камни и другие препятствия, не годилось для перевозки груза. Перед ковкой отец аккуратно обрезал «стрелки», делая обрамление для подковы. Копыто для лошади что ноготь для человека: отрезал больше — начинает болеть. Отец сам подковывал лошадей. Этому он научился у своего отца, моего деда. Я присматривался, приглядывался, что и как он делает, и в дальнейшем самостоятельно подковывал своих лошадей, используя их на охоте и при заготовке кедрового ореха...

Зашли мы в кедровую тайгу, которая называлась «Крупенёва». По рассказам отца, в этой тайге добывали орех братья Крупенёвы. Потом состарились и перестали ходить, а название так и осталось — тайга «Крупенёва». Располагалась она в предгорьях Саянских гор. Шишка там всегда крупная родилась, и был хороший «пол» — земля, покрытая мелким мхом и хвоей. Тяжелее приходилось собирать шишку, если она проваливалась в сырой плотный мох, в траву и кустарник.

По крупной шишке работа спорилась, и выход чистого ореха был больше: для получения одного мешка чистого ореха перерабатывали 4,5 мешка шишек, а если шишка помельче, то требовалось 5 мешков.

До места мы добрались вечером. Лошадь оставили пастись возле ключа. Каждое утро отец ходил смотреть, всё ли с ней в порядке. Поправлял путо, верёвку, которой спутывали передние ноги, чтобы конь не убежал домой.

Устроились в маленькой зимовьюшке. Спали на нарах, подстелив тулуп. Накрывались стареньким одеялом. В конце августа — начале сентября ночи в тайге холодные. Отец топил печку. Научил нас, как огонь поддерживать, чтобы не жарко было и не мёрзнуть: на угли клал сырые толстые поленья. Под утро отец вставал, подтапливал печку, нас не тревожил — мы постоянно ощущали его заботу. Пока мы с братом досыпали сладкие утренние часы, отец чистил и отваривал картошку, жарил сало на сковородке или варил суп. Работа в тайге изнурительная, да к тому же весь световой день от зари до заката, поэтому питались хорошо. Отец был сильный физически, трудолюбивый, в день мы добывали до 15 мешков шишки. Ему доставалась самая тяжёлая работа: сбивать колотом шишки с кедров. И психолог он хороший был: подзадоривал меня и брата: «Ну, кто больше соберёт?» И обязательно похваливал: «Молодцы, молодцы!». А мы и рады стараться, собирали с большим усердием.

Добыча ореха в Сибири — дело достаточно распространённое. Но, как и любое другое дело, имеет свои тонкости, помогающие облегчить и обезопасить труд, заготовить больше шишек и нанести минимальный вред природе.

О тонкостях промысла отец рассказывал нам, когда мастерил колот, колотушку для сбивания шишек с кедров.

— Колотушку, — объяснял отец, — следует делать из берёзы или лиственницы. Кедр нельзя валить: это дерево-кормилец. Предпочтение заготовители отдают лиственнице. Но делают из того дерева, которое имеется поблизости.

Спилит он берёзу, отделил от неё продолговатую чурку, в середине которой выпилил так называемый ласточкин хвост. Для ручки взял полусухую жердину, но крепкую, чтобы не сломалась во время работы и не покалечила человека. Ручка из полусухого дерева при ударе о ствол пружинит — бить сподручнее, а из сырого — вибрирует. Затесал рукоять и вставил в «ласточкин хвост», подогнал, чтобы она плотно вошла в отверстие. На ручке на уровне груди с двух сторон сделал затёсы, чтобы во время работы колот в руках не проворачивался и его на плече от кедра к кедру переносить было удобней.

Соорудил отец колот и пошёл стучать им по кедрам. Здесь тоже сноровка нужна: рассчитать уклон ручки так, чтобы колотушка при ударе торцовой плоскостью плотно прилегалась к стволу, не разбивая коры. Это немаловажно для кедра. Когда кора сбивается, дерево болеет, смолу выделяет, чтобы залечить раны. И постепенно засыхает.

Учил нас отец, как при этом и свои силы беречь:

— Не торопись ставить колот к каждому дереву. Осмотрись. Его надо так расположить, чтобы с одного места, не переставляя, по трём, а то и по большему числу деревьев ударить. Ручку вставь в землю и прокрути с нажимом вниз. Колот крепко осядет в землю и не выскочит при ударе о ствол. Иначе изувечить может.

Отец стучал по кедрам. Мы с братом собирали в рукоусой или клумку шишки. Это обычные мешки с привязанными по одному краю ляжками. Клумку вешали на шею, пропустив под рукой. Отец наставлял:

— Сразу не бросайся шишку подбирать. Примечай, куда другие упадут. Чем больше их упадёт, тем лучше — шишка шишку ищет. Поднял шишку, ищи рядом другую: в лунке, под листом или в кашкарнике. Да не по одной бери, старайся за раз захватить три-четыре. Это не работа — по одной шишке в клумку бросать. Шишки и ногой надо уметь чувствовать, когда наступаешь на них.

Он был прав. Эти нехитрые правила позволяли за короткое время собрать больше шишек. Старались всё подбирать, но потери были всё-таки огромные: то в мох упадут, то их листьями накроет, то в кустарнике затеряются или в траве. Наши потери обращались благом для лесных обитателей. Любой зверь радовался находке: шелушил шишку и с удовольствием съедал орешки.

«Выбьет» отец группу деревьев — мы шишки соберём. И снова нас наставляет:

— Большое количество деревьев отбивать не надо. Отстучал на мешок-полтора группу кедров — сделай отбойное обомшление: на ветки клок мха или травы повесь. Приметки оставляй и там, где шишки собрал. Это второе обомшление — на колодину, на пенёк мох или клочок травы клади или на кустарничек вешай. Собрал шишки — и закружил это место, то есть пометил.

Это делалось для того, чтобы не возвращаться на прежнее место, не терять зря время и силы. Такие тонкости знают профессионалы, а их на сегодня практически нет. Остались единицы, но по возрасту в тайгу они уже не ходят. Думаю, такая подсказочка пригодится начинающим орешникам. Жизнь не останавливается. Кедровый орех добывали и добывают. Его используют не только как пищевую добавку к основному питанию, но и как лекарственное средство, применяя целый орех, его скорлупу, а также кедровое масло, хвою и смолу.

Учёные выявили, что кедровый орех не содержит холестерина, почти половина его состава — это полезный растительный белок. К тому же ядрышки богаты аминокислотами, полиненасыщенными жирными кислотами, витаминами А, В, С, Е, Р, а также калием, кальцием, магнием, фосфором и другими минеральными элементами. Имея такой впечатляющий набор полезных веществ, кедровый орех предотвращает преждевременное старение организма, восстанавливает и поддерживает иммунитет. Полезен при аллергических заболеваниях, болезнях сердца, атеросклерозе, при заболеваниях желудочно-кишечного тракта, желчнокаменной болезни.

Из ядрышек кедровых орехов в домашних условиях можно получить вкусные, полезные молоко и сливки. Но и это не всё: из них вырабатывают ещё и кедровую муку...

Вечерами нам хотелось посидеть у костра, отдохнуть, но отец говорил:

— Будем делать машинку.

И вместо отдыха за две недели мы сделали машинку для переработки кедровой шишки. Ещё её называют тёрка или дробилка. Вначале мы выстрогали круглый вал с продольными выступами при помощи топора и колотушки. Продолбив с одного конца вала квадратное отверстие, вставили в него деревянную ручку. На «козлик» запилили «ласточкины хвосты», в них вложили две плахи-«щеки». Между «щеками» закрепили вал с правильно рассчитанными и запиленными зазорами — зубчиками. Вал проворачивался между «щеками», дробя шишки.

Хочу как-нибудь в ореховый сезон взять с собой в тайгу внука Колю и вместе с ним смастерить деревянную машинку для переработки кедровой шишки без единого гвоздя! Колот отец тоже делал без единого гвоздя...

Раздробленные шишки просеивали через два сита. Первое обычно всегда находится возле зимовья, оно было готово к использованию. А сито-решето, привезённое с собой, пришлось доводить до ума. Для него вырезали борта-бичайки, в них прожгли дырочки, в дырочки продели верёвки, привязали крючки, за них оба сита подвесили на вешала-жердины.

На первом сите отделяли орех от крупных остатков шишек. Подстилали брезент, на который высеивался орех и мелкий мусор. Через второе сито-решето отсеивали мусор, орехи оставались в решете. Когда трясли решето, крупный мусор и пустые орехи выкруживались на поверхность полновесного ореха. Отец отбивал орехи на решете так, что остатков от кедровых шишек оставалось совсем немного. Очищенные орехи высыпали в мешки.

Затаренные орехи хранили на стеллажах, то есть прибитых к деревьям жердях. Чтобы мыши не добрались до них, с комлевой части хвойных деревьев стёсывали кору. По ошкуренному стволу стекала смола, и грызуны, увязая в ней лапками, не могли добраться до мешков с орехами. От птиц сверху мешки прикрывали ветками и тряпьем. Орех на стеллажах проветривался, долго хранился и был недоступен птицам и животным. Кедровые орехи — желанное лакомство для людей, животных и птиц. Осенью по чернотропу это питательная прибавка к пище охотника. В урожайный год во время поисков дичи по пути я собирал шишки, которые уронили белки или кедровки. Шелушил их, орешки ссыпал в карманы и щёлкал. За день съедал примерно четыреста граммов ядрышек. Когда садился обедать, есть не хотелось. Чай кипятил, пил с кусочком сахара и всё. Настолько орехи питательны и сытны.

Когда орех долго хранится, то в нём заводится «горькота» — грибок или плесень. Это случается, когда скорлупа при переработке повредилась, или при длительном хранении. Орех становится прогорклый и невкусный. Им даже можно отравиться — получить расстройство желудка.

Как я уже говорил, орехи в тайге любят все: изюбри, лоси, волки, лисицы, соболя, глухари, рябчики, мелкие птички и мышки, не говоря уже о медведях, белках и кедровках, — наверное, процентов девяносто девять всех животных. Для них осенью и весной это основной корм. Если бы не кедровники, наша тайга не была бы столь богатой.

Медведь, добытый в урожайный ореховый год, жирнее, чем в неурожайный. У него мясо и жир вкуснее и полезнее, и без какого-либо запаха. Дикие свиньи, кабаны, с удовольствием поедают кедровый орех, белки, птички прячут про запас. Бурундук запасает до трёх-четырёх килограммов, орешки он прокладывает сухими листиками, чтобы не слежались и не залежались, не заплесневели на сырой земле, а «дышали», чтобы малая, но была вентиляция. Медведь любит раскапывать бурундучьи кладовые.

Кедровка выбирает из шишек отборные орехи, набивает ими зоб и летит, как бомбардировщик. Прячет добычу в укромных местах: в мох, в расщелины, в колонины, в дупла. Не отстают от неё и другие обитатели тайги, орех попусту не пропадает. Животные и птицы не только кормятся им повседневно, но подбирают и запасают впрок. Зимой находят свои или чужие кладовые.

В урожайный год соболь меньше уничтожает птиц, бельчат, а переходит на орехи. Резко возрастает численность рябчиков, глухарей, белой куропатки и всех остальных мелких и крупных пернатых. Когда охотишься в такой год на соболя, он плохо идёт в капкан на приманку. Чувствует железо, подвох. Придёт и лапкой капкан может закрыть, приманочку вытащить. А когда он голодный, бросается на приманку и попадает в капкан. В урожайные годы все сыты, всем благодатно и уютно в тайге.

Перед урожайным годом белка вынашивает до двенадцати бельчат. И они не погибнут от голода, так как будет изобилие корма. Это выявили учёные Всероссийского научно-исследовательского института охотничьего хозяйства и звероводства имени профессора Б.М. Житкова. Чутьё, знание о том, когда будет урожайный год на кедровые орехи, заложены в белке природой.

Кормовая база животных, птиц и насекомых сбалансирована и стабилизирована природой. При пожарах разрываются кормовые связи, нарушается биоценоз. Огромные площади после пожаров выходят из-под контроля природы — там мёртвая зона. Но природа не терпит пустоты. Лет через пять, десять, двадцать гарь начнёт зарастать травой, кустарниками и деревьями: кедровка занесёт с других угодий кедровые орехи, залетят семена берёзы, иван-чая. Тайга восстановится, но произойдёт это через десятилетия, через столетия. Тут есть о чём задуматься.

* * *

Выходили мы из тайги налегке, так как на одной лошади почти тонну добытого ореха было не вывезти. Брат и я вернулись к занятиям в школе. Отец взял трёх лошадей, нанял человека и с ним вывез оставленный в тайге орех.

Без лошадей в тайге не обойтись. Когда я стал взрослым, занялся ореховым промыслом, то вывозил добытый орех на двух лошадях. Вторую привязывал за

хвост к первой. Вьючно загружал на лошадь два мешка. Привязывал их тонкими сыромятными ремнями, отрезанными от гужа. К ремням заранее прикреплял крючки из загнутых гвоздей. В то время капроновых верёвок не было. Крючок цеплял за луку седла. Лука — это дуга. В таком деле необходима смекалка. Головоотяпство в тайге недопустимо...

С давних пор люди в тайге перевозили на лошадях груз, используя узкие звериные тропы, которые постепенно расширяли, подрубая кусты и деревья. Мне довелось вывозить кедровый орех много лет. Всё до мелочей помню. Два мешка — это примерно сто килограммов ореха — можно вывезти на лошади за один раз. Если лошадь умная, то старается обойти дерево, чтобы не ударить об него мешком и не разорвать его о сучок. А разорвался мешок, орех высыпался — и весь труд пропал, так как собрать орехи с земли в грязи, во мху практически невозможно...

Мой отец ходил в орехи тридцать сезонов. И я возле него набрался опыта. Часть добытого ореха оставляли на зиму на питание. Часть продавали и сдавали в заготовительные организации. И продажа кедрового ореха давала большую часть совокупного дохода денег в семью. Это был серьёзный приработок для семьи, возможность сделать крупные покупки. Отец на эти деньги нам, ребятишкам, купил велосипед. Себе — вначале мотоцикл «Планета», а потом и «Урал». Для того времени это была дорогая, но необходимая техника. Могли позволить себе купить хорошую одежду.

Отделять охотничий промысел от добычи кедрового ореха нельзя. Испокон веков у нас в Присаянье охотники заходили на заготовку кедрового ореха, чтобы заработать «копеечку», и на эти деньги закупали себе провиант для охоты, обеспечивали семью финансами. В это время охотники приглядывали, где обитают соболя. Ремонтировали зимовье. Заготавливали дрова. Зимой, когда снег по уши, тяжело эти работы выполнять. Во время заготовки отбирали мелкие шишечки, прибирали их до следующего, малоурожайного или неурожайного года на приросту соболей и белок. Эти промыслы взаимосвязаны.

Впоследствии как орешник-профессионал, а я могу отнести себя к этой категории людей, я добыл много десятков тонн кедрового ореха.

Век учись

В этой главе хочу рассказать о том, как я стал охотоведом-биологом, как набирался опыта в своей профессии, умения выживать в дикой природе, и ещё много о чём...

В 1965 году, после окончания восьмилетней Ишидейской школы, повёз я документы для поступления в Иркутский заготовительный техникум по специальности «охотовед-биолог». Потом его переименовали — в моём дипломе, полученном в 1968 году, вписано новое название: Иркутский пушно-меховой техникум. В учреждении готовили специалистов среднего звена, или среднего класса, для охотничьих хозяйств. Охотовед должен правильно оценивать принимаемую от охотников пушнину, чтобы самому не остаться внакладе, чтобы предприятие не пострадало и охотник не остался в обиде, бороться с браконьерами и следить за тем, чтобы не оскудели охотничьи угодья при заготовке пушнины и мяса диких животных, участвовать в заготовке дикоросов: кедрового ореха, лекарственного сырья, ягод и грибов.

Вскоре после того, как я сдал документы, в Ишидей пришло письмо, в котором сообщалось, что «Терещенко Николай Васильевич зачислен на первый курс Иркутского заготовительного техникума по специальности «охотовед-биолог». Также мне предлагали примкнуть к производственной практике по заготовке ягод. В то время в Тулуне существовал Тулунский коопзверпромхоз, туда мне и надо было явиться. Я пришёл, мне объяснили, где и когда собирается группа, что нужно взять с собой. Продукты нам выдавали на месте заготовки ягод.

Так я, ещё не учась, примкнул к группе второкурсников техникума, и нас завезли в устье реки Тагны. Там был населённый пункт, который минуешь по пути в бывшее таёжное поселение Белая Зима. В то время в устье Тагны жил старик Василий со своей старухой. Они держали коров. Мы поселились в одном из брошенных домов, в нём были только печка и нары вдоль стен. Питались тушёнкой с макаронами и крупами. Варили по очереди. Штатные охотники развозили нас на деревянных лодках по Кирею и Тагне в те места, где находили ягоды. Собранные ягоды мы откатывали, то есть перебирали, и сдавали приёмщику. Он взвешивал, пересыпал в бочки и записывал, какое количество сдал каждый студент.

К этой работе я приучен с детства, со второго класса. Мать брала нас, пятерых детей, с собой по ягоды. Сбранную ягоду перебирала, и мы вёдрами несли её в заготовительный пункт. Поскольку к сбору ягод я приучен, то на практике собирал их быстро и в большом объёме.

После практики началась учёба. Перед ноябрьскими каникулами меня пригласили в учительскую к завучу. Захожу, здороваюсь. Завуч говорит:

— Терещенко, распишись в ведомости. Вот деньги прислали из Тулунского коопзверпромхоза.

Я очень обрадовался этим деньгам. Ведь это было такое подспорье! Родители мне много денег дать не могли. Давали десять — двадцать рублей в месяц на учёбу и проживание — за квартиру заплатить и на питание. Это и в то время было очень скромно и бедно. И вдруг я получаю сорок пять рублей — половину отцовской зарплаты! Он получал девяносто рублей в месяц, а я побыл на заготовке ягод пару недель и заработал такие деньжищи! Это было такое счастье, такая радость! И потом директор и завуч техникума ставили меня в пример студентам. Директор говорил:

— Он настоящий охотовед будет. Хорошо проявил себя на практике — больше всех собрал ягод.

Но я-то родился и вырос в тайге. Умел собирать ягоды и поэтому такой объём заготовил.

Учился я хорошо. В 1967 году мы несколько месяцев проходили производственную практику. Вначале заготавливали дикорастущие орехи и ягоды. Сдавали их в заготовительные пункты, полученные квитанции прилагали к отчёту по производственной практике. Когда закончился сезон заготовки дикорастущих, начался промысел — охота на пушного зверя.

И здесь мне вспомнились навыки, смекалка в охотничьем деле моего деда по материнской линии Тимофея Ивановича Синельникова, который прожил 104 года. Он был уникальный человек. Знал и рассказывал нам, своим внучатам, сказки про лес, про охоту, про царевну. Охотился он на мелкого зверя. Отлавливал ондатр — водяных крыс, добывал белок, собольков и колонков. Жил в деревне Карагун Нижнеудинского района. В той деревне и мои отец с матерью родились. В Карагуне не было пункта по приёмке пушнины. Дед приносил пушнину в поняжке (поняге) и говорил моему отцу:

— Вася, ты там потом сдай пушнину.

И отец сдавал в Икейский заготовительный пункт.

Принимая пушнину, заготовитель хвалил:

— Опять привёз первосортную, хорошо обделанную (то есть выделанную — Прим. авт.).

Я тогда пацаном был, но хорошо усвоил уроки деда Тимофея. Перед выделкой шкурок он обязательно мыл руки с мылом и говорил:

— Надо вот так тряпочку брать и обирать жиринки, сухожилия, кусочки мяса, где остались, то есть мездру.

Шкурки обезжиривал, разминал, очищал. Старался не пересушить у печки, чтобы их не скрутило.

И опыт деда мне впоследствии пригодился. Добытая мной пушнина всегда оценивалась очень высоко. Я ещё практикантом был, а меня уже мастер Ишидейского участка приводил штатным охотникам в пример:

— Вот мальчишка, студент, а пушнину выделывает лучше, чем вы, охотники, которые всю жизнь охотятся.

Дедова аккуратность по отношению к пушнине, к охоте, умение правильно зарядить патроны у меня всегда вызывали уважение. Охотник должен быть аккуратистом во всём. Чистыми руками поставить капкан, чтобы зверёк не учуял запаха человека и железа. Петлю нужно об пихту потереть, чтобы от неё шел лесной дух. Если прокуренными руками поставить петельку, например, на зайца, он её учует и не подойдёт к ней.

Когда я проходил производственную практику по пушнине, отец познакомил меня со своим старым другом, учителем техникума Прокопием Корнеевичем Новосёловым. Он родился в 1922 году, воевал в Отечественную, был ранен. Он руководил практикой и дополнил знания, полученные мной от деда, так как был профессиональным охотником. Поделился опытом добычи соболя, когда собаки загонят его в колодину. Добыть его оттуда дело не простое: зверь очень хитрый и умный. По сей день помню уроки Прокопия Корнеевича:

— Если собака загнала соболя в колоду, посмотри с одной и с другой стороны, есть ли из колоды выход. Если есть — бери ветки, сухие сучья, затыкай его. В середине колоды вырубай щель — маленькую дырку, такую, чтобы зверёк не мог через неё вылезти. Соболю в эту щель будет носик высовывать, пытаясь выбраться, а ты его сбоку берёзовым прутом шуруй. Потом тихонько отойди, и только он снова нос покажет, из малокалиберной винтовки по мордочке его — чик! Шкурка первосортная будет.

Дед Тимофей и Прокопий Корнеевич правильно и шкурки соболей «садили» — растягивали...

Соболь — хищник. Уничтожает рябчика, глухаря и кабаргу — самого мелкого копытного. Вцепится ей в шею, кабарга бежит, пока вся кровь из неё не вытечет, обессиленная падает, и соболю жирует на её мясе. Я много раз находил подавки соболя. Глухаря он режет, чаще самок — копылух. Глухарь более крупный и сильный, а копылуха поменьше, послабее и, в отличие от него, ночует на земле. Соболю давит и съедает копылух на гнёздах. Съедает яйца, которые они насиживают, и вылупившихся птенцов.

Сейчас численность соболя резко увеличилась. И связано это с тем, что рухнула система охотничьих хозяйств. А без дирижёра никакой музыки не будет: кто в лес, кто по дрова, скрипка туда, кларнет сюда, барабан оттуда. Не стало охот-

ников-соболятников, да и приёмная цена на шкурки упала. Когда система работала, охотников обеспечивали провиантом, боеприпасами, оружием. Оплачивалось строительство зимовья в сумме до трёхсот рублей. Это неплохая подработка была: и с пользой, и с копеечкой. Не зря пилой попил, топором помахал — построил избушечку. Государство всё правильно рассчитало, позаботившись о быте охотника: значит, он больше пушнины добудет. А выгоду государство большую получало: окупались затраты соболями. Пушнину, шкурки соболя и белки, Россия выставляла на международные аукционы. Первоначально преимущество было за беличьими шкурками. Её добывали миллионами. Сейчас промысел белки невелик из-за дешевизны, да и численность её резко сократилась. Здесь напрашивается вопрос к учёным: почему не стало белки?

Сейчас государство выставляет на аукционы соболиный мех. Особенно ценится мех баргузинского кряжа. Приезжают богатые люди из-за границы. Ценник на него всегда поднимался очень высоко. Нам платили за добычу соболя скромно, но тем не менее сезонный заработок у охотников был неплохой. Особенно отличались опытные, смекалистые охотники.

Соболь из свойственной ему среды обитания, темнохвойной тайги, разошёлся по другим лесам, лиственным и смешанным. Произошло это из-за вырубки кедровых лесов, болезней кедра и лесных пожаров, уничтоживших кедровники. Распространение соболя по другим лесам привело к сокращению не только местных птиц, но и перелётных, прилетающих к нам для размножения.

Соболь встречается везде: на болоте, в березняках. Если медведь шесть месяцев лежит в берлоге, а шесть месяцев ест травку и лишь изредка животину задавит, то соболь двенадцать месяцев в году поедает животную пищу.

Ещё у соболя особенность такая имеется: оставить отметину на берлоге. Не обязательно на свежей — на старой, брошенной тоже: забежит наверх и пометит помётом.

Бывало, иду по тайге на лыжах и вижу, где он кедровку задавил, где сойку, где поползня. Бегают зверёк очень быстро, но если почуял под снегом кедровую шишку, то резко останавливается, роет воронку, вытаскивает шишку и разгрызает. Вот какое у него обоняние: в метровом снегу среди запаха травы, мха, лесной подстилки чует особый пряно-смолистый дух кедровой шишки. Он много бегают, ищет корм: не орех, так ягода, не ягода, так мышь, не мышь, так птица.

Это для природы болезненно. Нарушается баланс пернатых и белки. Соболь — зверь (зверьком его не назовёшь) очень серьёзный и злобный. Он прокусывает сапог, прокусывает собаке морду. Во время его поимки охотники соблюдают осторожность.

Белку добывать проще, но тоже нужны знания и навыки, чтобы добыть больше и не повредить шкурку. Я эти знания в детстве от деда Тимофея получил, на производственной практике — от Прокопия Корнеевича. Они были аккуратисты, всё правильно делали. Среди охотников бытует выражение: «белку в глаз». Это значит прицелиться и выстрелить белке в глаз, чтобы через другой заряд вышел навывлет. Шкурка не повреждается и идёт первым сортом. Платили за такую шкурку хорошо. Если не попал ей в глаз, шкурка браковалась, платили меньше. Получалась бессмысленная работа, пустая трата сил, патронов. Пребывание в тайге в таком случае было не оправдано. Меня ставили в пример старым охотникам, мужикам, которые всю жизнь охотились, за то, что попадал белке в глаз. Некоторые относились к охоте на пушного зверя так: ну, стрельнул и стрельнул, есть мало-мало пушнина — и ладно...

Кроме охотничьих знаний, получил я от Прокопия Корнеевича знания по выживанию в тайге: как готовить дрова «двуручкой», какие деревья брать на дрова. Ночёвка в лесу требует подготовки. Я валил сухой кедр без коры, это указывало на то, что кедр достаточно сухой, распиливал его на чурки, колот на мелкие и крупные дрова. Заносил в зимовье. Мелкие дрова шли на растопку, а крупные подкладывал в печку, когда готовил еду себе и собакам. На ночь в печку клал сырой листвяк, но лучше берёзу: она не «стреляет» искрами. Накладывал на угли сырые дрова, и печка до двух-трёх часов ночи топилась. Если до этого времени не успевал подложить дров, печка затухала. Становилось холодно. Вставал — и снова растапливал. Зимовье холодное, светилось насквозь, так как мыши растаскивали мох из пазух брёвен, рыли норы под домиком. Дрова заготавливал с запасом, чтобы ночью не ходить пилить их и колот. Заготовкой дров занимался осенью. Складывал их в поленницы у зимовья.

Случалось ночевать и в переходном зимовье. В нём дров могло не оказаться, так как останавливалось много людей. По пути к такому зимовью срубал сухое хвойное дерево и тащил за собой. На месте распиливал его «двуручкой», колот чурки, дрова, складывал. Дерево выбирал нетолстое, диаметром шестнадцать-восемнадцать сантиметров. Смолистые дрова хорошо разгорались. Зимовье как быстро нагревалось, пока печка топилась, так быстро и остывало. Но после тяжёлого перехода успевал высушить вещи и ночевал в тепле.

Зимовья раньше были скромные, довольно убогие, покрытые плахами. Наверху для тепла насыпали немного земли. Но охотнику лучше плохое зимовье, чем хорошая палатка или ночёвка в снегу.

Неоднократно ночевал и в снегу. Разгребал снег, натаскивал сухих дров, жёл несколько часов костёр. На горячую землю укладывал ветки ёлок, пихты, кедрача. С краю от лежанки разжигал костёр из стволов и толстых чурок. Укладывался на лежанку, укрывался тёплой курткой. На такой лежанке кварцуешься от камней и земли. От прогретых хвойных ветвей идут смолистые испарения, выделяются фитонциды — своего рода ингаляция, — не дают привязаться простуде и лечат лёгкие, бронхи, если имеется какая-то инфекция. Перед такой натуральной ингаляцией больница отдыхает.

Я собрал все свои материалы по вопросам выживания в дикой природе и послал в Ганноверский университет в Германию. Там мне сразу предложили стать членом Ганноверского университета. Им были интересны мои экстремальные, сложные и тяжёлые путешествия. Знания о том, как в пургу, в бурю, в снегопад или в дождь поставить палатку и развести костёр. Как найти дрова. Как обустроиться, чтобы выжить в Сибири, не замёрзнуть самому и сохранить в рабочем состоянии технику при температуре от минус тридцати и ниже градусов по Цельсию...

Все охотники и заготовители лесных даров 60–70-х годов прошлого столетия многое делали сами, так как в магазинах не продавали удобной для работы в тайге одежды и обуви. Могли зашить ичиги — обувь без каблуков из кожи. Подшить валенки. Для этого у охотника с собой всегда была дратва. Позже появились капроновые нитки. Дратвой называли шпагат, который выдирали из прорезиненных автомобильных или комбайновых ремней. Также дратву делали из холщовых ниток. Ссучивали несколько ниток, натирали их гудроном, который в детстве мы почему-то называли варом. Но это одно и то же. Поверх гудрона натирали хозяйственным мылом, чтобы дратва была гладкой и скользкой, и подшивали валенки. Я этим тоже занимался. И свои валенки подшивал, и сётрам. Умение чинить обувь

и одежду передавалось от родителей детям. Ничего не выбрасывали: ни старый валенок, ни старый сапог, вещи донашивали до состояния, когда уже латочку, лапик (так называли заплатки) некуда было ставить.

В моём родном Ишидее все так делали. Семьи были многодетные, купить обновы на ораву ребятишек родителям было непосильно. И кто более аккуратно умел чинить, у того носкость одежды и обуви увеличивалась. В семье было пятеро детей. Разве матери успеть было и по хозяйству управиться, и ребятишкам одежду починить? Мне нравилось приводить свою одежду в порядок. У меня хорошо получалось.

Пригодилось это умение и в армии, куда меня призвали в 1968 году. Нашему призыву при демобилизации ещё не положена была новая форма. Это следующему за нами призыву её стали выдавать. Были мы тогда молодые, и хотелось домой вернуться красивыми. Для себя и своих друзей-сослуживцев я перешивал на современный лад послевоенную форму сталинского образца.

Был я в армии не только портным, но и ротным, достаточно известным парикмахером. Стриг только офицерский состав, так как солдатам причёска не разрешалась, их стригли машинкой под «нулёвку» — налысо.

Рассказал я это к тому, что не надо бояться никакой работы. Полезно прислушиваться к советам старшего поколения. Мы, послевоенные дети, помогали родителям во всём: по хозяйству, в обустройстве быта, в заготовке лесных даров — грибов, ягод, кедрового ореха, — перенимая таким образом их богатый, бесценный жизненный опыт. С детства я знаю всю деревенскую работу. И дом с отцом строил. И драньё драл, чтобы покрыть крышу дома, веранды, стайки, зимовья. Я знаю все правила, вернее технологию изготовления дранки: отпиливаются большие чурки, клиньями раскалываются и потом крюком дерётся драньё. В моих музейных схоронах имеются самокованные тёсла, чтобы лодки делать, есть подкова самокованая. Она отличается от литой заводской. Стремена тоже самокованные.

Сейчас дети, молодёжь очень хорошо разбираются в компьютерах, но если по какой-то причине они окажутся один на один с природой на необитаемом острове или в тайге, то навряд ли смогут выжить. А для наших предков это была естественная среда обитания.

Мудро замечено: «Век живи, век учись».

На ручье Монкрес

Во все времена золото волновало умы людей. Добывали его на приисках каторжным трудом. В леденящих кровь историях, запечатлённых в книгах, повествуется о том, как грабили и убивали приискателей лихие люди. Когда я читал Джека Лондона и других авторов о «золотой лихорадке», у меня никогда не было желания последовать примеру золотоискателей. Но посмотреть на золотые прииски хотелось. И спустя много лет желание исполнилось — я увидел следы раскопов, удивляясь титаническому труду, вложенному в добычу драгоценного металла.

Находятся эти прииски в Тофаларии. Я слышал о них от своего друга Павла Ивановича Мурашкина. Он родился в 1904 году. Несколько сезонов перед Отечественной войной мыл золото на ручье Монкрес, как он сам говорил:

— Находили золотых «тараканчиков». Этих «тараканчиков» заворачивали в тряпочку, хранили в кожаных мешочках за пазухой.

У наших старателей повседневные будни и хранение золота были такими же, как и в рассказах Джека Лондона.

В 2015 году поехали мы в экспедицию на квадроциклах на ручей Монкрес, впадающий в реку Хунгу, а Хунга впадает в Уду. Как рассказывал Павел Иванович, золото мыли там ещё до революции. Старатели, как могли, облегчали свой труд и предпринимали всё возможное для сохранения здоровья. Породу добывали в горе — били шурфы. Меня поразили многочисленные поленницы из камней. Как дрова хозяин складывает возле дома, так и камни у ручья уложены на площади гектаров в десять, даже, наверное, больше, — сплошные поленницы. Старатели вытаскивали из шурфов вместе с породой большие камни и укладывали их таким образом, чтобы не занимали лишнего места и не мешали разрабатывать новые участки. Сколько пальцев разбили люди при укладке камней... Нагромождения, скопившиеся более чем за сто лет, заросли деревьями.

Породу спускали по самодельной деревянной, наподобие железной, дороге, сохранившейся до наших дней. В брёвнах выбирали четверть ствола, укладывали, закрепляли их, и по этим настилам в тележке доставляли породу к ручью.

До сегодняшнего дня сохранилась там водогрейка объёмом пять-шесть кубов, обросла мхом, травой, кустарником. Её сделали из прокатного железа, обложили камнями. Старателям нужна была горячая вода, так как там высота над уровнем моря 1500-1700 метров и очень холодно. В ледяной воде при температуре ноль — плюс один-два градуса при мытье породы руки коченели. Сезон добычи ценного металла — два-три месяца. В мае там ещё снег идёт, а в сентябре уже ложится. Грели воду, чтобы не простужаться из-за того, что одежда и кожаная обувь быстро промокали.

Рассказывал Павел Иванович и о том, как делали трубы и насосы: раскалывали дерево, убирали сердцевину, половины стволов связывали скрученными между собой прутьями лозы. Прутья предварительно вымачивали в воде. Лоза высыхала и сжимала рассечённое дерево. Такие были трубы. Цилиндры и поршни также были деревянные, и ими качали воду по деревянным трубам в водогрейку, а потом и на место промывки породы, к ручью.

И шурфы, и поленницы, и бочка-водогрейка — история и свидетельство непомерного труда золотарей.

В те места полезно было бы устраивать экскурсии и показывать, как работали наши предки. Я, наверное, последний из тех, кто знает об этих приисках. Кто знал раньше, уже состарились и ушли в мир иной. У них можно было многому поучиться. Моя мать о трудолюбивых и находчивых людях говорила:

— Тот такой-сякой, этот никакой, а этот — смекалистый, он всё умеет: и грабли удобные для гребли сена делает, и косу как надо отобьет, и «пупок» правильно на литовке привяжет, забор по-хозяйски загородит, крышу аккуратно драньём покроет. Одним словом, смекалистый!..

Смекалистым по жизни был и Павел Иванович Мурашкин. Лицо у него выразительное, запоминающееся. Притягивали взгляд мозолистые, наработанные руки с толстыми пальцами, они как-то не вязались с его небольшим ростом, кулачище у него было больше моего раза в полтора. Это был уникальный, кристально чистый, порядочный, бескорыстный, скромный и душевный человек. О нём в местной газете был опубликован очерк тулунского писателя Николая Зарубина, я их познакомил много лет назад.

У Павла Ивановича был редкий дар колодцы копать, он немало их по Тулуну сработал, и не менее редкий дар золотоискателя. И эти два дара были взаимосвязаны...

Нелёгкую жизнь прожил этот человек. Родом он из Белоруссии. Семья Мурашкиных переехала в Сибирь перед революцией, Павел Иванович в то время был подростком, его мать заболела и умерла. Рос он с мачехой, не очень доброй женщиной. Но что об этом говорить: мачеха она хоть и хорошая, да не родная. Жили они в селе Усть-Кульск. Держали большое хозяйство. В амбаре хранились сметана, масло сливочное и другие продукты. Но мачеха оказалась прижимистой. И так ему хотелось залезть в этот амбар, чтобы съесть что-нибудь вкусненькое...

Любовь и бережное отношение к лесу у него были заложены с детства. Староста в Усть-Кульске, как и в других местах царской России, был главным начальником. Мы много говорим про «чёрных лесорубов», которые варварски сметают леса с лица земли. А какое мудрое, хозяйское отношение было к лесу в те времена! Все сельчане признавали и поддерживали неписанный закон при заготовке дров: с разрешения старосты и в отведённом им урочище. Также готовили древесину и для других нужд: строительства, изготовления доски-дранки. Срубить дерево без разрешения можно было только в дороге, если сломалась оглобля на санях или телеге, чтобы заменить её, — это тоже был неписанный закон, о котором все знали. Когда он мне это рассказывал, меня пронимала дрожь: какое удивительное отношение к лесу, какая порядочность, бережливость, совесть была у прежних людей!.. А ведь тогда леспромхозов и в помине не было, а вековые законы, выработанные народом, соблюдались! Положено так — значит, правильно. И никто никого не боялся. Не бегали по тайге и не пакостили: там срубил, там срубил. Не уничтожали и не захламляли леса.

А сколько в Павле Ивановиче было доброты, мудрости, светлого чувства жизни, справедливости, несмотря на перенесённые испытания и трудности. У меня дочь училась в шестом классе, я пришёл в школу. Там во весь рост был нарисован на картине Ленин. Как-то Мурашкин, увидев эту картину, сказал:

— О, жулик лысый!

Мне было странно и непонятно, почему он так отозвался о Ленине. А потом Павел Иванович рассказал, что он сидел в тюрьме. В тридцатые годы людей арестовывали без разбору, сажали и принуждали на разные работы. И он попал в эту «мясорубку». Его сослали на строительство Беломорканала. Он выжил чудом.

— Там трупы людей штабелями закапывали. При каторжном труде плохо кормили, люди умирали от истощения, — вспоминал Павел Иванович.

Ему помогали смекалка, знания и умение выживать в любых условиях. Он любил природу. Мог под корягой переночевать. Развести в любую погоду костёр. Потому и выжил в тех чудовищных условиях. Знал полезные травы. Варил их, и ел сырыми, потому и выжил.

После освобождения ходил на Магадан мыть золото. Вначале подрядился измерять дорогу: была такая специальность, чтобы правильно закрывать наряды на рабочих, на поставки продовольствия и вывозку золота. Много людей туда шло на заработки. Вручную, используя двадцатиметровую ленту, забивая колышки, исчисляли километры. Пешком промерял Сибирь. Пришли в Магадан с заработком и продовольствием. Стали мыть золото...

Всё для себя Павел Иванович делал сам: и валенки подшивал, и латки на одежду ставил. Он подарил мне два кусочка ткани, один из которых льняной, они были дороги ему как свидетели жестокого времени. Хранил эти лоскуточки с 1925 года. Передавая их мне, вложил в них бумажку, на которой было написано: «1925 год». Записка та, к сожалению, не сохранилась, а ткани я берегу.

В тайге со мной толокнянку заготавливал, орехи добывал, много раз по ягоды с ним ездили. Он ненавязчиво, просто рассказывал и показывал, как в той или иной ситуации в тайге поступить, как правильно дрова заготовить, ягоды собрать и почистить от мусора. Я учился на его примере. Такая наука хорошо воспринималась.

Незначительный пример о его скромности. При заготовке орехов или ягод, устав и проголодавшись, садились пообедать или чайку попить. Мы не одни, с нами другие заготовители. Каждый свою еду на стол выставлял, а Павел Иванович с краю садился. Чай из большой кружки пил с хлебом или так, без всего. Жил он в то время один. Взять-то с собой особо нечего было. Супруга его давно умерла. С тех пор как я с ним познакомился, она ещё четыре-пять лет прожила.

Сидел он за столом, стеснялся что-либо со стола взять. Я подавал ему что-нибудь повкуснее, бутерброд делал:

— Павел Иванович, тебе не дотянуться, возьми вот.

А он в ответ:

— Да не надо, Николай Васильевич, не надо!..

Я всегда его звал по имени и отчеству, и он меня так же. На тех, кто его называл «дед» или «старик», почему-то обижался.

Инструмент у него весь самодельный. Из пилы-«двуручки» сделал ножовку: часть пилы ножовкой по металлу отпилил, ручку приделал поудобнее, под свою руку. Эта ножовка у него всегда в поняге находилась, были там же самодельное долото и им насаженный топор. Для себя ножовкой делал облегчённый колот, или колотушку для сбивания кедровой шишки.

Я для себя бензопилой выпиливал, намного легче. Готовый колот, как большой молоток, похож на букву «Т». Кедровые шишки он выбирал не толстые. Постучит по кедровым шишкам, соберёт опавшие шишки и унесёт к избушке. Я предлагаю:

— Павел Иванович, не носи. Я помогу.

Да разве он слушал! У него в аварии позвоночник был сломан, в больнице подлечили, но последствия травмы давали знать на погоду и после тяжёлой работы. С таким позвоночником он бил орехи. Сгорбленный, руки расставит и идёт...

Мы много лет дружили. Незадолго до смерти он подарил мне тетрадь, в которую записывал полюбившиеся стихи разных поэтов, чайник, рыболовные сети. Эти вещи были ценны для него, он их любил. Сети на реке с ним ставили. После рыбалки он сеточки растянет, заштопает каждое порванное очко, у него специальная иголка для этих целей была, колечки к нижней бечеве подвяжет, всё аккуратно так, с любовью и тщательностью. Его сети отличались от моих, хотя мои тоже в порядке были. Но его были более ухоженные и чистые. Правда, у него и времени больше было перебрать и починить их, чем у меня, я всё-таки работал.

Конечно, на земле много хороших людей, со всеми не пересечёшься, а с Павлом Ивановичем мне повезло, Господь распорядился, чтобы наша встреча состоялась.

Познакомились случайно в 1975 году. Привёз его зять ко мне в тайгу за ягодами. И как-то мы сразу друг к другу потянулись. И стали друзьями. Я его всегда с собой брал и в орехи, и в ягоды, на заготовке толокнянки он мне помогал. У него огород был, так он мне выделил часть для сушки и доработки толокнянки. Сделал навесы из жердей (натаскал с Манутской горы), вешала для сушки толокнянки. Он и свою толокнянку там сушил. Я помогал ему сдавать орехи, ягоды, толокнянку. Неплохо совместно зарабатывали.

В 1978 году собрался я с друзьями на Байкал. И Павла Ивановича с собой пригласил. Он сказал:

— Николай Васильевич, если есть местечко, я с вами поеду. Буду печку топить, костёр поддерживать, варить еду.

В Чивыркуйском заливе есть термальные источники, туда и направились по февральскому байкальскому льду на ГАЗ-66. Мы купались в термальном ручье, а потом босиком по снегу бежали к машине. Павел Иванович печку в будке кочегарил. С нами не купался из-за больной спины. Но радовался, что мне и моим друзьям радостно.

Любил он в тайге один бывать. Я держал лошадь для охоты. Он, чтобы сено зимой не завозить в тайгу, каждое лето уходил в зимовье на покос. Брал с собой ножовку, топор, нож, маленькое долото и железную косу без косовища. Косовище делал на месте. Мастерил деревянные грабли и вилы. В моих угодьях раскашивал полянки, опушки и лужайки. Копёшки в разных местах ставил не на землю, а на подстилки, чтобы продувало. Накашивал на всю зиму для лошади. Приедет из тайги, придёт ко мне на работу и скажет:

— Ну всё, Николай Васильевич, сено у нас для лошадей нынче накошено. Копёшка на Чёрной Каше, на Сорок Каш, где зимовье наше.

Я только овёс с собою брал лошадь подкармливать. А он по двум зимовьям накашивал сено. Зимовья хорошие были. Он покосит, поберёт ягоды, отдохнёт. Неторопливый, мудрый был.

Построили мы у зимовья баньку. Но в ноябре вода из реки уходит. Не то что для бани — лошадь поить нечем. Весной, летом, осенью река как река, а на зиму перед базой исчезает — проваливается в расщелинах. Утром берёшь воду, а вечером её уже нет — лёд повис. Для себя можно и снега натаять или вниз по ручью метров за семьсот-восемьсот сходить, льда нарубить и принести. А как с лошадью?

Я уже упоминал, Павел Иванович был специалистом по колодцам. Он предложил:

— Я выкопаю колодец, чтобы вода всегда была, а ты только поможешь мне немножко.

Я согласился, долго копать с ним некогда: я охочусь. Было уже холодно. Земля промёрзла. Он говорит:

— Самые лучшие пожоги из сырых лиственницы и берёзы.

Напилил я ему бензопилой листвяка и берёзы. Спрашиваю:

— Почему этим дровам предпочтение отдаёшь?

Он пояснил:

— Сырые листвяк и берёза долго горят. Сосна сырая не горит. Её нужно на жар класть. А эти — только разжечь, они — пых и горят медленно, глубоко землю прожигают.

Напилили мы дров, накололи. Разжёт он костёр и пару дней делал пожоги, потом начал копать. Края ямы не обваливаются, так как земля замороженная. Я на охоту хожу, он потихоньку яму копает. Дошёл до плиты, а воды нет. Как тут быть? И Павел Иванович предлагает из своего опыта на Монкресе, где золото мыл:

— Надо немного взрывчатки, взорвать плиту.

— Надо — значит, достану. Съезжу в «Пень-колоду», — отвечаю ему.

«Пень-колодой» в народе называли организацию по заготовке пнёвого осмола. После вырубki сосны оставались на лесосеках пни. Со временем они просмали-

вались. Через три года их заготовливали и пускали в переработку. Чтобы выкорчевать пни из земли, их подрывали. Поехал я к знакомым взрывникам, дали они мне немного взрывчатки.

А как в каменную плиту забуриться, не представляю. Павел Иванович водичку на плиту подливает, молотком тук-тук по стальному штырю, к которому приделана специальная коронка, и пробивает в скале отверстие, сантиметров сорок глубиной и сантиметра четыре шириной. Мы туда насыпали взрывчатку и рванули. Скала раскололась. Вытащили камни из ямы, Павел Иванович стал копать дальше. Вот так знания золотодобытчика помогли ему преодолеть преграду при рытье колодца. Никаких курсов, никаких учебных заведений он не кончал. Жизненный опыт и смекалка помогли ему обойти скалу. Я было расстроился, что столько работы сделано, а воды не будет. Но до воды дошли, сделали колодец, прикрепили ворот, добыли цепь для ведра, и вода у нас была всегда — и зимой, и летом...

На Монкрес мыть золото Павел Иванович приехал после Магадана. У него семья была немалая, супруга да семеро детей. Проехал он по всему Советскому Союзу. И везде пытался заработать копейку, чтобы прокормить и выучить детей, поставить на ноги. Один был в семье добытчик.

Всё необходимое на прииск на Монкрес старатели завозили зимой на санях и выючно. С золотом приезжали в деревню Сасарка, недалеко от деревни Ёды в Тулунском районе. Мой дед, Степан Иванович Терещенко, с товарищем приезжали в этот перевалочный пункт фатовщиков. Они знали, когда золотоискатели будут выходить с приисков, и привозили провиант — муку, крупы, спиртное, — ткани и многое другое, что можно было обменять на золото.

На таких скудных продуктах, муке и крупе, люди жили, выполняя тяжёлый физический труд. Золотом они укрепляли мощь нашего государства. Бывало, кто-то погибал на приисках или от рук разбойников.

Из экспедиции я привёз ступу, в которой расколачивают твёрдую породу и камни, сундук для хранения намытого золота, кирку, лоток для мытья драгоценного металла нашёл при раскопках в каменистой почве, заросшей травой и кустарником. Я храню эти вещи как память о наших предках, об их нелёгкой жизни.

«Кирейский заказник»

Природа для меня не просто лес и его обитатели. Тайга кормила семью ягодами, грибами, орехами, лечила травами. Она же дала мне путёвку в жизнь: я избрал профессию охотоведа-биолога. Я понимаю, что в природе происходит и зачем. В этом мне помогают знания, полученные в пушно-меховом техникуме и сельскохозяйственном институте города Иркутска, а также пребывание в лесу с детских лет.

Давно для себя сделал вывод, что у природы, наверное, нет более страшного врага, чем человек, неразумно устраивающий свой быт и пользующийся её дарами. Вокруг поселений много всякого хлама и свалок мусора. Бродячие собаки в окрестностях, углубляясь в лес, гоняют мелкого зверя, разоряют норы животных и гнёзда птиц.

Непоправимый вред в 80-х годах прошлого столетия принесла обработка ядохимикатами лесных массивов Тулунского и Икейского лесхозов, а также колхозных полей. Под благовидным предлогом борьбы с сорняками, якобы заглушающими и не дающими расти молодым деревьям на вырубках, и насекомыми —

вредителями деревьев, леса опыляли гербицидами, в том числе аминной солью. В погоне за выполнением плана лесхозы уничтожали не только флору и фауну, но и наносили вред здоровью людей. Аминная соль является среднетоксичной. Поступает в организм человека и животного через органы дыхания, кожу, желудочно-кишечный тракт при употреблении речной воды, ягод, грибов, лекарственных растений и трав. Люди часто не знали, где проводились химобработки, и находили трупы погибших зверей и птиц, собирая грибы и ягоды.

Тяжёлый урон природе наносили браконьеры. Если рядовой нарушитель при задержании чуть не плача клялся, что больше не возьмёт в руки ружья, то чиновник часто угрожал охотинспектору, и слово с делом у него не расходилось. Начались звонки, вызовы к начальству, к делу подключали милицию, прокуратуру. И вот уже в немилости не браконьер, а охотинспектор. Так, в 1986 году было выявлено 89 случаев браконьерства в Тулунском районе, в том числе руководителей разного ранга, а также тех, кто обязан был не только заниматься охотой, сбором дикорастущих, но и следить за восстановлением поголовья диких промысловых животных. В газете «Известия» за 1 июня 1987 года № 152 в статье «На прицеле у браконьера» начальник отдела охраны и охотничьего надзора В. Трещов сообщал о грубых нарушениях правил охоты в Тулунском коопзверпромпхозе и в других промысловых хозяйствах Иркутской области.

Браконьерами был уничтожен и бобр, живший по всем рекам Иркутской губернии. Профессор, доктор биологических наук, учёный — охотовед Сибирского края Василий Николаевич Скалон, лекции которого я имел честь слушать, учась на первых курсах в Иркутском сельхозинституте, в 1951 году реакклиматизировал, завёз несколько популяций бобра из Воронежской области в Иркутскую. Из литературы, из исторических фактов он узнал о том, что эти животные ранее здесь обитали. Для бобра имеется богатая кормовая база. Опыт переселения удался. Бобр прижился и стал расселяться по рекам Иркутской области. В Нижне-Илимском и Зиминском районах для сохранения зверька были организованы заказники — «Эдучанский» и «Зулумайский». Появился бобр и в Тулунском районе, в верховьях рек Тагна и Кирей, и начал расселяться по другим рекам. Для наших мест появление бобра было диковинным. До этого его никто не видел и никто о нём не слышал. Я в то время работал районным охотоведом и очень беспокоился, чтобы браконьеры его вновь не истребили. Беспокоился не зря. Поступила информация об отлове бобра уйгатскими охотниками. Я этой информацией заинтересовался.

В начале 80-х годов прошлого столетия у меня появилась мысль организовать заказник по рекам Тагне и Кирею. Вначале непонятно было, как его назвать, это потом определились — «Кирейский».

В процессе подготовительной работы выяснилось, что в Тулунском районе имеется опыт создания заказника. Об этом в газете «Путь к коммунизму» № 17 от 26 января 1985 года в статье «Был такой заказник» написал И.М. Федосов, почётный член общества охотников и рыболовов. В статье рассказывается о том, что в семи километрах от города Тулуна находилась небольшая деревушка под названием Заказник. В 1924 году землеустроительные отряды отводили земли для хуторов. В 1925 году были построены первые дома на хуторе, получившем название Заказник. Первые поселенцы этого хутора — братья Василий и Никифор Мурашкины, семьи Тихоновых, Юрченко и другие — всего 21 двор.

А ещё ранее, в июле 1920 года, В.И. Ленин подписал декрет об охоте, один из пунктов которого гласил:

«На народный комиссариат земледелия по управлению делами охоты возлагается:

а) организация и ведение охотничьего хозяйства, включая разведение и охрану охотничьих животных».

Существовавший тогда Тулунский охотсоюз, исполняя указание Ленина, организовал комплексный заказник по охране копытных и пушных зверей, боровой и водоплавающей птицы, на его территории и появилась деревушка Заказник. В данном комплексном заказнике запрещалась не только охота, но и любая деятельность человека. В него входили урочища «Заваруй» и «Толмачи», река Азейка. На границах установили столбики с надписями: «Заказник. Охота воспрещена». Охранял заказник егерь Коблин. Деятельность заказника рассчитывалась на десять лет. Сколько он просуществовал на самом деле, неизвестно, но пользу по защите животных и птиц принёс большую. Земли заказника впоследствии отошли Азейскому угольному разрезу.

Этот первый опыт организации и деятельности заказника по сохранению и увеличению промысловых животных и птиц на территории Тулунского района прекрасно себя зарекомендовал.

Я и журналист Николай Капитонович Зарубин начали поиск исторических фактов и материалов о том, в каких уездах жил бобёр и сколько его добывали. Как инициатор создания Кирейского заказника, в 1984 году я провёл учётные работы по расселению и количеству семей и особей на территории Тулунского района. Поучаствовать в этой работе пригласил Дмитрия Грицика, штатного профессионала-охотника из села Уйгат, к тому же и отменного рыбака: он знал, где какой зверь водится в тайге, где какая рыба стоит в реке. Мы поплыли на лодке по Кирею и Тагне, и он показал местонахождение бобров. Я составил отчёт по учёту зверьков, и с помощью прессы стал формировать общественное мнение и подготавливать материалы о необходимости создания заказника в нашем районе. У меня хранятся некоторые документы того времени.

Отчёт по учёту бобра в Тулунском районе

Обследовав реку Кирей и её притоки, проведя опрос местных жителей, можно сделать следующие выводы: ценный вид, представитель семейства грызунов бобр, ранее не обитавший в этих угодьях, проник из Зиминского района, где расположен бобровый заказник, проделав нелёгкий путь через естественные преграды, и очень хорошо прижился. Кормовые и защитные условия для обитания бобра в данном регионе хорошие. Густые заросли тальника, тополя, осинника и других лиственных пород по берегам реки Кирей и её притоков являются обильной кормовой базой для бобра. Река Кирей выше слияния с рекой Тагной образует многоруслую дельтовидную речку, где очень большие завалы и заломы, а после наводнения 1984 года эти завалы и заломы ещё больше увеличились. Кроме того, на большом расстоянии по реке Кирей берега забило поваленными деревьями. Что также служит хорошим убежищем для бобра — как для зимовки, так и для спасения от хищника. Самый опасный бич для бобра в этом регионе — браконьеры: несколько человек, несмотря на строгость закона, отлавливают бобра по береговой линии на кормовых площадках.

Численность бобра в прошлые годы была намного выше, о чём свидетельствуют старые многочисленные погрызы деревьев в различных местах и отсутствие свежих.

Браконьеры оставались и остаются безнаказанными по причине отдалённости и бездорожья угодий.

Лесосплав по реке Кирей ведётся только с бывшего посёлка Крутой Ключ. А так река Кирей и её притоки свободны от лесосплава и для бобров опасности не представляют.

Обследовав левую и правую береговые линии реки Кирей от устья реки Тагна до устья реки Ярма, а также её притоки, Тагну с её притоками, Углой, я определил по скромным подсчётам, что в тех местах обитает восемь семей общей численностью около 30 особей.

При обследовании также выяснилось, что по реке Кирей и её притокам сохранилась выдра — редкий ценный вид. Такие редкие виды, как бобр и выдра, при хорошо поставленной охране не только сохраняются в природе, но их численность увеличится. И впоследствии на них можно открыть промысловую охоту.

На карте красными точками я отметил места обитания бобровых семей.

Необходимость в немедленной организации комплексного заказника очевидна.

Райохотовед Терещенко Н.В.

Начались обращения в разные инстанции, в том числе к депутату Верховного Совета РСФСР Н.Т. Романкевичу

Депутату Верховного Совета РСФСР
Романкевичу Николаю Тимофеевичу

Целесообразность организации Кирейского комплексного государственного охотничьего заказника в Тулунском районе

Создание в пределах Тулунского района заказника сегодня стало острой необходимостью. Год от года скудеет флора и фауна нашего некогда богатого и зверем, и птицей края. Отовсюду наступает человек: сотни тысяч кубометров деловой древесины заготавливают ЛПХ, прокладываются многие километры нужных народному хозяйству дорог, ежегодно авиацией проводится химическая обработка лесных массивов и полей. Не всегда рационально эксплуатируется тайга одним из крупнейших арендаторов — коопзверпромхозом.

Всё это не может не сказываться отрицательно на животном и растительном мире уникальной природы нашего района. Нельзя только брать, ничего не отдавая взамен, ибо кладовые её не бездонны.

Зиминцы в этом направлении начали работать раньше нас, создав около двадцати лет назад на площади в 15 тыс. га видовой заказник по воспроизводству бобра. И хотя до массовой заготовки его шкурки дело ещё не дошло, заказник благоприятно повлиял на увеличение его численности.

Бобр появился у нас. Это даёт основание считать, что лет через десять в перечне заготовок пушного зверя появится ещё один вид.

Если отказаться от создания Кирейского заказника, то очень скоро бобр будет истреблён браконьерами. Ущерб от этого можно рассматривать с трёх позиций: экономической, биологической, моральной.

С биологической точки зрения: масштабная противозаконная эксплуатация полуводного пушного грызуна приведёт к глубокому подрыву воспроизводственного материала популяции бобра, на восстановление которого потребуется немало времени и усилий.

Моральные издержки незаконной охоты на бобра заключаются в том, что лёгкость добычи, значительный доход от реализации шкурок подействуют разлагающе на честных охотников, породят чувство вседозволенности, и нам же потом поставят в вину этот факт: что мало занимаемся вопросами воспитания людей, вопросами охраны и рационального использования природных богатств.

Но если с экономической стороны взглянуть на данный вопрос и ознакомиться с историческим материалом заготовок бобра в прошлом веке, видно, что в Сибири заготавливалось несколько тысяч шкурок бобра.

Теперь о самом заказнике. Оптимальная площадь заказника, по мнению специалистов и общественности, должна составлять не менее 65 тыс. га. При обследовании левой и правой береговых линий реки Кирей от устья Тагны до устья реки Ярмы, а также её притоков установлено, что здесь, по самым скромным подсчётам, обитает восемь семей бобров общей численностью около 30 особей. Это даёт надежду на быстрое восстановление промысловой численности зверька. Но численность бобра в прошлые годы была намного выше, о чём свидетельствуют многочисленные погрызы деревьев в различных местах.

Ни суровая сибирская зима, ни хищники, ничто другое так не опасно для бобра, как браконьер, противозаконные действия которого подхлещывают безнаказанность ввиду отдалённости и отсутствия подъездных путей в эти места. Организовав заказник, мы тем самым возьмём под защиту зверька, направив против браконьеров всю силу наших законов. Ведь для целенаправленной работы по воспроизводству ценных пород пушного зверя, диких животных и птиц в данном регионе будет действовать государственная егерская служба из числа опытных, по-настоящему заинтересованных людей.

Не секрет, коопзверпромхоз выскажется против отведения под заказник 65 тыс. га, мотивируя тем, что в эти 65 тыс. га войдёт часть охотничьих промысловых угодий. Но заказник-то комплексный, под его надёжной охраной будут лось, косуля, кабарга, медведь, рысь, россомаха, норка, ондатра, бобр, белка, горностай, колонок, а также ценный вид куньих, который сейчас на грани исчезновения, — выдра.

К сказанному можно добавить следующее: в район заказника не войдёт ни одна промысловая база, а ближайшая, «Конюх», остаётся вне границ заказника. Остаются неохваченными и верховья небольших речек как места наиболее удобные для добывания зверя. Если же изменить территорию заказника, как предлагает Гришин, то смысл заказника теряется, и никакая егерская служба не сможет гарантировать безопасность её обитателей.

Заказник берёт под охрану и такого ценного зверька, как соболь, численность которого год от года катастрофически падает. Это хорошо просматривается из тех же отчётов коопзверпромхоза: если в 1982 году было добыто 155 соболей, то в 1984 году — только 80. Думается, сам факт резкого снижения численности ценного зверька в наших краях должен обратить на себя самое серьёзное внимание всех причастных к промыслу государственных и общественных организаций, и прежде всего коопзверпромхоза, поскольку он является главным арендатором тайги, главным потребителем её богатств, которые нужно всячески оберегать и

преумножать. Руководство коопзверпромхоза забывает, что с каждого из шести участков ежегодно получает, причём при минимальных затратах, 150 тыс. руб. годового оборота. Много это или мало? Достаточно привести такой пример: одно из лучших хозяйств района, колхоз имени Парижской коммуны, в прошлом году получил только 158 тыс. руб. прибыли, коопзверпромхоз получил в прошлом году около 500 тыс. руб. Разница значительна.

И вопрос здесь заключается для КЗПХ не в том, чтобы вырастить животное на мясо, как это делается в колхозе, что, как мы знаем, связано со многими трудностями, а сохранить животный мир, помочь ему в борьбе со стихией, с хищниками, с браконьерами, чтобы кладовые природы не истощались, а пополнялись. Ведь при современных темпах заготовок пушного зверя, птицы и мяса диких животных, учитывая, что флора и фауна подвергаются уничтожению теми же ЛПХ, очень скоро мы будем поставлены перед печальным фактом её катастрофического оскудения. Поэтому, даже если в район заказника войдут 20 тыс. га (а общая площадь его 1,5 миллиона га), то непонятна станет позиция КЗПХ, отстаивающего, по сути дела, 1/75 часть от всех угодий.

Создание Кирейского заказника — проблема давно назревшая, и в наших с вами силах решить её положительно.

Охотовед по охотнадзору Тулунского района Н. Терещенко
Председатель правления общества охотников Н. Шендрик

Мне пришлось выдержать не одно сражение, прежде чем с помощью прессы, выступлений на заседаниях райисполкома и личного общения удалось убедить районные и областные власти, Главохоту, что Кирейский заказник необходим. Мои доводы в пользу сохранения бобра и других редких животных услышали. Решением Исполнительного комитета Иркутского областного совета народных депутатов от 21 апреля 1986 года № 216 «Об организации комплексного государственного охотничьего заказника «Кирейский» создан комплексный государственный охотничий заказник областного значения «Кирейский». В местной газете «Путь к коммунизму» от 27 августа 1986 года № 138 об этом сообщалось следующее:

«В целях сохранения и воспроизводства поголовья речного бобра и других видов диких животных, а также среды их обитания облисполкомом принято решение об организации государственного комплексного охотничьего заказника «Кирейский» (областного значения) общей площадью 36 тысяч гектаров.

Территория заказника «Кирейский» предусматривает следующие границы: северо-восточная линия границы заказника проходит от устья реки Тагны и по правой её стороне (с включением береговой водоохраной полосы 200 метров), и соприкасается с границей Зиминского района по водоразделу между руслами рек Укугуй и притоком реки Зимы. На юге и на юго-западе граница проходит по подножью водораздела «Конюх» до урочища «Хромуша», что располагается в районе реки Кирей. И далее по левой береговой линии реки Кирей, охватывая ручьи Ангаул и Мусташай. На северо-западе граница проходит по береговой линии реки Кирей до устья реки Тагны, также включая водоохраные полосы.

Общие положения по заказнику «Кирейский»

Организация заказника не влечёт за собой изъятия занимаемого им земельного, лесного участка, водного объекта у землепользователей, лесопользователей и водопользователей.

Землепользователи, лесопользователи и водопользователи обязаны соблюдать установленный в заказнике режим, оказывать всемерную помощь в выполнении возложенных на заказник задач.

На территории заказника установлены ограничения следующих видов хозяйственной деятельности: сенокосение, выпас скота и сбор дикорастущих, предоставление участков под застройку, мелиоративные работы, осушение болот, использование ядохимикатов, сплав леса по рекам, рубка леса в 200-метровой полосе по берегам водоёмов, охота и рыболовство, отлов животных, изыскательские работы и разработки полезных ископаемых.

Егерем государственного заказника «Кирейский» утверждён Алексей Идрисович Хайрутдинов, в его обязанности входит: осуществление надзора за соблюдением режима заказника, пожарной безопасности в лесах, проведение разъяснительной работы среди населения, а в случае нарушения режима заказника егерю предоставлено право в установленном законом порядке задерживать нарушителей, составлять протоколы о нарушениях, изымать у нарушителей орудия лова и продукцию незаконной добычи. Лица, виновные в нарушении режима заказника, привлекаются к административной, уголовной или иной ответственности в соответствии с действующим Законодательством СССР и РСФСР.

Колхозы, совхозы, лесхозы и другие предприятия, учреждения и граждане обязаны возместить убытки, причинённые нарушением режима заказника, в размере и порядке, установленных Законодательством СССР и РСФСР».

В 2016 году «Кирейскому» заказнику исполнилось тридцать лет. За эти годы бобр расселился не только по охраняемой территории, но и по всему Тулунскому району: по рекам Ия, Кирей, Тагна и другим.

Живут семьи и у меня на кордоне по реке Икей. По берегам реки нахожу их поедь — обгрызенные веточки. По длине бобр достигает 1–1,3 м, по весу — 30–32 кг. Самки обычно крупнее самцов. Бобры прекрасно плавают и ныряют. Живут в хатках, в норах, вход в которые находится под водой. Так бобры защищают вход в жильё от хищников. Внутри хатки имеются лазы в воду. Бобры делают запруды и плотины по мелким речкам, регулируя в них уровень воды, чтобы при подъёме хатки не подтапливало, а при засухе — вход в хатки не появлялся над водой. Плотины строят из брёвен и веток, скрепляя их камнями, илом или глиной. Создают искусственные озёра. Их деятельность по регулированию воды в реках, созданию озёр и каналов для транспортировки корма — ветвей и стволов деревьев — благоприятно сказывается на экологическом состоянии водных ресурсов. В таких местах появляется много водных насекомых, поселяются водоплавающие птицы, размножается рыба. Рыба питается водными насекомыми, а птицы кормятся и насекомыми, и рыбой.

У зверьков красивый мех — от светло-каштанового до бурого, иногда чёрный. Бобровые шубы, шапки и бобровые воротники на пальто в старину пользовались особым спросом у богатых, знатных людей. И прежде говорили: «На этом деле бобра не убьёшь», то есть успеха в этом деле не добьёшься. Не только за тёплый и красивый мех ценился бобр, но и за мясо, за бобровую струю, которая использо-

валась в медицине и парфюмерии. В результате хищного промысла бобр к началу двадцатого века оказался на грани вымирания.

Бобр — лёгкая добыча не только для человека, но и для хищников: волков, росомех, медведей. По суше зверьки из-за перепончатых лап (так как являются полуводными грызунами) передвигаются медленно, неуклюже. Тем не менее по ключикам и речушкам преодолели хребет Восточного Саяна и зашли в тувинские озёра Дерлик-Холь, в сердце Тувы — верховья Енисея. Во время путешествия по тем местам мы, участники экспедиции, видели поедь бобра на этих озёрах. Там богатая кормовая база — думаю, зверёк хорошо приживётся.

Сейчас я с удовлетворением вижу, что и мои труды по спасению бобра, реаклиматизированного В.Н. Скалоном, увенчались успехом.

Дружба крепка не лестью

Познакомился я с В.Г. Распутиным в 2003 году. Валентин Григорьевич с иркутскими поэтами Василием Козловым и Владимиром Скифом приехали с творческим визитом в Тулун. Понятно, что заочно — по рассказам моих друзей, по книгам — я знал Валентина Григорьевича, а здесь состоялась личная встреча. Они остановились у меня на базе отдыха «Казачка Ия». Мы много времени проводили вместе в разговорах, ездили по Тулунскому району. И, как в народе говорят, приглянулись друг другу. Валентин Григорьевич интересовался моими делами, моей жизнью. Меня поразила в нём скромность, замкнутость, застенчивая, приятная улыбка. Разговоры в основном велись о политике, о жизни тулунчан, о насущных проблемах. Он больше слушал, а если говорил, то было понятно, что он видел происходящее глубоко и обнажал суть, у него была своя линия, своё мнение и понимание. Он не умел хитрить, искренне высказывал своё мнение. И меня это подкупало. Он был открытым и мудрым. Такие люди в жизни встречаются не часто.

Нас пригласила директор школы села Едогон Надежда Сазоновна Зыбайлова на встречу с участниками патриотического клуба «Красный квадрат». Приехал я за гостями на базу отдыха часиков около девяти. И тогда подметил, насколько Валентин Григорьевич бережлив к одежде и обуви. Он вышел из гостиницы, где они ночевали, достал из пакетика небольшую сапожную щётку и аккуратно с обувным кремом почистил чёрные туфли. Это похоже на армейскую привычку, но Валентин Григорьевич в армии не служил, хотя в университете прошёл военную кафедру и имел офицерское звание, бывал на воинских сборах. Это просто аккуратность: ведь он будет встречаться с людьми, и туфли у него должны быть чистые. И тогда я подумал: надо же, насколько он точен, а порой изыскан в словах, деликатен в жизни, настолько он аккуратен в одежде и скромнен. На нём были обычная светлая рубашка, галстук, костюм, обычная обувь — не какие-то там заграничные модные вещи.

С тех пор у меня в машине всегда лежит обувная щётка и крем...

Приехали мы в село Едогон. С каким уважением и вниманием Валентина Григорьевича встречали школьники! Надежда Сазоновна — удивительная женщина. Едогонская школа, благодаря её деятельности и стараниям, одна из лучших в России. Она давно вела с Распутиным переписку, приглашала на встречу с учениками, он всё не мог собраться, его долго ждали в Едогоне. Прошла творческая встреча, дети задавали много вопросов, на которые Валентин Григорьевич отвечал обстоятельно, разъясняя ученикам всю сложность современной жизни.

После встречи был обед. Столы, сдвинутые в центре зала, накрывало, наверное, всё село — по-русски широко. И народ за столом собрался разный: селяне, местное начальство, учителя, работники школы — все, кто пришёл на встречу с Распутиным, сидели за столом. Столы, как говорится, ломились от яств. Валентин Григорьевич, улыбаясь, пенял: «Ну что вы натворили, столько наготовили! На свадьбу выставляют меньше». Ему отвечали: «Да это мы только обед приготовили». Валентин Григорьевич не переставал удивляться широте души и гостеприимству селян...

Потом был большой литературный вечер в городском Дворце культуры Тулуна. Люди стояли в проходах, было много молодёжи.

Когда закончился визит и гости уехали, у меня возникла идея... Настолько общение с писателями было для меня знаменательно, необычно, важно, торжественно, что я решил установить памятную доску. И с тех пор все, кто находится на базе отдыха «Казачка Ия», узнают: «Здесь в 2003 году с творческим визитом пребывали писатели Распутин Валентин Григорьевич, Скиф Владимир Петрович, Козлов Василий Васильевич». Мне радостно, что таким образом сохранил память о важном, теперь уже историческом для Тулуна событии.

И тогда между нами завязались дружеские отношения на многие годы. Неоднократно Валентин Григорьевич приезжал ко мне в гости. Ездили мы с ним в тайгу за черникой. В одну из поездок был такой интересный случай: я совком чернику беру, а Валентин Григорьевич говорит: «Я не умею совком брать. Собираю ягоды руками». Минут за 30–40 начерпал я ведро черники. Набираю совок ягод почище, чтобы высыпать Валентину Григорьевичу. Подхожу к нему, а у него чуть меньше полведра собрано. Ягода чистая — ни листьев, ни хвои. Я предлагаю: «Давайте совочек вам высыплю. Мне собирать некуда». Он в ответ: «Нет, нет, не нужно! Что вы, Николай Васильевич». На «вы» всегда называл, уважительно. А я говорю ему: «Валентин Григорьевич, а что мне теперь — высыпать ягоды на землю? Сыпать-то мне некуда». И он — с такой неподдельной неохотой — согласился принять от меня ягоду. В нём скромность, порядочность проявлялись даже в незначительных жизненных моментах. Он был человек чуткой души, тонкого понимания жизни, было в нём что-то не от мира сего. А по сути Валентин Григорьевич деревенский человек. В тайге с ним было легко. Он знал, что и как делать. Не гнушался и дрова принести, и еду готовить, и посуду помыть.

У костра обычные разговоры о жизни, об экономике, о бизнесе. Как это, как то. Интересовался всем искренне. Хотел узнать от народа о его жизни. Да и сам прошёл через многие испытания.

Был я у него много раз на даче, на берегу Иркутского водохранилища. Там он мне подарил чайник, керосиновый фонарь и понягу — это небольшая деревянная платформочка с сыромятными ремнями и завязками, которыми к ней прикрепляли груз для переноски в тайге. Можно сказать, это прототип рюкзака. Он знал, что я собираю предметы старины. Передавая чайник, фонарь и понягу, Валентин Григорьевич сказал: «Я думаю, Николай Васильевич, что вам они пригодятся в вашем музейчике». Я ответил: «Очень благодарен и счастлив, что вы сделали мне такой подарок». Чайник медный, покрыт сверху никелем. Более благородный, чем из другого металла. Из рук великого писателя получить три таких презента — это же очень здорово! А ещё на даче у него печка кирпичная с чугунной плитой, чтобы готовить можно было. В сторонке лежала кипа листочков-черновики, исписанных мелким убористым почерком. И я подумал: «Вот это да! Вот это человек

работает!». В дачном доме было очень просто — никаких излишеств. Валентин Григорьевич располагал к себе природной скромностью.

Авторитетом и известностью — он же был Героем Социалистического Труда и много наград высоких имел — никогда не пользовался. В Москве ему, как и каждому депутату, квартиру выделили, а Валентин Григорьевич много лет не мог её оформить на себя, хотя и состоял в Президентском совете.

Я был у него в московской квартире. Поехали в 2005 году в африканское сафари компанией, в которой был и Сергей Владимирович Ястржембский, в то время помощник президента В.В. Путина. Я созвонился с Валентином Григорьевичем, сообщил, что нахожусь в Москве. Он сразу же пригласил к себе. Продиктовал адрес, хотя я его знал, уточнил, как пройти, чтобы я не заблудился. Я прихватил с собой гостинцев: дикого мяса, брусники, мёда. У русских не принято в гости с пустыми руками пойти. Приехал к нему на метро. А он опять начал: «Что вы, Николай Васильевич, зачем беспокоились. В самолёте с таким грузом!». Я говорю: «Давайте не будем об этом говорить. Я по-другому не могу. Привёз скромные сибирские дары. Всё моими руками добыто — ничего не покупал». Он согласился со мной и успокоился. Я приехал к нему в обед и пробыл до вечера. Долго разговаривали обо всём. Чай пили.

Такой маленький штрих. Я стал собираться. Говорю: «Уже поздновато. Надо ехать в гостиницу». Он приглашает: «Оставайтесь ночевать». Я отвечаю: «В гостинице вещи, бритвенные приборы и прочее». Он согласился: «Ну, ладно». И задумался. Потом говорит: «Подождите минуточку. Я сейчас — на балкон». Был февраль месяц. Зима. Холодно. Сходил он на балкон и принёс камуфляжный чемоданчик, обшитый фанерой, на котором написано: «Калашников». Валентин Григорьевич пояснил: «Мы с Калашниковым, конструктором автомата, хорошо были знакомы, и на одной из встреч он мне, как сибиряку, подарил хрустальный автомат, наполненный водкой. Такой сувенир. Вам на охоте пригодится». Я говорю: «Да не вопрос, конечно, пригодится». Валентин Григорьевич порадовался: «Как хорошо, что я про этот сувенир вспомнил. А то стоит на балконе без применения». Взял я чемоданчик и поехал в гостиницу.

Прилетели в Париж, в аэропорт «Шарль де Голль». Далее надо было лететь самолётом Камерунских авиалиний. Таможенники-пограничники увидели этот чемоданчик. Встали на дыбы, начали суетиться. Как я уже сказал, в нашей компании был С.В. Ястржембский, который французский язык знал лучше французов, он спокойно начал им объяснять про чемоданчик, затем повысил голос, а уж потом чуть ногами не топал. «Вы посмотрите, — объяснял он, — это же сувенир». Таможенники упёрлись: «Не разрешаем вам посадку в самолёт». Их корёжило, что русские едут с автоматом Калашникова, пусть даже с хрустальным сувениром, наполненным водкой. Объясняли: «Водку перевозить нельзя». Кое-как их уговорили. Они нас пропустили. Ну и в самом деле, как Валентин Григорьевич предполагал, на охоте нам водка очень пригодилась.

Я знал его супругу, Светлану Ивановну. Часто бывал у них на квартире в Иркутске. Хорошая, большая, светлая квартира. Знал детей Валентина Григорьевича и Светланы Ивановны — дочь Машеньку и сына Сергея. Летом в авиакатастрофе в Иркутском аэропорту погибла Маруся, как её звали в семье, я был на её отпевании в Знаменском кафедральном соборе в Иркутске. Владыка Вадим на отпевании сказал: «Никто не знает, почему одни люди погибли в этой авиакатастрофе, а другие выжили. Пути Господни неисповедимы...». Смерть дочери подкосила

родителей. Вначале ушла из жизни Светлана Ивановна, а в марте 2015 года — и Валентин Григорьевич.

15 марта 2016 года, в день рождения Валентина Григорьевича и к годовщине его ухода из жизни, в Иркутске состоялось открытие музея. Был на открытии губернатор С.Г. Левченко, разные начальники и много творческих личностей. Меня тоже пригласили, и я с радостью приехал на столь значимое событие. Через два дня еду я по новому мосту по делам на левый берег реки Ангары, съехал с моста, вижу — надпись: «Библиотека имени Валентина Распутина». Огромные буквы с расстояния больше километра очень хорошо читаются. Думаю: слава Тебе, Господи, что земляки-иркутяне увековечили память о великом человеке.

Валентин Григорьевич однажды на вопрос журналиста: «Хотели бы вы, чтобы вашим именем назвали город или улицу?» ответил: «Нет, не хочу, но я буду счастлив, если моим именем назовут библиотеку».

Радостно, что желание писателя осуществилось.

Нездолго перед днём памяти Валентина Григорьевича мне позвонила из Иркутска моя дочь Наталья, и попросила: «В школе готовятся к дню памяти Распутина, и Коля (её сын и мой внук — Прим. авт.) хочет подготовить реферат к этой дате. Ты нам вышли фотографии подарков от Валентина Григорьевича и фотографию, где вы с ним в сентябре 2014 года». Мне стало очень приятно, что моя дочь с уважением отнеслась к моей дружбе с Валентином Григорьевичем, и память хочет сохранить в своей семье. Знают и помнят Валентина Григорьевича моя супруга Галина Анатольевна, внук Коля и внучка Арина, зять Александр. Мои внуки воспитаны в патриотическом духе. У дочери в семье чтят День Победы и ходят на парад. Мой отец родился в 1922 году 22 июня, семь лет пробыл на войне, прожил 64 года, а мой внук Коля, правнук моего отца, родился в 2008 году тоже 22 июня. Дочь — хорошая мама, внуки знают историю страны.

Валентин Григорьевич в дружбе был внимательным, на мои юбилейные дни рождения дарил удивительные подарки: древнюю икону и две старинные книги на старославянском языке. Книги эти отреставрированы в библиотеке им. И.И. Молчанова-Сибирского.

На моём 55-летию В.Г. Распутин познакомился с Николаем Тимофеевичем Романкевичем, Героем Социалистического Труда, знаменитым руководителем колхоза имени Парижской коммуны в селе Мугун Тулунского района. На память о той встрече у меня осталась фотография: в центре Валентин Григорьевич, слева я, справа — Николай Тимофеевич. Жаль, что эти люди ушли из жизни. Когда фотографировались, я в шутку предложил: «Валентин Григорьевич, загадывайте желание, так как стоите между двумя Николаями». Он посмотрел на меня, улыбнулся.

Познакомил я Валентина Григорьевича со своим другом Соломоном. По паспорту он Пётр Фёдорович Стелькин, Соломон его прозвище, за житейскую мудрость, наверное, так в деревне его прозвали. Он пасечник, иногда я прошу его к празднику медовуху поставить. Они с Распутиным годки, оба 1937 года: Валентин Григорьевич родился 15 марта, а Соломон — 26 июля. Познакомил я их, когда праздновал 55-летие. Смотрю, они рядом сели, народ гудит, кто песни поёт, кто разговаривает, а они нашли общий язык и разговорились. О Соломоне я Валентину Григорьевичу рассказывал: труженик, пчеловод, бескорыстный человек, а такие люди не так уж и часто встречаются. Конечно, есть и в селе, и в городе порядочные люди.

Смотрю, Соломон к медовухе не прикасается, разговаривают и разговаривают. О чём говорили, мне неизвестно. Мне было приятно смотреть на них. Один —

рядовой пасечник, совесть деревни, совесть рабочего класса. Другой — писатель, человек с мировым именем, совесть России. На другой год, когда качка мёда началась, Соломон говорил мне: «Ты увези медку Валентину Григорьевичу».

На моё 60-летие Валентин Григорьевич приехать не смог. Перед этим он был на Лене, видимо в Качуге, вернулся домой в Иркутск — и приболел. А подарок и письмо передал.

«Дорогой Николай Васильевич!

Ещё три часа тому назад я был уверен, что завтра увижу Вас на юбилейном торжестве. И вот прости, дорогой Николай, к несчастью остаюсь в стороне. Вчера, позавчера ездил на Лену, и вчера на обратном пути почувствовал себя неважно. Уверен был, что за сутки пройдёт и даже сего дня собирался к вам, но вышел на улицу, походил-походил и почувствовал, что дело плохо. До того плохо, что пришлось добираться до дома «по-геройски»: три шага сделаешь и стоишь.

Пришлось брать отступную — извини, пожалуйста, Николай. Обнимаю, поздравляю, передаю приветы всем гостям, надеюсь на скорую встречу, где ты после юбилея предстанешь моложе и красивей, но поверь, что в этом случае берегу не только себя, но и забочусь о тебе и твоём празднике.

Люблю тебя и преклоняюсь и перед неутомимой деятельностью, и перед тобой неутомимой благодетельной жизнью.

Искренне горжусь дружбой с тобой.

Твой Распутин

И — долголетия, такого, что ахнут многие!

15 сент. 2010

К 18 сент.»

У меня есть фотография с Валентином Григорьевичем за полгода до его смерти. В сентябре 2014 года я ему позвонил. Валентин Григорьевич говорит:

— Я в больнице лежу.

Говорили недолго, я сказал, что подъеду.

Взял по пути сок, фрукты. Он, как всегда:

— У меня же всё есть. Все что-то приносят.

— Я с пустыми руками не могу прийти.

Взял он пакет с гостинцами. Я ему предложил:

— Давайте на память сфотографируемся.

Тогда я не знал, что эта фотография с ним окажется последней. Он спустился ко мне сверху из палаты, поторопился, видно, даже рубашка застёгнута неровно. Мы посидели с ним в вестибюле внизу, поговорили. Слово за слово завязался разговор. Он честно признался:

— Я, Николай Васильевич, ничего не помню. Что-то с сосудами мозга, совсем отказали. Ничего не помню. Лечат меня, системы ставят, только улучшения нет.

Он чувствовал приближение конца, но воспринимал всё спокойно, достойно. Человек он сильный. Я его не успокаивал, да это ему и не нужно было. Только подбодрил:

— Держитесь, Валентин Григорьевич. Сколько Господь отпустил, столько и проживём.

Это была наша последняя встреча...

Встречи с монахами

В феврале 2007 года, отправляясь в очередную экспедицию, я и подумать не мог о том, какую встречу нам уготовила судьба. Целью путешествия была прокатка туристического маршрута в легендарную Саянскую «Землю Санникова» — долину, где берут начало реки, где в высокогорных озёрах в изобилии плещется хариус и зимуют утки.

Команда на этот раз была обновлена: впервые в экспедицию с нами пошли два бизнесмена из Магнитогорска и руководитель Иркутского туристического бюро «Лена-тур» Геннадий Кислов. Путь для меня привычный, но осложнён был глубокими снегами. Прошли мы его успешно, и даже сократили километров на двадцать — тем, кто пойдёт этим маршрутом после нас, будет легче. Для новичков непроходимость и дикость природы, трудности путешествия не только экзотика, но и опасность — нужна хорошая физическая подготовка и выносливость.

Погода нас баловала: никаких метелей, буранов, солнце сияло. В предшествующем году в тех местах расплодилось много волков, мы встречали на своём пути волчьи подавки — растерзанных животных. Пришлось рассыпать яд — и вот результат: в этом году хищников стало гораздо меньше. И вольготней стало жить лосям и северным оленям, их стадо повстречалось нам на пути. Гордые красавцы прошествовали вблизи как будто напоказ — удивительное зрелище!

Наши случайные знакомцы, охотники-тофалары отец и сын Конгараевы, встреченные в Саянах, показали нам ущелье, где дышит вулкан. Сам потухший вулкан Кропоткина расположен в двадцати километрах от этого места. Он проснулся в том году, и его дыхание разбудило суровые окрестности. Между стенами ущелья, где Хиаи и Холба сливаются в Ию, огромный поток горячего воздуха под мощным давлением вырывается из-под земли — ничего подобного я не видел в своей жизни. Над скалами постоянно стоит чёрная гигантская туча, из которой беспрестанно большими хлопьями идёт снег. Просто стеной! Долго стояли мы в оцепенении: туча не сдвинулась ни на миллиметр, её словно пригвоздили к небесам! А когда наши снегоходы, два «Бомбардье» и две «Тайги», прошли по дну ущелья, их следы тут же скрыл снег.

Я знаю и люблю свою реку Ию, возле которой живу 70 лет. Знаю её характер, все её притоки, большие и малые, их названия. Видел большие наводнения, когда Ия, беснуясь и ревя, выходила из берегов и несла грязные пенные потоки воды, затапливая низины, разрушая преграды на своём пути. В засушливые годы она мелеет и, весело журча, бежит по камушкам. В солнечные дни вода в Ие прогревается и становится тёплой. В ней водится замечательная рыба: таймень, ленок, хариус.

В 2001 году мы сплавлялись на рафтах по Холбе, с Холбы — на Ию. Холба там загнана в ущелье шириной в два метра, но какие сильные на ней буруны! Нам приходилось перетаскивать рафты, а кое-где мы не могли их протаскать даже боком. Приходилось перетаскивать по суше, а потом на верёвках спускать на воду и плыть дальше. Сплавлялись до Аршана. Места там красивейшие: обнажение пород, скалы и древесная растительность. Звериных троп много именно в красивых местах. Я заметил, что звери любят шумливые проходы, где русло реки создаёт аэродинамическую трубу. По ней всегда идёт свежий ветерок. Так животные спасаются от гнуса, его в тайге очень мало, а комаров, мошки и клещей вообще нет из-за более жёстких климатических условий, которые не позволяют этим кровососам размножаться. Клещи предпочитают равнину, где много травы. В тайге

лишайники, различные виды мхов. Это не их среда. И поэтому далеко в горах, в верховьях рек Хиай, Холбы, в среднем течении Ии клещей нет. Во всяком случае, я их там никогда не встречал. И на животных их не было. Такой интересный факт я отметил для себя.

Мы уже готовились в обратный путь, когда давний наш товарищ, охотник Серёга, помню только его имя, из тувинского посёлка Чезылар, не раз выручавший нас в трудных ситуациях, как ни в чём не бывало проронил фразу:

— А вы знаете, что на том конце озера Хамсара монахи живут?

— Какие монахи? — удивились мы.

— Да обыкновенные монахи. — И уточнил:

— С прошлого лета.

Переночевали на берегу озера, утром отправились знакомиться с людьми, выбравшими местом жительства столь отдалённые и труднодоступные места. Взяли гостинцы: капусту, мёд, сухари и ещё кое-что из своих припасов — и на снегоходах двинулись в путь. Я, как верующий и крещёный, с пониманием отношусь к взявшим на себя подобный крест... Мы быстро нашли общий язык.

Пустынька монахов образовалась на противоположной стороне озера, где ещё с советских времён стоит большое зимовье рыбаков-промысловиков, рядом бревенчатые домики, расчищенные от снега улочки. Они были рады встрече с нами. Познакомились с отцом Константином и братией. Разговорились.

У монахов открытые ясные лица свободных от суеты людей. Глава скита, 66-летний архимандрит Константин, поведал нам историю духовного подвига тех, кто оставил мирские соблазны и отправился в пустынный, отрезанный от большого мира горами край отмаливать грехи того самого мира. Отец Константин вначале был монахом Троице-Сергиевой лавры, затем служил в Московской и Тверской епархиях, в Тувинской, и ещё восемнадцать лет — в Самарской. Строил церковь, открывал воскресные школы, окормлял 16 приходов. У престола Божия отслужил почти 40 лет. Душа отца Константина протестовала, видя, как безобразно меняется мир, меняются люди, как сама церковь православная осовременивается, как становится в ней всё больше политики и бизнеса, а у служителей — тяги к роскоши.

С благословения Архиепископа Самарского и Сызранского Сергия покинул епархию. Решил уехать в Тыву, «где когда-то служил, был знаком с необыкновенной природой». Об этом его решении узнали в приходе, и прихожане не оставили его одного. Все они — обычные люди. У многих высшее образование. Жили в Самаре, работали, посещали церковь. Продали квартиры, дома, мебель, вещи. На большом автобусе 30 человек вначале добрались до Кызыла. Там наняли вертолёт и прилетели на исток Хамсары. Завезли с собой продукты, инструменты, вещи, необходимые в отшельничестве. У них было рвение сохранить православную веру в чистоте. Носили монашескую одежду. Молились. Соблюдали посты. Неустанно трудились. Разрабатывали лесные поляны, выращивали овощи, культурные растения. Заготавливали на зиму дрова. Занимались рыбной ловлей, так как мясная пища им не положена. Зимние вечера проводили при свете керосиновой лампы. Были среди них и пожилые монахи и монахини, и молодые, как матушка Анастасия 26 лет от роду, шесть из которых она провела в монастыре. У матушки Анастасии медицинское образование, и она ухаживала за больными и инвалидами. В лечении пользовалась лекарственные травы, собирала их здесь же, в окрестностях. Они сделали глинобитную печку, пекли хлеб.

Но место оказалось не таким глухим, как думалось отшельникам. Им стали докучать туристы, рыбаки, пришлые нетрезвые сквернословы задавали оскорбительные вопросы: «А что вам здесь надо? Может, золото моеете?»...

Когда я услышал об этом от монахов, то предложил им зиму 2010 года провести на моей базе «Казачка Ия», пока не отыщу более уединённого и пригодного для их жизни места в Тофаларии. Они приглашение приняли. Но планы не сбылись, закрыли аэропорт в Нижнеудинске, откуда монахи вертолётom хотели попасть в Тофаларию. Тогда они решили отправиться в Тыву.

Геологи завезли их в дальнюю тайгу, куда смогли пройти их вездеходы. Дальше скитальцы медленно продвигались пешком. Вначале несли страдающих ДЦП монахинь, потом возвращались за вещами. Дойти до намеченного места до зимы не успели.

Осенью поставили избушку. Решили обустроиться надолго, но выбор оказался неудачным, в местной реке не оказалось рыбы — главного продукта питания. Перезимовали и в начале мая по снежному насту отправились дальше. На самодельных санях везли пожитки и не способных передвигаться матушек. Шли почти всё лето. Неподдалёку от озера Белин-Холь наконец-то остановились уже окончательно. Стали готовиться к зиме. Поставили брезентовый шатёр. Потолок укрепили распиленными брёвнами, пол устлали сухими ветками. Соорудили печку. Наведывались к геологам, которые делились с ними лекарствами, хлебом, продуктами.

Кто-то не вынес тяжёлых условий проживания и вернулся в мирскую жизнь. Оставшиеся продолжали свой подвиг веры.

В феврале 2017 года я начал готовиться в очередную экспедицию. С оператором Дмитрием Слободчиковым проговаривали состав участников. Он сделал несколько фильмов, в том числе о монахах, хотел снять фильм, посвящённый десятилетию нашей дружбы с ними. Узнать, нашли или нет успокоение в своих поисках, как чувствуют себя, какие у них планы, где будут дальше продолжать своё служение Богу?

Как и намечали, в конце февраля отправились в экспедицию, а в марте на снегоходах добрались до скита. Привезли монахам гостинцы, узнали об их житье-бытье. Мало что изменилось в их жизни, они по-прежнему сохраняют веру, по их признаниям, им легко молиться в горах.

Я и сам замечал: на природе не только свободно дышится, но и душа становится светлее, очищается.

И ныне мы не потеряли связи с монахами. Приезжаем к ним, созваниваемся по телефону. Труден путь их служения. Не давали им житья не только туристы, но и фискальные органы, необоснованно подозревая в противозаконных занятиях, в той же тайной добыче золота или других редких полезных ископаемых. Им непонятно, почему их обязательно надо подозревать, если они ушли вглубь Саян, в безлюдье, в бездорожье, в засыпанную снегом тайгу молиться, если ищут пристанище вдалеке от посёлков, от людей? Многим непонятен этот подвиг во имя веры: соблюдение постов, постоянное чтение молитв, каждодневное преодоление тягот и невзгод.

«Молитвы, совершаемые в пустынях, в горах, беспрепятственно доходят до Господа. Он слышит нас, а мы — Его. Между нами нет посредников», — сказал настоятель монашеского скита отец Константин.

Из тридцати монахов, некогда устремившихся в пустынные дали, осталось трое. Одни вернулись домой, кто-то умер по старости или по болезни. Отец Константин, матушки Анастасия и Нина живут на островке одного небольшого озера, почти в

трёхстах километрах от ближайшего посёлка вверх по Енисею. Местные жители помогли им построить баню, домик для проживания, примитивную хлебопекарню. Монахи собирают ягоды и грибы, ловят рыбу. Эти люди близки по духу к древним святым, избравшим подвиг отшельничества. Это их путь в Царство Божие.

Богатство земли сибирской

Богата земля Тулунская лесом, зверем и птицей, полезными ископаемыми и другими природными дарами. Давным-давно, когда я ещё был пацаном, Тулунский коопзверпромхоз занимался заготовкой лекарственного сырья: берёзовой чаги, листа брусники, камеди и агарикуса¹.

Чага — полезный лекарственный гриб, растущий на взрослых берёзах. Он поселяется не на всех деревьях, а только на ослабленных. Для берёзы это паразит. Для человека — ценное лекарство. Известный иркутский учёный-фитотерапевт Виктор Васильевич Телятьев в книге «Полезные растения Центральной Сибири» (Восточно-Сибирское книжное издательство, Иркутск, 1987 год) даёт и другие названия чаги: трутовик косотрубчатый, берёзовый гриб, чёрный берёзовый гриб. Население Сибири использует его при заболеваниях желудка и как укрепляющее организм средство.

Лист брусники с незапамятных времён настаивают и употребляют как чай. Издревле люди заметили и его лечебные свойства. Использовали при болезнях почек, при ревматизме, для улучшения аппетита.

Камеди в тайге почти не было. Её собирали возле посёлков, где произрастала толстая лиственница, диаметром больше метра. Во время пожаров выгорала или подгорала комлевая часть дерева, образуя трещины или дупла, в них и появлялась камедь. В детстве мы её называли «сосулей», потому что сосали, как леденцы. У «сосули» был сладковатый вкус, который детворе очень нравился. Эта «сосуля», камедь, оплачивалась при приёме достаточно дорого. Если чагу принимали по 60 копеек за килограмм, то камедь — по 2 рубля 50 копеек.

Тулунский коопзверпромхоз по заявкам поставлял лекарственное сырьё в аптеки. А заготовкой этого сырья занимались охотники. Я помню Михаила Ивановича Малунова, штатного охотника и, как у нас говорят, трудоголика. Родился он в 1922 году. Физически сильный, крепкий, всегда ходил пешком. Охотился пешком, и всё добытое в лесу выносил на себе в рюкзаке. Лошадям почему-то не доверял. Так вот, Михаил Иванович больше всех сдавал лекарственного сырья.

Постепенно ассортимент лекарственного сырья расширялся. До 1978 года толокнянка принималась в небольших объёмах. Килограмм стоил 1 рубль 70 копеек. Люди на ней и тогда зарабатывали немалые деньги. С 1978 года началась повальная заготовка толокнянки. Родоначальником массового сбора стал Валерий Господарик. Ему за это можно было «Толокнянный» орден повесить. Я работал охотоведом в Тулунском коопзверпромхозе. В 1981 году Господарик и его родственник Десятский поехали на заготовку. Господарик был физически крепкий парень. Работал в пожарной части, а во время отпуска заготавливал толокнянку. Он вставал на рассвете, делал зарядку, подтягивался на перекладине, которую сам соорудил, пил чай и шёл на работу. Трудился по четырнадцать часов. Заготовленное сырьё было тяжёлым, а его надо было собрать в одно место, разложить для просушки на жерди-вешала. За период отпуска он с бригадой заготавливал одну-две тонны. Как я уже сказал выше,

¹ Агарикус — гриб, растущий на лиственнице и обладающий полезными свойствами.

стоила толокнянка в то время 1 рубль 70 копеек. А потом приёмную цену повысили. Как-то сижу в кабинете, приходит Валера Господарик и спрашивает:

— Слышал, цену на толокнянку подняли — 5 рублей за килограмм стала. Правда, Василич?

— Правда, — подтвердил я.

— Ты представляешь, сколько денег при такой цене за сезон можно заработать?! — говорит мне Валерий. — Бешеные деньги!

До этого разговора мне было всё равно, сколько стоит толокнянка. А после этого разговора я задумался. На следующий, 1982 год, в сентябре, приехал ко мне друг Евгений Васильевич Кононенко (он в то время работал рентгенологом в санатории «Байкал», а позже — главным врачом) и предлагает:

— Поедем в толокнянку, попробуем заработать.

Я согласился. Завёл ГАЗ-66, и на выходные поехали мы на Северную дачу, в район заготовки В. Господарика. Пробыли там три дня. Опытном переработки сырья с нами поделился Валерий:

— Вначале отбейте с побегов чёрный лист, а потом разложите на просушку на вешала.

Отбили мы чёрный лист. Погрузили сырье. Целый кузов получился, накрыли тентом. Приехали домой, затащили толокнянку на чердак и разложили для просушки. Зимой ко мне снова наведалься мой друг. Мы аккуратно сняли с чердака высохшую толокнянку, перемолотили во дворе и просеяли. У нас получилось 300 килограммов листьев. Мы их сдали в коопзверпромхоз. Получив деньги, поняли, что это замечательный бизнес. Физически не очень тяжёлый, а в денежном выражении достаточно солидный. За зиму я подготовил технику: нашёл для работы трактор Т-25 и тележку. Весной с другом покатали в места, где росла толокнянка. За сезон добыли три с половиной тонны. Сдали. Получили хорошие деньги. А Господарик за сезон добыл пять тонн чистой толокнянки.

— Неужели мне за неё все 25 тысяч рублей отдадут? — сомневался он.

По тем временам это были сумасшедшие деньги. Он получил их и не знал, куда девать. Сразу купил бортовую машину, часть положил на сберегательную книжку и покупал всё, что хотел.

Началась «толокняная» лихорадка, пик которой пришёлся на 1987 год. Коопзверпромхоз принимал по 200-300 тонн за сезон.

География тулунских толокнянщиков оказалась обширной и вышла за пределы района в Якутию, на Байкал, в Нижнеудинск, в Куйтун, в Красноярский край. В Тулунском районе заготавливали толокнянку и стар и мал, не говоря уже о трудоспособном населении. Финансовое положение многих жителей города и района в тот период резко улучшилось. Свидетельства — возведённые в те годы новые дома и коттеджи — сохранились до наших дней.

По предприимчивости, по бизнесу, я так считаю, Тулун занимает первое место не только в Иркутской области, но и в Сибирском регионе. Может, энергетика у нас особая или климат? До революции здесь была резиденция Шелкуновых, Киселёвых. Они не только торговали, но имели заводы и предприятия.

Нижнеудинск являлся уездным центром, а Тулун всего лишь волостью, а в экономическом отношении Тулун был гораздо значительнее. Почему он оставался волостью? Может, это от градоначальника зависело?..

Я думаю, что корни предпринимательства в нашем городе остались с того времени.

А ещё ранее многие, не только тулунчане, но и приезжие, поправляли матери-

альное состояние за счёт кедровников. В конце 60-х — начале 70-х годов в Саяны, на базу Желосы, толпами шли по двадцать — тридцать человек. На себе несли необходимое. Заготавливали кедровый орех. Орешники, прожившие месяц-полтора в тайге, выходили донельзя обносившиеся. У кого рвались сапоги, отрезали рукава у телогрейки и обматывали ими ноги, чтобы не пораниться о камни. Некоторые, просушивая вещи у костра, не досмотрели — и вещи подгорели. У многих одежда была изодрана.

Заготовленный орех орешники сдавали на месте в коопзверпромхоз и получали квитанцию об оплате. По этой квитанции их рассчитывали в Тулуне. Получив деньги, заготовители садились в поезда и разъезжались по домам в разные уголки страны.

Были и местные заготовители: Фирсов, Клепиковы и другие. По их фамилиям названы кедровые таёжки. Они из года в год много лет ходили в одно и то же место, заготавливали орехи, обустроивали быт — строили зимовье, поэтому их именем и называли тайгу. Были и границы между таёжками: тропки и ручьи. В Желосах есть Евдокимовская тайга, Воинов кедрач, Фирсова, Кукарцева — Григория Кукарцева, моего земляка-ишидейца. Клепиковская тайга, куда Анатолий Дмитриевич Клепиков с сыновьями ходил. Ковалева, Рыковская, Бердниковская, Боевская... В конце 70-х годов побывал в Желосах, как говорили, «разжалованный» журналист из Нижнеудинска, пострадавший не то за пьянку, не то за чрезмерный интерес к слабому полу. Никто уже не помнит, за что, но по сей день ту тайгу зовут Журналистская.

Одна из таёжек называлась Терещенко — именем моего деда Степана Ивановича. Отец рассказывал, что они били в том кедраче шишки ещё до войны. Работали до глубокой осени, до снега. Жили в балагане. Потом мой дед настоял, чтобы мужики, тоже добывающие орехи в его кедровнике, матёрые таёжники, построили зимовье. За несколько дней с помощью топоров и пил они поставили домик, соорудили в нём нары, сложили каменную печку, обмазали её глиной и вывели на улицу трубу. После работы орешники топили печку, отдыхали, спали в тепле и были очень довольны.

В дедовой тайге и я не один раз добывал орехи. Мне было приятно, что здесь промышляли и мой дед, и мой отец. Там был хороший «бойный» кедровник, в Прибайкалье его называют «колотовник», то есть удобный для колотья: средний по толщине ствола, он сильнее вздрагивает от удара, с него легче сходит шишка.

Памятным для меня остался урожайный на грибы 1975 год. Руководителем Тулунского коопзверпромхоза был Пётр Иванович Власов, при его умелом руководстве заготовили рекордный объём грибов — 175 тонн. Власов — сильный, хваткий хозяин, прекрасно знал и понимал своё дело. Коопзверпромхоз он поднял, можно сказать, с колен: сделал ставку на многоотраслевую структуру производства, чтобы не зависеть от урожайных и неурожайных лет. В его правление обустроили охотничьи угодья и орехопромысловые зоны, организовали массовую заготовку дикорастущих, наладили их промышленную переработку. Частью этих заготовок и были грибы. Для приёмки тех же грибов требовалась тара. В Аршане и Тулуне по заявкам коопзверпромхоза изготавливали бочки. Скупались бочки также и во всех торговых предприятиях.

Рекордную долю грибов в 1975 году сдал Василий Тимофеевич Дроздов, заведующий Будаговским участком. Там хорошие березняки, и он умело организовал население на сбор грибов, в основном груздей. Грузди хорошо хранятся. Грибы люди несли в эмалированных вёдрах и кастрюлях. На базе их проверяли на качество, подсаливали и затаривали в бочки. Грибы — это продукт, требующий при

заготовке и закладке на хранение строжайших санитарных норм. Но обходилось без всяких эксцессов. Собранные грибы засаливали, консервировали и отправляли потребителям в Иркутск, Ангарск, Братск и другие города России...

* * *

С давних пор я никогда не беру с собой на рыбалку, охоту, в экспедиции чёрный чай — заварку. И «просвещаю» членов экспедиции:

— Зачем берёте с собой заварку, которая перенасыщена красителями? Лес — это кладовая, где можно найти для жизни всё необходимое.

Чай в походе — незаменимый напиток. Для его приготовления брали два трёхлитровых термоса на семь человек. За один присест выпивали весь чай. В качестве заварки использовали берёзовую чагу, каменный зверобой, золотой корень, любые замороженные ягоды и сушёные плоды шиповника, боярки. В термос клали кусочек чаги, две-три веточки зверобоя, по столовой ложке ягод и плодов шиповника, немного золотого корня, и заливали кипятком. Такой чай снимает усталость, бодрит, так как в нём имеются необходимые микроэлементы. Всем охотникам и путешественникам рекомендую заваривать травки вместо чая, и проблемы со здоровьем обойдут.

Строительство лабаза

В арендованном мной лесном участке устраиваю лабазы для наблюдения за дикими животными. Одно из таких сооружений в урочище Сасарка прохудилось окончательно, и я решил его обновить. В конце апреля 2017 года пригласил с собой на кордон Анатолия Анисимова, надёжного единомышленника и сотоварища во всех моих экспедициях. По пути завернули на реку Икей, прошли по берегу. Здесь повсюду были следы бобровых семейств: поваленные и погрызенные стволы крупных ив и осин. Щепки возле них. Мелко искрошенная кора. Нагромождённые кучи из тонких стволов, ветвей и земли свидетельствовали о проживании здесь зверьков. Поскольку река была ещё подо льдом, бобры не вышли из своих хаток. Осмотрев их поселение, отправились дальше.

Ехали неторопливо, вглядываясь в следы диких животных — изюбра, коз, сохатого, — оставленные на дороге. За поворотом порадовали глухарь. У них начался ток. Пять копылух безбоязненно вышли на дорогу. Вокруг них во всей красе вился красавец глухарь: развернул веером хвост, распушил перья. Увидев машину, копылухи неторопливо сошли с дороги и отправились в лес. За ними, токуя, последовал и глухарь. Мы наблюдали за птицами, пока они не скрылись в чаще.

— Пять копылух и один глухарь... Маловато осталось петухов, — заметил Анатолий.

— Надо проследить за охотой на токах за приезжающими. Опытные охотники в основном добывают глухарей, а копылух оставляют для размножения. Заезжие любители отстреливают птиц без разбору. А тут создались такие условия, что и глухарей надо побережь, — согласился я.

Приехали на кордон. Из тележки, прицепленной к легковой машине, перенесли фанерные щиты в ГАЗ-66. Также погрузили доски из имеющегося на кордоне запаса. С нами поехал егерь Алексей Алексеенко. Он следит за порядком на кордоне, открывает шлагбаум для проезда в тайгу охотникам, рыбакам, лесозаготовителям.

Хочу заметить, что кордон расположен в живописнейшем месте. На берегу реки построена баня, имеются гостевые домики, организована кухня. Гости могут увидеть диких животных в естественных условиях. Для этого устроены солонцы, на полях посеяны кормовые культуры, на которые приходят животные. А вблизи солонцов и полей на деревьях сооружены лабазы для наблюдения. Лесными обитателями можно любоваться и своими глазами, и в бинокль: это очень занятное зрелище и для детей, и для взрослых.

Я внука водил на лабаз. И надо было видеть его глазёнки, его эмоции, непередаваемый восторг, когда он наблюдал за животными!.. Зверь в этих местах чувствует себя спокойнее, но всегда насторожен. Ведь любого человека дикие звери воспринимают — не без основания — с опаской. Человек является для них врагом. Животное лижет соль или щиплет траву, потом резко поднимает голову, осматривается, стрижёт ушами. Бдительность и осторожность для него естественны: внезапно может хищник напасть, или человек с ружьём подкрадётся. Осмотрится зверь — и опять кормится.

И зимой и летом лесные обитатели выходят на солонцы, восполняя в организме минеральные вещества. Соль они поедают вместе с землёй, с мелкими камешками, которыми чистят желудки. На некоторых солонцах, особенно природных, выедены сотни кубов земли. Диким животным, как и домашним, нужна соль.

Поведение зверей в природе наблюдать интереснее, чем в зоопарке. В вольерах за ними ухаживают: кормят, поят, убирают. У них нет никакой реакции на шум, присутствие людей. Они теряют осторожность и грацию...

Проложены на кордоне туристические тропы с восхождением на каньоны. В походе можно провести увлекательную фотосъёмку.

Километрах в трёх от кордона есть скалы. Я читал и из своих наблюдений сделал выводы, что изюбр, благородный олень, грациозный, подтянутый, любит выходить на скалы не только для спасения от гнуса (кровососущих насекомых), но и полюбоваться таёжной красотой. Есть такое выражение: «Красота спасёт мир». Оно касается и животных, ведь и у них, я думаю, есть душа. Изюбр выходит на открытые участки-площадки на скалах. Здесь, обдуваемый ветром, смотрит вдаль, прислушивается. И в случае опасности на отстой бежит, поворачивается задом к пропасти, чтобы на него сзади не напали волк или собака и пах зубами не порвали, и обороняется от нападающих рогами и передними ногами. Здесь он может долго стоять, отбиваясь даже от волчьей стаи.

Лось, хотя и относится к семейству оленевых, отряду копытных, не такой грациозный, как изюбр. Он крупный, с виду неуклюжий. Не скачет по скалам, даже бежать слишком долго не может. Он житель низинных мест и болотных угодий. Ходит быстро и подолгу. Предпочитает лиственные леса. Ему, конечно, неведомы горные красоты. В отличие от изюбра, лось более приземистый...

ОЛЬГА ЮРЧУК

ИСКУССТВОВЕД, НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК
ИРКУТСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

«Великий молчальник»

Наверное, многие любители искусства, узнав о том, что в Иркутск приезжает выставка «Валентин Серов» из собрания Русского музея, перефразировали известную цитату: «Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам приятное известие: к нам едет «Серов!»».

Масштабная выставка является продолжением долгосрочного сотрудничества между правительством Иркутской области и Государственным Русским музеем. На протяжении двух лет иркутяне видят прекрасные плоды этого сотрудничества. В прошлом году была привезена коллекция Русского музея, посвященная авангардному искусству («Бубновый валет»). Спустя год впервые в столице Приангарья в Иркутском художественном музее представлена выставка произведений одного из самых значительных русских художников конца XIX — начала XX века — Валентина Александровича Серова.

Выставка рассказывает о творческих поисках мастера на протяжении 30 лет. В экспозиции 47 живописных и графических произведений. Интересно отметить, что Русский музей показывает иркутскому зрителю не только работы из своих богатых запасников, но и произведения из постоянной экспозиции. Живописные портреты князя Феликса Юсупова, Марии Федоровны Морозовой, императора Александра III, были специально временно сняты с постоянной экспозиции Русского музея. Удивительно на какие «жертвы» идет знаменитый музей, чтобы наиболее полно представить творчество великого художника в далёкой Сибири.

Иркутский художественный музей дополнил эту выставку произведениями из своей коллекции. Пять графических произведений, относящихся к разным периодам творчества художника, отлично влились в общую экспозицию. Для заинтересованных посетителей музей предлагает печатное издание — каталог по выставке «Валентин Серов», подготовленный совместно научными сотрудниками Государственного Русского музея и Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева. В него включены живописные и графические произведения, две научные статьи о творчестве мастера и, конечно, летопись творчества художника. Заслуживает внимания тот факт, что сотрудниками музея был предусмотрен и своеобразный зал-кинотеатр, где можно посмотреть документальные фильмы о жизненном пути и творческом наследии Валентина Александровича.

При всем многообразии тем, в которых ярко проявился талант Валентина Серова, жанр портрета принес ему известность и репутацию автора выразительных и точных характеристик. Взявшись писать того или иного человека, он старался

найти ключ к нему, стремился изобразить самое существенное. Его никогда не удовлетворяли элементарные решения. Особенность портретных замыслов Серова — исключительное разнообразие поз, неповторимость положений, поворотов, жестов. Он не повторял удачно найденных приемов и способов и к каждому портретируемому выискивал подходящую композицию. Оттого процесс написания портрета был долгим и мучительным для автора. Слава портретиста стала для него настоящей каторгой и проклятием. В те годы он часто с раздражением повторял: «Я не портретист, я — художник!». Не желая того, Серов стал самым известным отечественным портретистом рубежа веков. Вместе с популярностью художника-портретиста росли и слухи о том, что портретироваться у Серова опасно. Взгляд-рентген мастера страшил многих светских особ. Художник всегда отчетливо видел и беспристрастно показывал миру суть человека.

Неудивительно, что значительную часть экспозиции, которая заняла весь первый этаж Галереи сибирского искусства, составляют живописные портреты. Некоторые из них поражают углубленной психологической трактовкой образа (беспощадный в своей объективности портрет М.Ф. Морозовой). В других портретах Серов сдерживает свой талант художника-психолога (лиричный портрет Е.П. Кончаловской, деликатные и естественные в обрисовке характеров портреты-этюды великой княжны Ольги Александровны и великого князя Михаила Александровича). Однако во всех работах портретного жанра неизменно присутствуют живописное и колористическое мастерство, точные изобразительные средства, подобранные индивидуально для портретируемого.

Портреты современников — основная линия творчества Серова. Но художник отдавал щедрую дань и другим темам и жанрам искусства. Прославившись как портретист, он был не менее замечательным мастером художественного истолкования природы. Отдельным блоком на выставке экспонируются знаменитые работы «крестьянского» периода. Неприметные на первый взгляд «Баба в телеге» и «Зимой» наполнены проникновенной поэзией. Они не торопятся «открыться» зрителю. Контакт с ними затруднен — необходимо вчувствование и в изображаемый мотив, и в его пластическое воплощение. В суровой простоте его пейзажей угадывается целый мир чувств: и сыновья любовь к родине, и переживания о судьбах народа. Вместе с Исааком Левитаном и Константином Коровиным Серов стоял у истоков национального лирического пейзажа рубежа веков.

Как правило, есть художники живописцы, и есть художники-рисовальщики. Валентин Александрович удивительным образом был и тем и другим — прекрасным живописцем и великолепным рисовальщиком. Серов первым из русских художников возвел рисунок карандашом из статуса «простого наброска» в ранг самостоятельного произведения искусства.

Больше половины произведений, привезенных Русским музеем в Иркутск, являются графическими. В этом заключается еще одна уникальность этой выставки. Дело в том, что графические работы крайне чувствительны не только к температуре и влажности, как другие произведения, но и к воздействию света. Они начинают желтеть и выцветать. Музей может потерять произведение, если не будет соблюдать определенной техники безопасности. По этой причине посещать выставки графики очень важно, так как выставляют графические листы редко, и вполне вероятно, что эти работы вы не увидите больше никогда.

Среди графических произведений выделяются камерные портреты близких друзей и родственников. Обращают на себя внимание безукоризненно выпол-

ненные карандашом портрет матери и автопортрет. Глядя на рисунки Серова, мы видим, как художник углубляется в самую технику рисования, смакуя каждый штрих, играя силой нажима на грифель. В них абсолютная верность глаза, лаконичность приемов и безошибочная твердость руки.

Серов-рисовальщик примечателен и работой в качестве иллюстратора. В левом крыле галереи можно увидеть добротные и точные по образу рисунки, иллюстрирующие разные литературные произведения: повесть «Соколиные охоты» В.И. Немировича-Данченко, «Холстомер» Л.Н. Толстого, стихотворение «Крестьянские дети» Н.А. Некрасова и другие. В правом крыле галереи располагается серия иллюстраций, посвященная басням И.А. Крылова. Известно, какую страсть с детства питал Валентин Серов к животным. Даже будучи взрослым, направляясь за границу, он предвкушал, с каким удовольствием посетит не только известные музеи, но и зоопарки. Заказ проиллюстрировать басни Крылова позволял художнику свободно воплощать свои знания «по звериной части». Серов работал над иллюстрациями басен в течение 16 лет. За это время он смог освободиться от рабского следования натуре и научиться сдерживать в себе пейзажиста, отбрасывая излишние подробности в окружающей природе. В результате мы можем видеть компактные по композиции, выразительные, исчерпывающе раскрывающие ту или иную мораль басни иллюстрации.

Иллюстрирование не литературных произведений, а жизненных событий мы можем увидеть в следующем зале, в котором экспонируется позднее творчество мастера. Речь идет, прежде всего, о рисунке с саркастичным названием (строка из солдатской песни) «Солдатушки, бравы ребятушки, где же ваша слава?». В этом рисунке стилистика модерна с его культом линии, декоративности обретает экспрессивные черты. Он был создан в 1905 году, когда художник стал случайным свидетелем расстрела мирной демонстрации. Он немедленно вышел из состава Академии художеств, поскольку винил в случившемся президента Академии — великого князя Владимира Александровича, который командовал войсками военного округа. Интересно отметить, что среди самых близких Валентин Александрович имел репутацию молчаливого и сдержанного человека. Исключением были ситуации, заставлявшие конфликтовать «серовскую» сдержанность с его обостренным чувством правды. В такие моменты «великий молчальник» Валентин Серов молчать не мог. Он высказался самой острой карикатурой на царизм.

В 1900-е годы Серов достиг такого уровня мастерства и виртуозности, что его свободные творческие поиски непременно удивляют. Глядя на произведения, расположенные в этом зале, кажется, что перед нами работы совершенно иного художника. Универсальность и талант Серова позволили ему сотворить прямо-экзотичные эскизы к театральной постановке оперы «Юдифь». Они являются классикой отечественной театральной живописи.

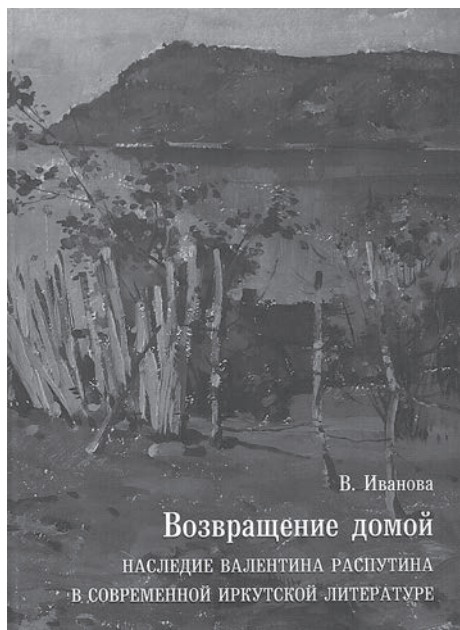
В конце 1900-х годов интересы художника характеризуются разнонаправленностью — он работал одновременно над произведениями, выдержанными в стилистических рамках модерна и неоклассики. В стремлении создать «большой стиль» Серов обращался к высоким традициям культуры античности, создав несколько неоклассических широко известных произведений (например «Одиссей и Навзикая»). Но, пожалуй, самое знаменитое произведение, относящееся к циклу об античной эпохе, созданное в стилистике модерна, это «Похищение Европы». В графическом эскизе отразилась эволюция художественной манеры Серова, соединяющая в себе черты искусства как древнего, так и современного. В ней слились

свежие впечатления от искусства Древней Греции и тяготение к модерну. Произведению свойственна декоративность, обобщенность форм, упругая выразительная линия силуэтов, задающая динамику и ритмичность.

В последние годы жизни Серова интересовали не только античные идиллии, но и другая тема — эпоха Петра I. Неоднозначная личность первого императора завладела вниманием художника настолько, что появилась целая серия работ на тему петровской эпохи. Серов со свойственной ему основательностью взялся запечатлеть образ «настоящего» Петра, не приукрашенного и не припудренного. Без усталости занимаясь рутинной подготовительной работой, он посещал загородные дворцы XVIII века, изучал и делал зарисовки с гардероба монарха, вглядывался в посмертную маску Петра, посещал исторические лекции. В итоге Серов стал непревзойденным знатоком петровского времени: мельчайшие детали его картин имеют убедительное документальное обоснование.

На выставке зритель может увидеть эскизы «Кубок Большого орла» и «Петр I на работах». Обманчивая на первый взгляд незначительность выбранных моментов из жизни героя позволила Серову передать дух эпохи преобразования России, и, конечно, представить противоречивый характер исторической личности. Это очередной раз подтверждает глубокий, яркий и многогранный талант художника.

Поэт Валерий Брюсов так писал о таланте Серова: «Он видел безошибочно тайную правду жизни, и то, что он писал, выявляло самую сущность явлений, которую другие глаза увидеть не умеют». Будучи молчаливым в жизни, Валентин Александрович Серов многое успел сказать своим творчеством. Его нельзя причислить к какому-то одному стилю (в каждом направлении он создал свои шедевры, будь то реализм, импрессионизм, модерн или неоклассицизм). Он был универсальным художником, сказав свое слово и в живописи, и в графике, и в иллюстрации, и в театральном искусстве. Прожив всего 46 лет, 30 из них Валентин Александрович самозабвенно отдал искусству, навсегда вписав свое имя в историю русского искусства.

Иванова, В.Я.

Возвращение домой. Наследие Валентина Распутина в современной иркутской литературе : статьи, очерки / Валентина Иванова. — Иркутск : Сибирская книга (ИП Лаптев А.К.), 2023.— 176 с.

В статьях и критических очерках, посвященных вопросу преемственности современной иркутской литературой традиций распутинской прозы, в произведениях прозаиков, поэта и драматурга раскрываются ценности русской классической литературы с ее вниманием к человеку, его внутреннему миру, духовному пути. Сборник удостоен Всероссийской литературной премии им. Фёдора Абрамова «Чистая книга» в номинации «Литературная

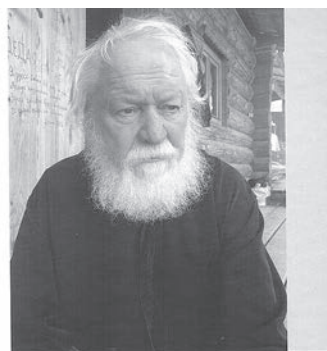
критика» (2022). Книга предназначена для филологов, учителей русского языка и литературы, специалистов в области отечественной культуры, а также для всех ценителей прозы В.Г. Распутина. Книга издана по решению Издательского совета Иркутского Дома литераторов.

Скробот, В.А.

Прожитое : стихи, статьи, размышления / В.А. Скробот. — Иркутск : Сибирская книга (ИП Лаптев А.К.), 2023. — 672 с.

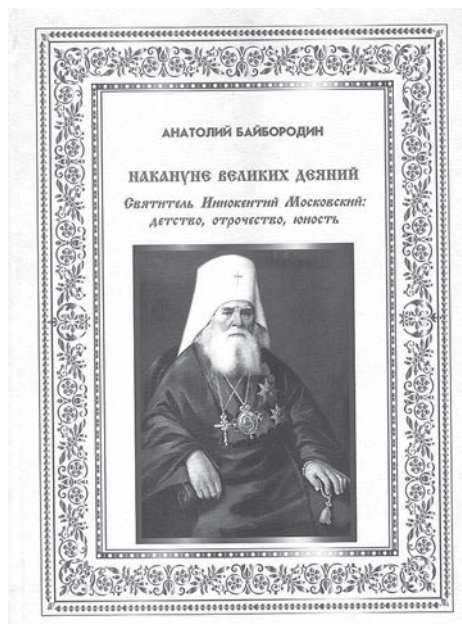
Стихи Василия Александровича Скробота подкупают душевностью, искренностью, поэтическим мастерством. Автор прожил долгую насыщенную жизнь. Ему есть что сказать людям, и он щедро делится с читателем своими воспоминаниями и впечатлениями о пережитом. В новый сборник под названием «Прожитое» вошли избранные стихи, статьи, размышления автора об окружающем мире. По его собственному признанию, эта книга подводит своеобразный творческий итог всей его жизни. Творчество самобытного поэта и душевно чуткого человека не оставит

ПРОЖИТОЕ

**Василий
СКРОБОТ**

равнодушным никого. Василий Скробот честно и доверительно пишет о своей жизни, размышляет о ее превратностях, анализирует опыт прожитых десятилетий. Все его творчество есть гимн суровой сибирской земле и живущим на ней людям. Рекомендуются читателям всех возрастов.

Байборodin, А.Г.

Накануне великих деяний. Святитель Иннокентий Московский : детство, отрочество, юность / А.Г. Байборodin. — Иркутск: Издательский отдел Иркутской епархии, 2023. — 92 с. : ил.

Документально-художественный очерк посвящен иркутским годам святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского, апостола Америки, Сибири и Дальнего Востока. Автор описывает историю села Анга Иркутской губернии, где в малой избушке, в большой и бедной семье пономаря прошли ранние годы грядущего святого, которому будет молиться весь православный люд. Бедность сопровождала святителя и в Иркутской духовной семинарии, но святой отрок с малых

лет привык спокойно и смиренно переносить житейские тяготы, спасаясь боговдохновенной молитвой и усердным трудом. Святитель любил и навещал Иркутск и родное село Анга, даже будучи архиепископом в Якутске и Благовещенске, а потом и Предстоятелем Русской Православной Церкви в Москве.

Балыков, В.Г.

Признание : [стихи] / В.Г. Балыков. — Иркутск : Сибирская книга (Лаптев А.К.), 2023 — 208 с.

Виктор Геннадьевич Балыков — известный сибирский поэт, член Союза писателей России, автор двух сборников стихов, изданных в Ангарске в 2015 и 2016 годах. Главная тема творчества поэта — поиски смысла жизни, своего предназначения, философский взгляд на мир, воспевание природы.

Книга издана по решению Издательского совета Иркутского Дома литераторов.

Виктор Балыков

ПРИЗНАНИЕ

Иркутск и Романовы: альбом-каталог / сост. Н.С. Сысоева, А.С. Потапова; статьи : Л.Н. Снытко, С.Е. Шемякина, И.П. Бедулина, К.А. Писецкая; редактор и корректор: М.Л. Ткачёва, А.В. Кокин; оформление: А.А. Шелтунов. — Иркутск: ГБУК ИОХМ им. В. П. Сукачёва, 2023. — 232 с. : ил.

Альбом-каталог «Иркутск и Романовы» позволит раскрыть яркие страницы эпохи династии Романовых (1613-1917). Иркутск в годы ее правления занимал ведущее место среди городов Сибири. Иркутский музей обладает богатейшей коллекцией, связанной с династией Романовых. В собрание входят произведения живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства: портреты членов императорского семейства, их

«наместников», служивших в Иркутске (церковных и светских чиновников), их «сподвижников»-иркутян (купцов, мещан, интеллигенции), произведения декоративно-прикладного искусства, имеющие отношение к династии. В альбом вошла лучшая часть этой коллекции вместе с материалами из музейного архива и библиотеки. Значительное место в альбоме занимают статьи о разделах коллекции (живопись, графика, декоративно-прикладное искусство).

Поздравления

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Поэта, члена Союза писателей России **Александра Сокольников** с победой его книги «В пустыне белого листа» (Иркутск, 2022) в конкурсе «Книга года: Сибирь-Евразия — 2023»

Директора регионального центра русского языка, фольклора и этнографии, члена Союза писателей России **Галину Афанасьеву-Медведеву** с победой в номинации «Лучший автор или авторский коллектив» за многотомное продолжающееся издание «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» и присуждением премии имени Матвеевых, прошедшим во Владивостоке в рамках XXIV Дальневосточной книжной выставки «Печатный Двор — 2023».

Лауреатов премии журнала «Сибирь» им. Алексея Зверева — 2023 г.:

в номинации «Проза» — члена Союза писателей России
Александра Семенова
За повесть «Сокол ясный»

в номинации «Поэзия» — члена Союза писателей России
Валентину Сидоренко
за цикл стихов «Вот мы стоим в конце пути земного...»

в номинации «Очерк и публицистика» — члена Союза писателей России
Валерия Скрипко
за цикл литературно-публицистических очерков

Заросший пруд. Дюмеканово, 1888 г.

Похищение Европы, 1909-1910 гг.

*М.Г. Корнев, председатель регионального штаба
«Культурный фронт России»*

Луганск, лето 2023